Ю.К.ЯКИМОВИЧ

ДЕЯТЕЛИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И СЛОВАРНОЕ ДЕЛО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Литературоведение и языкознание»

Ю. К. ЯКИМОВИЧ

ДЕЯТЕЛИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И СЛОВАРНОЕ ДЕЛО

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
Т. Л. КАНДЕЛАКИ

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Я 45

Я к и м о в и ч Ю. К. **Деятели русской культуры и словарное дело.**— М.: Наука, 1985. 160 с. 8 ил. (Серия «Литературоведение и языкознание»).

В книге рассказывается о жизни и деятельности представителей русской культуры XVII—XIX вв., создателей первых отечественных переводных словарей, о становлении словарного дела, связанного с укреплением и развитием страны, с научно-техническим прогрессом в России XVII—XIX вв., возрастанием роли русского языка среди других языков мира.

46.2

Рецензенты:

Е. Э. БИРЖАКОВА, М. Я. ЦВИЛЛИНГ

Я $\frac{4602000000-059}{054(02)-85}$ 98—85 науч.-поп.

ВВЕДЕНИЕ

> Словарь, словник, словотолковник, словотолк — сборник слов, речений какого-либо языка, с толкованием или с переводом.
>
> (Словарь Даля)

Переводные словари знакомы всем. Нет человека, которому бы не приходилось брать в руки англо-русский, немецко-русский или какой-либо иной двуязычный словарь — хотя бы в школе. Современный инженер, врач, строитель, архитектор и любой другой специалист читает, как правило, иностранную литературу по своей специальности, а значит, пользуется словарями. Словарь может быть массовым изданием, но может предназначаться и для узкого круга специалистов, сообщая какую-либо специфическую информацию о словах, как например частотные, лингвострановедческие, словообразовательные переводные словари или словари «ложных друзей переводчика», сочетаемости и т. д.

Такой обычный, даже скучный переводной словарь... Может показаться, что он существует с незапамятных времен. Однако прежде чем стать настольной книгой и постоянным помощником человека, словарь проделал долгий путь. Он вобрал в себя все знания, накопленные лингвистикой, и усовершенствовал свою конструкцию, которая позволяет в сжатой форме давать сложную и разнообразную информацию о словах. Конечно, на пути создания словарей совершались ошибки и образовывались тупики (например, когда в период великих географических открытий пришло увлечение гигантскими словарями, включающими одновременно сотни языков); иногда последующее поколение лексикографов забывало то полезное и нужное, что было уже сделано, и начинало работу заново. Но эволюция словарного дела происходила упорно и непрерывно, потому что этого требовали многие сферы человеческой деятельности.

Переводные словари были незаметными, но постоянными спутниками научно-технического прогресса. Они были нужны для укрепления международных связей,

развития торговли и мореплавания, а затем и промышленности, перевода художественной литературы и научных трудов, формирования системы среднего и высшего образования.

В создание и совершенствование переводных словарей внесли вклад многие выдающиеся деятели России. Формирование основных принципов переводной лексикографии происходило в XVII—XVIII вв. Поначалу словарями занимались крупные ученые страны, прославившие себя во многих областях, такие как просветитель XVII в. Епифаний Славинецкий или государственный деятель петровского времени Яков Брюс. Они видели необходимость составления иностранно-русских и русско-иностранных словарей, работа эта была сложной и неизученной, и среди других ученых и государственных занятий им приходилось брать на себя и лексикографию. В дальнейшем переводные словари стали уделом тех, кто занимался переводами или обучением иностранным языкам. Такими лексикографами были переводчик и издатель начала XVIII в. Ф. П. Поликарпов-Орлов, преподаватель и издатель Ф. Рейф, педагог И. Я. Павловский, переводчик А. М. Энгель.

Очерки о лексикографах трех столетий знакомят, разумеется, не со всей историей переводной лексикографии — из нее выбраны наиболее яркие страницы. Труды названных лексикографов нашли признание у современников и потомков, им принадлежал приоритет в том или другом разделе лексикографии (например, в составлении первого словаря с русского языка или первого научно-технического словаря), разработанные ими принципы ложились в основу дальнейшего развития словарного дела. Наряду с этими лексикографами трудились и многие другие, может быть, менее самостоятельные и оригинальные в своих идеях и открытиях, но создававшие необходимый фонд справочной литературы для нужд просвещения, науки и техники. За пределами книги остались и словари с восточных и на восточные языки, хотя востоковедческая лексикография также делала успехи, а восточные языки, как отмечено в одной из глав книги, дали в XIX в. большое число заимствований в русский язык.

Одновременно с переводными словарями издавались энциклопедические, толковые, исторические, фразеологические и другие, которые взаимодействовали с переводными. Так, энциклопедические издания, отражая состоя-

ние научного знания о мире и обществе, определяли мировоззренческие горизонты авторов переводных словарей. Из энциклопедических изданий, современных тем авторам, о которых идет речь в книге, можно назвать «Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской» В. Н. Татищева (1763 г.), «Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний» под редакцией петрашевца Ф. Г. Толля (1863—1864 гг.), «Техническую энциклопедию» под редакцией Д. И. Менделеева (1862—1868 гг.). Толковые словари помогали авторам переводных составить русский словник, определить объем значений слов и решить многие другие лексикографические проблемы. Огромную роль сыграли для языкознания в целом первые академические словари «Словарь Академии Российской, производным путем расположенный» (1789—1794 гг.) и «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (1806—1822 гг.). Особое место среди толковых словарей занимал «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863—1866 гг.), откуда лексикографы второй половины XIX в. заимствовали для себя очень многое.

Почему очерки о выдающихся авторах переводных словарей могут быть интересными не только для специалистов, но и для всех любознательных читателей? Это часть нашей истории. Если в работе Крутицкого просветительского общества, которым руководил Славинецкий, большое и важное место занимало составление лексиконов, как же нам не заинтересоваться этим? Если Петр Первый считал составление словарей одной из своих государственных забот, и его ближайший сподвижник Яков Брюс взялся за русско-голландский лексикон, то нельзя пропустить эту страницу нашей истории. Если скромный преподаватель Тартуского университета И. Я. Павловский многие годы отдал русско-немецким и немецко-русским словарям, которые популярны у переводчиков вот уже более ста лет, как не познакомиться с его деятельностью? О профессорах и воспитанниках Тартуского университета (в их числе были хирург Н. И. Пирогов, писатель и лексикограф В. И. Даль) написано много, доброй памяти и нашего внимания заслуживает и Павловский.

В научно-популярной литературе все чаще освещаются вопросы перевода. Интересное и нужное дело это начал К. И. Чуковский, который еще в 1919 г. подготовил

брошюру о принципах художественного перевода, в 1936 г. издал книгу «Искусство перевода» и вернулся к той же теме в 1964 г. в книге «Высокое искусство». Чуковский увлекательно рассказывал о загадках, парадоксах, мучительных проблемах и смешных ошибках в переводах с одного языка на другой. С тех пор появилось еще немало книг о переводе. В какой-то мере и в очерках о переводных словарях приходится говорить об открытиях и заблуждениях, удачах и неудачах, неразрешимых вопросах и курьезах словарного перевода.

Предлагаемая книга — это рассказы о людях, которых вели благородные цели: развитие и укрепление страны, забота о русском языке и его достойном месте среди других языков, желание принести пользу прогрессу.

Глава 1

ЛАТИНСКИЕ И ГРЕЧЕСКИЕ ЛЕКСИКОНЫ ПРОСВЕТИТЕЛЯ ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО

Московский Кремль, Андреевский монастырь, Крутицкий дворец на высоком берегу Москвы-реки — памятники древнего зодчества столицы. Их монументальное величие и художественная выразительность свидетельствуют о таланте русских людей. На протяжении столетий дворцы, монастыри, храмы, терема были очевидцами многих событий в истории нашей страны. Кремлевские стены, Крутицкое подворье и Андреевский монастырь хранят память о культурно-просветительской деятельности Епифания Славинецкого, ученого монаха, переводчика, преподавателя, литературного деятеля XVII в., прожившего в Москве 26 лет.

Точных сведений о Славинецком очень мало. Исследователи не могут сказать, в каком году и где он родился. Родиной его называют Украину и Белоруссию. Есть предположение — на том основании, что Славинецкий завещал деньги для его поминовения после смерти Пинскому монастырю,— что он родился в Пинске, в Белоруссии; украинские ученые считают, что его фамилия могла быть связана с названием поселения с корнем *слав-* (Славин Винницкой области, Словенск в Подолии, топоним Славенщина на Житомирщине) [1], т. е. он был родом с Украины. Неизвестно также настоящее имя Славинецкого, так как имя Епифаний получено им при принятии монашества. Славинецкий учился в Киеве и за границей (по всей вероятности, в Польше), после возвращения жил в Киево-Печерской лавре, а затем в Братском монастыре. Оттуда он был приглашен в Москву для работы с церковной литературой и преподавания латинского и греческого языков.

Московский период жизни Славинецкого тоже начинается с загадок: в Москву с 1645 г. по 1649 г. приехали две группы малороссийских переводчиков и препода-

вателей, и с какой из них приехал Славинецкий, единого мнения нет. Первая группа была приглашена любителем просвещения боярином Ф. М. Ртищевым, построившим в 1648 г. за Калужскими воротами близ Воробьевых гор Андреевский монастырь, где основал на свои средства греко-латинскую школу. А в июле 1649 г. по просительной грамоте царя Алексея Михайловича из Киева приехали еще несколько киевских ученых, уже не для частной школы Ртищева, а на государственную службу. Документально подтверждено, что Славинецкий и его в скором времени ближайший помощник Арсений Сатановский жили не в Андреевском монастыре, а на квартире, отведенной в Посольском приказе, и что именно в июле 1649 г. им были вручены царские дары (по 40 соболей и по 25 руб. денег) и назначено жалованье [2]. Согласно этим данным, Славинецкий должен был входить во вторую группу киевлян.

Славинецкий не оставил своего жизнеописания, не сделали этого и его ученики. В те времена не принято было писать воспоминания или дневники. В архивах сохранились только косвенные свидетельства, например распоряжения о назначении жалованья или челобитные царю.

Приглашение киевских ученых в Москву было частью тех реформ, которые проводились в середине и второй половине XVII в. На Руси упорядочивались государственные учреждения, армия, проводились церковные реформы, происходили изменения в общественной жизни, в частности наблюдался интерес к наукам и искусствам, к изучению иностранных языков и т. п. Среди бояр были просвещенные меценаты, как уже упомянутый Ф. М. Ртищев, друг царя и воспитатель его сына.

Славинецкий и его земляки быстро освоились в Москве. Они имели взгляды, пришедшиеся по душе московскому духовенству, были преданы своим ученым занятиям, не гнались за почестями, проявляли скромность. Как тогда говорилось, они превыше всего ценили «духовную тишину», позволявшую спокойно отдаваться любимому делу. Вскоре после приезда Славинецкий успешно выполнил порученный ему перевод с греческого (одной из церковных литургий), и на него были возложены обязанности по исправлению и переводу других богословских и богослужебных книг. Исправление церковных книг и было одной из реформ XVII в., так как считалось, что прежние переводы искажали священное писание и содер-

жали ереси. Славинецкий стал пользоваться доверием царя и уважением бояр и духовенства.

Не совсем ясно также, с какой из московских греко-латинских школ связана педагогическая деятельность Славинецкого. Как вытекает из фактов местожительства и получения царского жалованья, Славинецкий не был учителем школы при Андреевском монастыре. Но там жили и работали его земляки, и Славинецкий мог поддерживать тесные связи с этой школой. Во всяком случае, некоторые источники утверждают, что Славинецкий возглавлял Андреевскую школу. В Москве существовали, кроме того, школа Арсения Грека, Чудовская и Спасская школы. Из документов явствует, что с 1658 г. Славинецкий жил в Чудовом монастыре в Кремле. Скорее всего, он учительствовал именно там.

Чудов монастырь находился на территории Кремля и был основан в XIV в. В 1518—1525 гг. здесь работал над переводом духовных книг приехавший из Афона в Русское государство писатель, публицист и переводчик Максим Грек. При монастыре было греко-латинское училище, где готовили грамотных монахов, которые могли бы переводить и толковать богословские сочинения, вести летописи. Чудов монастырь упомянут в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина — пятая картина происходит в 1603 г. в келье Чудова монастыря, где у инока Григория Отрепьева возникает замысел выдать себя за царевича Димитрия. Пушкин, который глубоко изучал русскую историю, не случайно отметил образованность чудовских монахов; летописец Пимен по его воле говорит:

...Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил.

Славинецкий поселился в Чудовом монастыре спустя 50 лет после описанных Пушкиным событий, и благодаря его просветительской деятельности Чудов монастырь еще раз попал на страницы истории. Но до наших дней монастырь не сохранился — его разобрали вскоре после революции.

Последний год своей жизни Славинецкий провел в Крутицком дворце. Крутицы были резиденцией московских митрополитов и находились на юго-востоке Москвы в тихом красивом месте. Сюда перешел в 1674 г. Славинецкий с группой учеников и переводчиков (их было 7 человек), чтобы по поручению Собора русских архиереев заняться переводом и исправлением библии. Мит-

рополит, чьему попечению были поручены переводчики, позаботился об их удобствах. Действительно, прекрасный дворец, большой сад способствовали нужному настроению, сосредоточенности, умиротворенности. Сад был распланирован в стенах подворья и вне стен, он был украшен фонтанами и беседками с надписью «Труд с покоем». «Вертоград разных видов древ и цветов и зелий всяких» восхищал современников «яко некий рай». Перевод библии, однако, был только начат, но не доведен до конца — через год, в 1675 г., Славинецкий скончался. Он был похоронен в Чудовом монастыре, и надгробная надпись должна была увековечить (могила не сохранилась) его память в словах:

...мудрейший отец Епифаний
претолковник изящный священных писаний,
философ и иерей в монасех честный [3].

Конечно, не переводами церковной литературы прославился Славинецкий, а научной, просветительской деятельностью. Немало научных книг переведено им с латинского, греческого, польского языков. О широте интересов Славинецкого свидетельствует его личная библиотека, опись которой была опубликована еще в прошлом веке [4]. Его книжное собрание состояло из 72 книг, из них 38 было на латинском языке и 34 — на русском. На одну треть библиотека состояла из научных книг по истории, философии, филологии, географии, медицине, среди них были сочинения Аристотеля, Плутарха, Гиппократа. Кроме того, в распоряжении Славинецкого были библиотеки Посольского приказа, московских митрополитов, монастырские и церковные библиотеки.

Через Славинецкого в России узнали об учении Коперника.

Известия о научных открытиях, против которых ожесточенно боролась церковь, распространялись медленно. Если труд Коперника «Об изучении небесных сфер» был напечатан в 1543 г., то только через 100 лет в Амстердаме голландский географ Иоганн Блеу издал книгу «Космография», где изложил все существующие астрономические теории. Наряду с геоцентрической системой Птолемея, считавшейся со времен античности незыблемой и ставившей Землю в центр Вселенной, была описана и гелиоцентрическая система Коперника, объяснившего видимые движения небесных тел вращением Земли и обращением планет вокруг Солнца. Именно эта книга

была переведена под руководством Славинецкого, сопроводившего ее своим введением. Перевод книги остался в рукописи и широкого хождения не имел, но введение Славинецкого с изложением коперниковых идей получило известность как научно-популяризаторский труд. Более обстоятельно русские люди познакомились с учением Коперника при Петре Первом.

Нельзя утверждать с уверенностью, но возможно, что труд по астрономии переводился в последний год жизни Славинецкого в Крутицах. Архитекторы-реставраторы Крутицкого подворья обнаружили следы сооружения, которое можно рассматривать как «астрономический столб»; на нем могли устанавливаться астрономические приборы. Члены просветительского общества могли не только изучать научные труды, но и сами проводить научные наблюдения. Воображение рисует нам, как в сводчатой Крестовой палате с низкими окошками сходились семь ученых монахов во главе со Славинецким для обсуждения своих вопросов, для бесед. Сквозь толстые стены не проникал шум далекого в то время города, лишь доносился колокольный звон с колокольни Воскресенской церкви или собора близлежащего Новоспасского монастыря.

За переводы Славинецкого из области медицины и за вклад в создание медицинской терминологии на русском языке его чтут медики. В 1657—1658 гг. Славинецкий перевел важнейший в те времена труд по анатомии «О строении человеческого тела», написанный в 1543 г. А. Везалием. Перевод не сохранился; предполагают, что он использовался для обучения в школе русских лекарей, существовавшей по некоторым данным при Аптекарском приказе.

Для переводческой работы нужны были словари. Лексиконы обычно были широко представлены в библиотеках того времени, описи книг XVII в. содержат многочисленные упоминания о дву- и многоязычных лексиконах, изданных в западноевропейских странах. К самостоятельному собиранию, объяснению, переводу слов, т. е. к лексикографической работе, древнерусские лингвисты проявляли большой интерес с давних пор. Первые азбуковники и алфавиты датируются уже XIII в. А к XVII в. наступило даже время своеобразного увлечения лексикографией. Иностранно-русские словари стихийно составлялись и распространялись в рукописях, причем их составителями были как ученые монахи, так

и просто грамотные люди, иногда купцы, ведущие торговлю с иноземными торговцами[5]. Серьезно поставленная переводческая и преподавательская деятельность московских просветителей по-новому повернула вопрос о словарях. Нужны были полные, научно-обработанные лексиконы для русских переводчиков. Сами просветители и взяли на себя заботу об их составлении.

В лексикографической практике средних веков сложились определенные правила и традиции, которые соответствовали тогдашним взглядам на язык. Смысловые лексические группы, составлявшие словник, оставались почти без изменений, в очень малой степени отражались в словниках особенности понятийных систем и лексических составов языков, существующие в них реалии, культурно-исторический фон. Поэтому широко могла распространиться практика составления многоязычных словарей, в которых к любому набору языков (например, к латинско-греческому) можно было добавить новый раздел на любом другом языке.

Епифаний Славинецкий поступил согласно научным принципам своего времени, но, как самостоятельный ученый, внес в свою работу определенное творческое начало. Он не стал целиком копировать имеющиеся в его распоряжении источники, а сделал очень важные преобразования, о чем мы расскажем дальше. В основу его работы — двух лексиконов, латинского и греческого,— легли многоязычный словарь итальянского монаха Амвросия Калепина 1502 г. и греко-латинский словарь Иоанна Скопулы 1552 г.

Составление словарей — совершенно особенное занятие. Даже непосвященный человек легко может представить себе, что лексикографу нужно очень много знать, чтобы переводить слова из различных областей знаний, надо обладать огромным терпением и любознательностью, чтобы отыскивать нужные сведения в разных книгах, держать в памяти тысячи слов, чтобы многократно проверять их, не допускать противоречий, сохранять единую орфографию. Много сил и здоровья стоили своим создателям лексиконы, составленные под руководством Славинецкого. Мы знаем, что работа доводила до того, что слабело зрение, появлялся шум в ушах, а недостаточное питание при изнурительном труде было причиной заболеваний цингой. «Темная вода очесам, звук в ушесех, скорбут или цинготная болезнь теми приснорачительны-

ми стяжах себе трудами» * — так жаловались на свою судьбу те, кто работал над лексиконом [6].

Многоязычный словарь Калепина много раз переиздавался в Европе; в нем были представлены латинский, греческий, итальянский и другие языки. В последнем издании — 1598 г. он содержал одиннадцать языков. Это был свод разнообразных лингвистических сведений, в нем давались пространные толкования слов, исторические и биографические справки, цитаты.

На основе калепинского лексикона Славинецкий составил несколько вариантов латинско-славянского словаря. Они были рукописными. На разыскание существующих списков и их изучение исследователями русской старины было затрачено немало усилий. Сейчас известно, что списки латинско-славянского лексикона есть не только в нашей стране, но и в Париже, Праге и в других европейских городах [7]. Списки отличаются друг от друга названиями, датами и частично содержанием.

Первый из известных списков датируется 1642 г., т. е. был составлен до переезда Славинецкого в Москву. Он имеет название «Лексикон латинский з Калепина преложенный на славенский от создания мира 7150». Второй лексикон датируется 1650 годом, и в его названии упомянут помощник Славинецкого Арсений Сатановский: «Dictionarium latinoslavonicum operi Ambrosi Calepini seruata Verborum integra serie conformatum, studio patrum Epiphanii Slavineckii, Arsenii Koreckii Satanoviensis». Третий список называется «Лексикон латинского з Калепина преложенного или переведенного на славенский диалект лета 7183» (1685). Мы взяли для более подробного знакомства первый из них, находящийся в настоящее время в Центральном архиве древних актов [8].

Уникальные древние книги, подобные лексиконам Славинецкого, хранятся в этом архиве, старейшем в стране. Он создан на базе нескольких дореволюционных архивов, в том числе Московского главного архива Министерства иностранных дел. А этот архив в свою очередь получил когда-то книги, бывшие в пользовании переводчиков Посольского приказа. Посольский приказ в XVII в. не мог не иметь латинского лексикона Славинецкого, так что вполне возможно, что этот список использовался при

* В цитатах, приведенных здесь и в последующих главах, взятых из книг и рукописей XVII—XIX вв., упрощена орфография, использована современная пунктуация.

дипломатических сношениях Московской Руси с иностранными государствами. Возможно, было и по-другому. Известно, что во второй половине XVII в. московские справщики (цензоры и редакторы) пожертвовали много книг в Типографскую библиотеку Московского печатного двора [9]. Московский печатный двор имел хорошее собрание книг, так как здесь хранились «справные» книги (используемые при наборе), здесь была «книгохранительная палата», здесь также переводились и сочинялись книги. Возможно, что Славинецкий передал в типографию экземпляр своего лексикона. Фонд Типографской библиотеки также вошел впоследствии в фонды Центрального архива древних актов.

Свой лексикон Славинецкий обозначил как «преложенный з Калепина». Поскольку словарь нужен был в первую очередь для перевода научных книг, он по своему составу, объему, комментарию, приемам перевода идеально соответствовал назначению и был словарем переводческого типа.

Как же выглядит этот лексикон, один из первых научных лексикографических трудов в нашей стране? На листах большого формата в одну колонку располагаются латинские слова с их переводом. Как правило, словарная статья состоит из двух слов — латинского и славянского: Dies *день*; Nox *нощь*. Иногда в переводной части приводятся два-три синонима: Imitator *подражатель, последник*. Иногда присутствует толкование слова: Tigris *тигр зверь*.

Здесь нам нужно вспомнить о том, как представляли себе языковые единицы лингвисты XVII в. Современный читатель знает, что иностранные слова редко имеют однозначные соответствия в родном языке; в словаре он обычно находит не одно, а несколько значений, да еще целый ряд фразеологических оборотов. Такое описание значений слов отражает современную трактовку. В XVII в. словарные статьи были иными. Словарный перевод основывался на иных представлениях о языковых единицах. Считалось, что слово заключает в себе объективный смысл, т. е. его значение дано раз и навсегда, оно не меняется и в любом высказывании сохраняет свой объем. На многозначность слов или изменение их значений в зависимости от контекста не обращали внимания. Предполагалось, что для каждого слова в других языках есть точные и однозначные соответствия. Поэтому можно было пользоваться общей схемой, подгоняя

под нее различные наборы языков, дополняя и заменяя эти наборы, обходясь материалом основных понятий.

Итак, словарная статья содержала минимальные сведения о слове. Этим скудным материалом приходилось удовлетворяться переводчикам. Если представить себе, что переводчики иногда вообще плохо владели русским языком, как например иностранцы-толмачи из Посольского приказа, то станет ясной причина тяжеловесных, запутанных переводов, дошедших до нас из XVII в. В переводах сохраняли букву подлинника, т. е. переносили в них формальные признаки иноязычного текста, такие как построение фразы, принципы словообразования. Но даже в тех условиях встречались переводы высокого уровня, передающие дух подлинника, сохраняющие его выразительность [10]. Отдельные талантливые переводчики поднимали перевод до уровня искусства.

Перечень слов, переводимых с одного языка на другой, называют в словаре словником. Словник определяет содержание словаря. В словнике отражается дух времени, уровень накопленных людьми знаний, но также и личные вкусы автора. Словник лексикона Славинецкого — яркий тому пример. По подбору латинских слов мы можем заключить, какими научными, официально-деловыми, разговорно-бытовыми понятиями оперировали переводчики. Мы видим, например, что уровень развития наук, искусств и ремесел был высок: научные и технические термины заполняют многие страницы лексикона. Разносторонние интересы просветительского общества требовали, чтобы словарь мог помочь в любом случае, какую бы книгу ни пришлось переводить. Лексикон дает наименования всех известных в те времена наук: arithmetica, astronomia, geometria, geodesia, medicina, physica и т. д. Конечно, лексикон отражает и научные заблуждения XVII в.— в нем есть, например, наименования таких наук, как astrologia и botanomantia (с переводом *трявоволхвование)*. Собрано множество названий животных, птиц, минералов, растений. С вниманием относился автор к анатомическим терминам и названиям болезней. Широко представлены термины ратного дела и мореходства, уделено внимание праву, политике, государственному устройству. Возможно, автор проявил личную склонность при отборе филологических и литературоведческих терминов — тщательно разработана, например, номенклатура частей речи и литературных жанров.

Казалось бы, тот мир, в котором жил Славинецкий, должен был обусловить церковную направленность словника, и мы вправе ожидать большого количества теологических терминов. Но это не так. В лексиконе сравнительно немного понятий, связанных с религией, автор не внес их в латинский первоисточник. Другие словари этого периода уделяли гораздо больше внимания религиозным понятиям [11].

Переводная часть не менее интересна. В ней отразилось столкновение различных тенденций развития языка того времени, которое было начальным периодом формирования языка русской нации. Славинецкий назвал язык перевода «славенским»; в нем наряду со старославянскими словами были представлены русские и украинские. Присутствуют также заимствования из латинского и греческого, появляющиеся под влиянием переводной литературы. В процесс языкового развития вовлекалась и народная речь, и небезынтересно проследить, несет ли словник Славинецкого отпечаток народности. В словаре можно встретить немало новых для того времени слов, которые впоследствии либо утвердились в языке, либо оказались вытесненными.

В XVII в. лексикография, как и во все времена, а может быть, и в большей степени, оказывала обратное воздействие на язык. Конечно, словари отражали существующее в речи, но в то же время они могли как бы узаконивать слово, вводить его в оборот либо способствовать его забвению.

Работая над переводной частью, Славинецкий остается немногословным, серьезным ученым. Перевод латинских слов тяготеет к книжности, к исконной славянской лексике: Navis *ладия, корабль;* Dictator *властелин;* Ironia *глумление, инорозумие, иноречие;* Labisus *смола благоуханная на древе.*

Можно наблюдать, с какой постепенностью входили латинизмы и грецизмы в русский язык, как медленно завоевывали они позиции. Нередко происходило так, что заимствованное слово на какое-то время забывалось, а потом возникало снова. Латинские и греческие слова могли переходить в русский язык через языки-посредники, через польский, немецкий, французский. Замедленность процесса объясняется еще и этим фактором.

Автор лексикона крайне разборчив в работе с чужеродными элементами. Например, слово literatura он переводит как *научение*, *грамота*, *писменица*. Arithmetika у

него *художество числителное*, medicina *художество врачебное*. Еще нет слов *литература*, *арифметика*, *медицина*. Но вот два родственных слова: tragedia и tragicus. Первое переведено как *плачевное стихотворение*, без использования фонетической или графической формы чужого слова. А второе уже — *трагедийный*, *плачевный*, т. е. предлагаются два варианта, заимствованный и славянский. Слово lyrica переводится с помощью заимствованного элемента: *стихи лиричныя*.

Была одна категория слов, которые переходили в переводную часть только как прямые заимствования. Это названия животных и растений, неизвестных в умеренном поясе. Ясно, что если животное не водилось в России, то и русского названия, эквивалента для него не существовало. Знакомясь с этим животным, русские люди узнавали одновременно его название на чужом языке. Такое явление закономерно для всех языков и всех времен. У Славинецкого встречаем: Leo *лев*; Tigris *тигр зверь;* Leopard *леопард зверь;* Delphin *делфин рыба свинья морская*.

Будучи крайне осторожным с прямыми заимствованиями, Славинецкий весьма свободно пользовался в лексиконе (как и в своих литературных переводах) калькированными словами. По сути дела, это такие же заимствования, но из иностранного языка берется не внешняя фонетическая или графическая форма, а структура слова. При словообразовательном калькировании сложное или производное слово переводится по частям, и получившиеся элементы соединяются в целое по образцу иноязычного слова (например, греческие bios и grapho дают в русском языке кальку *жизнеописание*). С иностранного слова как бы снимается калька, копия. Кальки возникают только искусственным путем, в процессе переводческой деятельности, и далеко не всегда оказываются жизнеспособными. Часто они представляют собой громоздкие искусственные образования, которые отторгаются языком.

Славинецкий не замечал искусственности калькированных слов, как и большинство переводчиков XVII в. Невозможно, конечно, проникнуть в ход их рассуждений, но, вероятно, они исходили из идеи о полном совпадении понятийных и лексических систем языков. Каждое слово должно было иметь равнозначное соответствие в других языках, если же оно отсутствовало, то переводчик создавал его сам на материале родного языка.

В лексиконе довольно много калькированных слов: Binominis *двоименный;* Polyphagia *многоядение;* Monogamia *единоженние*; Paronymon *именованое ино*; Reclamasio *сопротивословие* и т. д. Большинство из них в язык не вошло.

Говоря о лексическом составе русского языка, каким он предстает перед нами в переводной части, нельзя не сказать о двух противоположных стилистических регистрах — разговорно-бытовой и высокой лексике. Разговорно-бытовая лексика в XVI—XVII вв. начала проникать в письменные документы (словари-разговорники, лексиконы), что позволило заметить начавшийся процесс сближения письменной и устной речи [12]. Этот факт свидетельствовал о демократизации русского языка. Однако лексикон Славинецкого не затронут стихией разговорной речи. Лексикон далек от повседневности, от бытовой жизни, а причину этого нужно искать в задачах составителя и в особенностях его личности. Лексикон создавался как справочная и учебная книга для работы над деловыми бумагами и научными сочинениями, и разговорно-бытовая лексика была в нем не нужна. Надо думать, что и сам автор вряд ли широко пользовался в жизни разговорно-бытовой лексикой. Мы скорее можем представить себе его речь культивированной, педагогически выдержанной.

Одновременно лексикон почти свободен от церковнославянских слов, которые в XVII в. были признаком высокого стиля. Славинецкий привел сравнительно немного таких слов, как например: Admodum *велми*; Sin *аще же*; Redordior *паки что творю*. Весь лексикон выдержан в нейтральном стиле, в нем преобладает межстилевая и книжная лексика, как сказали бы мы сейчас.

У Славинецкого мы наблюдаем еще один существенный компонент словарной статьи — комментарий. Этот компонент не нов, он широко использовался в древнерусских азбуковниках, и Славинецкий сохраняет его в прежних формах. Комментирование состоит в том, что наименования растений, животных, минералов сопровождаются пояснениями *древо*, *трава*, *зверь*, *птица*, *рыба*, *камень*. Приведем еще примеры: Labrus *щука рыба*; Tilia *липа древо*; Lupa *клещовина трава*; Porphyris *мрамор камень*. Такое пояснение называется предметным комментарием, поскольку оно дает сведения о самом предмете, а не о слове, его обозначающем. Присутствие этого элемента в словарях обязательно — без него малознакомые слова могут остаться непонятными. Если русский человек не ви-

дел еще такой диковинки, как тигр или леопард, не знал этих слов, то комментарий был для него необходим. Поэтому объяснялось, что тигр — зверь, а дельфин — рыба (как видим, классификация животных была еще несовершенной). Не исключено также, что лексикографы видели необходимость систематизировать понятия, разнести их по смысловым группам. Ведь понятия *рыба*, *древо* и т. п. даются не только к наименованиям экзотических животных и растений, но и к общеизвестным (*щука* или *липа*). Лексикограф всегда сознательно или бессознательно стремится упорядочить списки слов, избежать бессистемности. Чем больше накапливалось понятий, особенно терминологических, тем нужнее становилась их классификация *.

Другой известный лексикон Славинецкого — «Книга-лексикон греко-славено-латинский». Как уже говорилось, он представлял собой переработку греко-латинского словаря И. Скопулы. Лексикон помогал переводить с греческого, поэтому в нем были особенно заинтересованы духовные лица (как известно, богословские основы православия определились в Византии в IX—XI вв., и первоначально это религиозное учение излагалось на греческом языке). Лексикон пользовался большой известностью, высоко ценился в течение долгого времени. Со стороны духовных лиц предпринимались попытки его напечатания. Новгородский митрополит Иов обращался к царю с просьбой прислать греческий лексикон Славинецкого в Новгород для его издания. Однако царь не выполнил просьбы митрополита, возможно, из боязни потери или порчи ценной рукописи.

Итак, латинские и греческие лексиконы трехсотлетней давности... Что они могут добавить к нашим знаниям о той эпохе? Оказывается, немало. Как и другие письменные документы XVII в., словари по-своему рассказывают о том времени. Они перечисляют предметы и явления, которые окружали людей XVII в., дают представление об их опыте научного познания мира, об их верованиях и суевериях, о быте, семейном укладе, привычках. В отличие от многих других письменных памятников словари способны отражать многие стороны жизни одновременно и обладают сравнительно высоким уровнем объективно-

* Предметный комментарий успешно выполняет свои функции и в современных словарях. Он стал короче, рациональнее, превратился в условное сокращение (*зоол.*, *бот.*, *мин.*), но задачи его те же, что и в лексиконе Славинецкого.

сти. Поэтому они являются ценнейшими источниками исторических и лингвистических сведений.

Словарь позволяет также узнать многое о личности автора. Читая скупые, почти телеграфные строчки энциклопедий — что Славинецкий был церковным писателем, переводчиком, составителем лексиконов,— мы можем теперь яснее представить себе его жизнь, условия работы над лексиконами, высокую образованность, интерес к научным проблемам, представления о языке, увлеченность своей работой.

Замечателен тот факт, что Славинецкий в своей лексикографической работе неуклонно шел к поставленной цели. Европейская лексикография XVII в. давала образцы самых разнообразных словарей — пособий для изучения языков, справочных изданий для купцов и деловых кругов, переводных словарей нормативного характера, словарей-толковников редких, необычных, непонятных слов. Чего стоили одни пышные названия таких лексиконов — «Сокровищница всех языков» или «Митридат, или Наблюдения над различными языками»! Может быть, и Славинецкому было бы интереснее как ученому собирать и изучать редкости. Но он не мог уклоняться от избранного пути. Славинецкий чувствовал себя призванным на просветительскую работу, более всего необходимую Московскому государству. Он учительствовал, переводил, составлял словари. И словари его были такими, что могли служить сотням людей для практической работы. Деяния Славинецкого на его поприще были не менее важны для Московского государства, чем деяния знаменитых писателей, зодчих, военачальников. Вклад Славинецкого в русскую, а также в украинскую культуру и науку бесспорен.

Историки давно уже считают бесспорным фактом, что Московское государство XVII в. характеризовалось высоким уровнем развития просвещения, искусств, ремесел. Сейчас мы могли убедиться, что и словарное дело не было слабым звеном. Напротив, оно выступило на арену общественной и культурной жизни как серьезно поставленное, жизнеспособное, вызывающее уважение современников и далеких потомков.

Глава 2

ОТ УЧЕБНЫХ СЛОВАРЕЙ К «ЛЕКСИКОНУ ТРЕЯЗЫЧНОМУ» (И. Ф. КОПИЕВСКИЙ И Ф. П. ПОЛИКАРПОВ-ОРЛОВ)

Первые печатные словари появились в России в начале XVIII в. при Петре Первом. Издание словарей стало одним из великих и малых дел, вершившихся в стране. Царю нужны были образованные люди, заинтересованные в реформах и поддерживающие его. В подготовку таких людей входило и обучение иностранным языкам. Дворянские дети и разночинцы, посылаемые за границу, обучались там наукам и ремеслам и осваивали чужие языки. В российских учебных заведениях также начали учить западноевропейским языкам, главным образом немецкому. В 1701 г. в Москве открылась Немецкая школа, где с 1703 г. по 1705 г. преподавал взятый в плен при Мариенбурге пастор Эрнст Глюк, чье имя знатокам истории напоминает о биографии императрицы Екатерины Алексеевны, супруги Петра. Будущая императрица служила некогда в пасторском доме в Латгалии прислугой.

Для обучения языкам нужны были специальные учебные книги, в том числе словари. Сам царь интересовался подготовкой учебных книг и занимался их изданием. При его попечении был напечатан так называемый «Номенклатор на русском, немецком и латинском языках».

История «Номенклатора» необычна. Во время путешествия в Голландию Петр проявил интерес к постановке книжного дела. Знакомясь с организацией книгопечатания, царь решил предоставить концессию на печатание русских книг голландскому купцу Яну Тесингу. Жалованная грамота на имя Тесинга помечена 10 февраля 1701 г. Согласно этому документу в Амстердаме предполагалось печатать «земныя и морския картины, и чертежи, и листы, и персоны, и математическия и архитектурския и городостроительныя и всякие ратныя и художественныя книги,... от чего б нашего царского величества подданные много службы и прибытка могли получити и обучатися во всяких художествах и ведениях» [1].

Авторские и издательские обязанности в Амстердаме взял на себя Илья Федорович Копиевский, пастор реформатской веры, по происхождению поляк или белорус,

знавший русский, латинский, польский, голландский и немецкий языки. Копиевский начал работать над учебными и научными книгами еще в 1699 г. и до 1706 г. напечатал 12 книг и подготовил к изданию столько же. Среди них были книги по военному делу, мореплаванию, математике, языкознанию. Копиевским в 1700 г. был составлен и издан и «Номенклатор».

Название «Номенклатор» взято из латинского языка. Как известно, nomen по-латыни ‘имя, название’, calare — ‘созывать, собирать’. *Номенклатор* можно перевести как ‘собрание имен’. Другое название, под которым известен словарь Копиевского в истории языкознания,— «Вокабулы Копиевского». Его изучали и изучают по сей день как памятник эпохи, важный для становления русского языка [2].

Издание, выпущенное в 1700 г., является большой редкостью, так как доставка его в Россию из Амстердама была сопряжена с большими трудностями, и до нас дошло небольшое число экземпляров. Позднее, когда в Петербурге была открыта типография, «Номенклатор» переиздали дважды — в 1718 и 1720 гг.

«Номенклатор» составлен по образцу учебных словарей, широко распространенных в Европе. Весь минимум необходимых слов разбивался на тематические группы, которых в «Номенклаторе» 47. Первая из них, как полагалось, содержала «божественные» понятия — *бог*, *богородица*, *ангел*, *архангел*, *ад*, *рай*, *душа* и т. д. Вторая группа называлась «О мире, стихиях и небеси», третья — «О временех и праздниках», далее шли группы «О водах», «О местех и землях», «О человеку и его частех», «О болезнех, немощах»; были разделы о животных, птицах, рыбах, деревьях, злаках; собраны понятия, имеющие отношение к жизни в селе и в городе, к школе, мореходству, ратному делу, искусству, политике. Разделы и их последовательность традиционны, они более или менее одинаковы по составу во всех учебных словарях того времени.

Каждая страница в «Номенклаторе» разделена на три вертикальные графы; в первой стоит латинское слово, во второй — русское, в третьей — немецкое. Заголовки разделов даны на трех языках. Всего в словаре около двух тысяч словарных единиц.

В «Номенклаторе» дано много наименований конкретных предметов и явлений, отражена жизнь крестьянина и горожанина. У Копиевского мало книжных, церковносла-

вянских слов, в русской части заметен отпечаток происхождения самого автора — к русским словам присовокуплены их украинско-белорусские дублеты: *свекла*, *бураки* или *кровь*, *руда*. Иногда эти дублеты являются заимствованиями из европейских языков: *печатня*, *друкарня* или *крейда*, *мел*.

Копиевский обладал по тем временам обширными познаниями и выполнил огромную работу, взявшись одновременно за книги по разным отраслям знаний. Но ученым-филологом он, конечно, не был. Не совсем удачно была им написана позднее латинская грамматика, которую невысоко оценил руководитель Немецкой школы в Москве Эрнст Глюк, отметив в ней несовершенства. После ликвидации амстердамского предприятия, когда в России уже было создано свое книгопечатное дело, Копиевский приехал в Москву и стал переводчиком Посольского приказа. Царь Петр, по-видимому, забыл о заслугах своего амстердамского книгоиздателя и не заботился о его дальнейшей судьбе; сохранилась челобитная Копиевского царю с просьбой о помощи: ограбленный при переезде в Москву разбойниками, Копиевский с семьей впал в нищету.

Древние языки, однако, все еще не утратили своего значения. Учебный словарь древних языков был издан в это время Ф. П. Поликарповым-Орловым.

Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов (год рождения неизвестен, умер в 1731 г.) был разносторонним деятелем начала XVIII в. и прожил жизнь, богатую событиями. Он был в числе первых 26 учеников, принятых в типографскую школу монаха Тимофея (названную типографской потому, что она располагалась в помещении Московской типографии), послужившей базой для создания Славяно-греко-латинской академии. Эта академия была первым высшим общеобразовательным учебным заведением в Москве и готовила людей для нужд государства и церкви, преподавателей различных учебных заведений. Позже она была преобразована в Московскую духовную академию. Когда первые наставники академии греки Иоанникий и Софроний Лихуды были отстранены и высланы в отдаленный монастырь, Поликарпов стал преподавателем академии, еще не окончив ее. В течение пяти лет, с 1694 по 1699 г., Поликарпов преподавал в академии грамматику, риторику, пиитику. В 1699 г. он ушел из академии и стал справщиком (корректором и редактором), а вскоре и директором Московской сино-

дальной типографии. Поликарпов пробовал свои силы и на литературном поприще. Ему принадлежит описание России, выполненное по поручению Петра Первого, и ряд переводов с греческого.

В Москве, на улице 25-го Октября (бывшей Никольской), соединяющей Красную площадь с площадью Дзержинского, можно еще увидеть то, что сохранилось от Славяно-греко-латинской академии и Московской синодальной типографии. Здесь, в центре города, у самой Кремлевской стены, стоял в XVII в. Заиконоспасский монастырь. В нем и размещалась Славяно-греко-латинская академия. Мы можем войти во двор дома № 7 и увидеть высокое крытое каменное крыльцо и галерею, окружающую учебный корпус, а также церковь бывшего монастыря. Старинные здания взяты на учет как исторические и архитектурные памятники, они находятся под охраной государства и неоднократно реставрировались. Сейчас в этом здании разместился заочный факультет историко-архивного института. А немного дальше, где стоит дом № 15 (главный корпус историко-архивного института), была Московская синодальная типография. На стене дома укреплена мраморная доска с надписью: «На этом месте находился печатный двор, где в 1564 г. Иван Федоров напечатал первую русскую книгу». Печатный двор XVI в. не сохранился, так же как и типография XVII в. В начале XIX столетия здесь было построено новое здание типографии, но во дворе остались древние палаты, восходящие к XVI и XVII вв. Их можно увидеть, пройдя через звонкоголосую студенческую толпу у стен историко-архивного института. Недалеко от этого места находится и памятник первопечатнику Ивану Федорову, созданный С. М. Волнухиным и открытый в 1909 г.

Мировоззрение Поликарпова-Орлова складывалось под влиянием духовных лиц, ученых монахов. Он сам стал известным богословом, пользовался признанием и уважением многих высокопоставленных священнослужителей. Он жил в Москве с ее патриархальными обычаями, которая была оплотом приверженцев старины. Строящийся Петербург с его новшествами — иноземцами, чужими обычаями, чужими языками — был неблизко, и Москва, насколько это было возможно, оборонялась от новых веяний. Словари Поликарпова отражали соответствующие научные устремления, взгляды и вкусы.

Как преподаватель и переводчик, Поликарпов-Орлов хорошо знал, каким должен быть учебный словарь. Пер-

вый его лексикографический труд был издан в 1701 г., т. е. после того, как Поликарпов не один год проработал в Славяно-греко-латинской академии. Этот труд был составной частью «Букваря», учебной книги, которая сделала ее автора известным. Полное название «Букваря» было: «Букварь славенскими, греческими и латинскими письмены учитися хотящим и любомудрие, в пользу душеспасительную обрести тщащимся». Букварь представлял собой руководство по чтению и письму для трех языков и славяно-греко-латинский словарь. Учащиеся знакомились с русскими, греческими и латинскими азбуками (алфавитом), учились читать сначала отдельные слоги, а потом слова, молитвы, заповеди, нравоучения и жития святых — также на трех языках. Как было принято во все предшествующие времена, обучение строилось на заучивании наизусть. Чтение и письмо усваивалось с помощью трудоемкого буквосочетательного метода, при котором сочетания букв просто запоминались («буки, аз — ба») без осмысления звукового содержания гласных и согласных. Молитвы, заповеди, жития и нравоучения и весь словарь заучивались наизусть.

Букварь был учебником античных языков, но он не знакомил с классическими образцами литературы на этих языках, с античными авторами, ограничиваясь житиями и нравоучениями. Объяснение этому факту мы находим во взглядах Поликарпова, которые он настойчиво пропагандирует в предисловии к «Букварю». Главная задача, пишет Поликарпов, это укрепление в вере и прославление церкви. Греческий язык помогает знакомиться с церковной литературой в подлиннике. Латинская грамота также принесет пользу: хотя по-латыни говорит римская, католическая церковь, в букваре латинским языком излагаются догматы православия: «...не римския, но греческия сими твердятся здесь догматы». Поэтому составитель и предлагает не Овидия, Вергилия, Эзопа, а стихи Григория Богослова и проповеди константинопольского патриарха Геннадия.

Славяно-греко-латинский словарь, озаглавленный «Краткое собрание имен по главизнам расположенное тремя диалектами», занимает довольно значительную часть букваря — 92 страницы. Объем его около двух тысяч слов. Впервые в русском книгопечатании здесь использованы греческие и латинские литеры. Тематические группы словаря в целом такие же, как у Копиевского и других авторов, но их меньше — 34.

Приведем целиком один из разделов «Собрания имен», а именно раздел 2-й — «О мире, небеси и стихиях» (перевод дан только на латинский язык):

Мир mundus
Небо caelum
Планета planeta
Солнце sol
Солнце весь день светящее sol perdius
Затмение или оскудение солнца eclipsis solis
Луч солнечный radius solaris
Луна luna
Затмение или оскудение луны eclipsis lunae
Новая луна nova luna
Луна растущая luna crescens
Звезда stella
Комета или метла на небеси cometa, cometes
Свет lux, lumen
Тма, темнота tenebrae
Огнь ignis
Воздух aer
Вода aqua
Земля terra
Пламень flamma
Теплота calor
Облак nubes
Буря procella
Тишина tranquillites
Ветр ventus
Лед glacies
Роса ros
Иней pruina
Молния fulgetrum, fulgur corruscatio
Трясение земли terrae motus

В такой группе слов обращает на себя внимание прежде всего системность. Лексикографы уже много столетий тому назад заметили, что слова объединяются в группы по различным принципам. Легко обнаруживалась системность слов, вытекающая из системности обозначаемых ими предметов и явлений. Поликарпов помещает, например, в приведенный выше раздел наименования небесных тел — *Солнце*, *Земля*, *Луна*, *планета*, *звезда*, *комета*. А в словосочетаниях он дает наименования астрономических явлений, связанных с этими небесными телами,— *затмение Солнца*, *затмение Луны*, *новая Луна*, *растущая Луна*. В разделе даны названия четырех стихий — *воздух*, *вода*, *пламень*, *земля*. Приведены метеорологические явления — *буря*, *ветр*, *тишина*, *роса*, *иней*. Человеческое мышление со времен античности выделило основные типы системных связей, в том числе ассоциации по сходству, контрасту и смежности, родо-видовые и причинно-следственные отношения объектов окружающего мира. В любом из разделов «Собрания имен» наглядно показаны эти отношения. Ассоциации по сходству наблюдаются при синонимичных словах (*комета или метла на небеси*), ассоциации по контрасту — при антонимах (*свет* и *тма*), ассоциации по смежности — при близком расположении явлений во времени и пространстве (*пламень* — *теплота*). Родо-видовые отношения связывают обычно заглавие раздела и входящие в этот раздел слова. Например, есть раз-

дел «О науках», куда включены: *богословие*, *философия*, *грамматика*, *пиитика*, *риторика*, *логика*, *фисика*, *врачебное учение*, *мадиматика*, *геометриа*, *мусикиа*. Или другой раздел — «О одеянии»: *шуба*, *рубашка*, *штаны*, *кафтан*, *епанча*, *кожан*. Нередко слова связаны между собой отношениями части и целого: *птица*, *крыло*, *перо*, *пух*, *нос птичий*, *хвост*, *ноготь*.

Все перечисленные примеры демонстрируют логико-предметную системность, но существует и другой вид системности — лингвистическая. Она проявляется во взаимосвязях компонентов словосочетаний, корневых, производных и сложных слов. Поликарпов следил, чтобы словник и с этой стороны был хорошо проработан. Если в словаре есть прилагательное *носатый* от *нос*, то обязательно есть все аналогичные производные прилагательные: *губастый*, *брадатый*, *ушастый*, *подбородистый*. Если автор дал словосочетание *восточный ветр*, то непременно есть остальные три — *западный ветр*, *южный ветр*, *северный ветр*.

Работа лексикографа над группировкой лексических единиц предвещала будущий подход лингвистов к лексике как к целостной системе. Уже в те далекие времена осваивались подступы к важнейшим проблемам языкознания.

Классификация лексических единиц позволила учащимся более успешно запоминать слова (в период раннего средневековья словари заучивались подряд по алфавиту). Объединенные по смыслу слова усваиваются быстрее, чем бессистемные списки. Пользуясь современной терминологией, мы скажем, что в тематических группах наглядно прослеживаются логические, морфологические, словообразовательные связи слов, они предстают не в виде разрозненных элементов, а как части единой системы. Учащийся расширяет свои знания об окружающей действительности, так как видит системы понятий, в том числе и научных понятий, в сопоставлении с системами понятий, выраженными средствами другого языка.

Работа с учебным словарем проводилась в XVIII в. следующим образом: на каждом уроке заучивалось по 10—15 слов на латинском и греческом, чему помогал учитель, многократно спрашивая их по порядку с начала, с конца и вразбивку. Занятия проводились ежедневно от темна до темна. На заучивание словаря уходил год. Через три года ученик переводил с русского, читал и писал сочинения на латинском и греческом.

Таким образом, в течение первой четверти XVIII в. вышли три издания вокабул Копиевского и учебный словарь Поликарпова-Орлова. Выпуском учебных словарей удовлетворялись требования времени — потребность в подготовке разносторонне образованных специалистов для проведения петровских реформ, с одной стороны, и нужды религиозно настроенной, преданной старинному укладу жизни части общества — с другой. По типу вокабул Копиевского и «Собрания имен» составлялись словари в Московском университете, которые использовались в различных учебных заведениях.

Издание словарей печатным способом сделало их доступными для читателей. Словари могли теперь иметь не только государственные учреждения, но и частные лица. Словари продавались в книжных лавках и рассылались по учебным заведениям. Из описи книг Московской книжной лавки за 1710 г. следует, что славяно-греко-латинский букварь Поликарпова стоил 50 копеек, и за год было продано 18 букварей. Вокабулы Копиевского продавались в Петербургской книжной лавке. Их тираж за 1718 и 1720 гг. составил 800 экземпляров. До 1722 г. продавали в среднем по 8 экземпляров в месяц[3]. Это сравнительно высокая цифра для того времени, вокабулы пользовались спросом. Они лишь немного уступали самой ходовой литературе — книге «Юности честное зерцало», басням Эзопа, азбукам и календарям.

Спрос на светскую книгу вообще и на переводные словари в частности говорит о расширении кругозора русских людей. Владельцами библиотек становились не только представители высшей знати, но и выходцы из демократических кругов — справщики типографий, преподаватели учебных заведений, промышленники и купцы, офицерство. Лексиконы завоевывали себе место среди других книг.

В течение всего XVIII в. традиция издания латинско-русских учебных словарей сохранялась. Количество разделов могло увеличиваться или уменьшаться, но объем и состав, а также методика использования (заучивание наизусть) оставались прежними. Однако в конце столетия произошло одно важное нововведение. Преподаватель Московского университета и его гимназий Франциск Гельтергоф выступил с новой идеей — отбирать слова по их употребительности. Гельтергоф был хорошим педагогом и психологом (священник с острова Эзель, он по обвинению в неблагонадежности был посажен в крепость,

а затем отправлен в ссылку; после двенадцати лет заключения он долгое время работал в Москве). Гельтергоф старался пробудить в учениках желание учиться и знал те струны души, которые можно затронуть, чтобы вызвать интерес к ученью. Немаловажную роль играли в его системе быстрота, легкость и «приятность» обучения. С этой целью он отобрал 1000 наиболее употребительных корневых («первообразных») слов и поместил их как вступительную часть к большому словарю, изданному в 1782 г. под названием «Французской Целлариус или полезной лексикон, из котораго без великаго труда и наискоряе нужнейшим французскаго языка словам научиться можно» в типографии Н. И. Новикова, известного русского просветителя и книгоиздателя. Действительно, 1000 слов запомнить не так уж трудно, зато дальнейшая работа с таким базовым словарем шла легче. Так был сделан еще один шаг по усовершенствованию методики обучения иностранным языкам *.

Наша старинная лексикография — учебные словари XVIII в. — не мертвый груз, принадлежащий истории. Они могут дать много полезного и нам, людям XX столетия, навести на плодотворные идеи, помочь решить современные проблемы. У наших предшественников можно позаимствовать умение системно подходить к лексическому материалу, показывать многообразные связи слов, делить материал на отрезки для последовательного изучения. Труды наших предшественников могут быть не только старинными литературными памятниками, но и нашим научным и справочным фондом.

В 1704 г. Поликарпов-Орлов издал новый словарь. Трудное словарное дело привлекало Поликарпова, он отдавал ему себя со страстью, не жалея труда и времени. А новый словарь потребовал подвижнической работы. Он содержал около 27 тысяч слов и возник в результате обработки рукописных словарей, в том числе Е. Славинецкого [4], азбуковников, переводов с латинского и греческого. Название его было — «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокро-

* Данное направление в методике получило развитие. В настоящее время широко используются учебные словари-минимумы, служащие основой словарного запаса учащихся. Употребительность слов в речи стала изучаться с помощью современных лингвостатистических методов, при которых ЭВМ подсчитывают количество словоупотреблений в большом объеме текстов и дают научные данные о частотности употребления слов. Результаты таких обследований фиксируются в частотных словарях.

вище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин разположенное».

С «Лексиконом треязычным», так же как и с «Букварем», можно познакомиться во многих крупных книгохранилищах нашей страны, в том числе и в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина. Книги, появившиеся в начальный период книгопечатания, называют старопечатными. В отдельном здании библиотеки, где расположены ее научные отделы и не толпятся вечно озабоченные читатели, на верхнем этаже находится Музей книги. Там молчаливо обступают нас старинные книги — они за стеклянными витринами. Внимание привлекают изящные старинные шрифты, сложная вязь орнаментов, драгоценные книжные миниатюры. Специалисты могут долго рассказывать о способах датировки старопечатных книг, о развитии шрифтов, изобретении титульного листа и переплета, о кустодах, колофонах и сигнатурах, о романской, арабской и византийской миниатюре и многом другом. Но сейчас нам нельзя долго любоваться прекрасными памятниками книжного искусства, мы должны познакомиться с содержанием одного из них — «Лексикона треязычного».

Лексикон сыграл исключительную роль в истории языка, отразив его состояние в последней трети XVII в. Сначала он служил справочным материалом для современников, причем ему был отпущен срок жизни в несколько десятилетий. По существующим данным, лексикон использовался по прямому назначению до 70-х годов XVIII в. Потом он стал научным источником для исторической лексикографии и исторической лексикологии — наук, занимающихся историей составления словарей и историей слов. Лексикон Поликарпова стал памятником, созданным в очень важный для нашей истории момент. В начале XVIII в. завершились процессы формирования русской нации и в основных чертах сложился русский язык. Из этого источника исследователи черпают сведения о народной основе общего литературного языка, о совмещении в московском наречии северного и южного русских диалектов, о стирании диалектных черт и многие другие факты.

Но как переводной словарь лексикон утратил свое значение. Роль латинского и греческого языков существенно изменилась. Латинский язык был для Поликарпова и его современников языком, на котором издавались научные труды, велось обучение во всех европейских уни-

верситетах. На греческом были написаны богословские и богослужебные книги, греческий язык обслуживал православие, бывшее идеологической основой царизма. С началом новой истории эти языки стали языками, на которых написана классическая литература и с которыми связано развитие мировой культуры. Чтобы читать великие произведения и изучать историю, нужны словари с древних языков на современные (например, латинско-русские). Словарь Поликарпова в его функции перевода с русского языка на латинский и греческий не мог найти применения, был выведен из научного оборота, и его достоинства как переводного словаря будущие лингвисты упустили из виду.

В начале XVIII в. латинский и греческий языки еще употреблялись как языки живого общения. В Славяно-греко-латинской академии они использовались в процессе обучения и в повседневном обиходе. Учебные дисциплины читались на греческом и латинском, студентов обязывали разговаривать на этих языках. В «Истории Славяно-греко-латинской академии» читаем: «Классические занятия учеников состояли в чтении уроков, в переводах с древних языков, в сочинениях на латинском языке, в непременном употреблении между собой разговоров латинских» [5]. Для испытания знаний учащихся проводились экзамены и диспуты на древних языках. Чтобы писать сочинения, вести диспуты, разговаривать между собой по-латыни и по-гречески, нужен был словарь с русского на латинский и греческий. Кроме студентов к древним языкам обращались духовные лица, преподаватели школ и училищ, переводчики, книгоиздатели.

Если посмотреть на «Лексикон» именно с этой точки зрения, как на словарь переводной, то в нем обнаружатся новые, не замеченные прежде стороны. Оказывается, Поликарпов глубоко проник в сложности сопоставления разноязычных слов, он искусно передавал значения слов средствами другого языка, изобретательно конструировал словарь, чтобы тот мог наилучшим образом служить своему назначению.

Будучи издателем, Поликарпов обратил особое внимание на необходимость сопроводительных частей издания, которые теперь называют аппаратом издания. Он поместил в лексиконе предисловие и правила пользования. В предисловии Поликарпов сказал о назначении словаря, о предполагаемом круге читателей и дал краткую характеристику лексикону.

О назначении лексикона автор пишет много и подробно. Он указывает на необходимость изучения древних языков — греческого как языка «премудрости и благочестия» и латинского, нужного в науках, художествах и гражданских делах. Но главная задача лексикона — собрать слова славянского языка. Называя славянский отцом многих языков, указывая на его территориальную распространенность и «пространность в веках», Поликарпов пишет, что этот язык до сих пор не имеет «словоположницы или источника», откуда можно было бы русским людям и иноземцам почерпнуть нужные сведения. Примечательна и позиция автора как ревнителя чистоты русского языка, протестующего против «привнесения из разных стран приходящих речений в разговоры и книги».

Что касается читательской аудитории, то Поликарпов мыслил ее достаточно широкой — от «совершенных мужей» до «малоученых детищ». Здесь правильно отмечается общедоступность лексикона, вытекающая из самого назначения книги.

В конце предисловия автор выражает благодарность «мудрейшим и старшим», которые просмотрели его труд и высказали свое суждение о нем — митрополиту Стефану Яворскому, патриарху Рафаилу Краснопольскому и своим учителям Лихудам. Из этого упоминания мы можем сделать вывод, что в практику издания книг входило рецензирование и редактирование, а также обычай благодарить рецензентов и редакторов за оказанную ими помощь.

Правила пользования лексиконом, которые пока называются «пристежением», разъясняют систему расположения материала. Для облегчения поиска слов разделы озаглавливаются не одной, а тремя буквами (например, *брат* нужно искать на *бра*).

Одно из главных свойств словника у Поликарпова — проработка «гнезд», т. е. групп однокоренных слов и словосочетаний, помещенных при заголовочном слове. Лексика представлена в словаре не в виде разрозненных языковых единиц, а гнездами, напоминающими современные словарные статьи. Лингвистическая системность, на которую было обращено внимание уже в «Букваре», выражена в «Лексиконе» еще более заметно. Выпишем, например, гнезда к словам *день* и *огнь: День, день гуляния, день праздничный, день седмичный, день рождения, день судный; Огнь, огневица, огневолшебство, огненосный,*

огнедышащий, огнезрачный, огнезапалитель, огнеметный, огнепущательный, огненный, огнеобразный, огнен бываю, огнеподобный, огниво, огник, огнище, огнистый.

Какие бы лингвистические взаимосвязи слов мы ни проследили, мы везде обнаружим, что и Поликарпов не упустил их из виду. Идеально выстроены, например, антонимичные группы. Можно сколько угодно проверять по словарю антонимичные пары (*радость — горе*, *сила — слабость*, *высокий — низкий, легкий — тяжкий* и т. д.), пробелов мы не обнаружим. Не менее внимательно работал автор над парами старославянских и русских слов. Всякое старое слово имеет в лексиконе свой более современный эквивалент: *ладиа — лодка*, *чело — лоб*, *уста — губы*. Это относится и к полногласным и неполногласным вариантам: *млеко — молоко*, *град — город*, хотя неполногласным словам Поликарпов еще не всегда дает пару (например, *глас*, *глад*, *врата*, *злато*).

Однако Поликарпов иногда поступался системностью, если не хотел помещать в лексикон заимствованные слова (главным образом термины). Так, он дал большинство наименований наук, входивших в программу учебных заведений России,— *грамматика*, *риторика*, *поэтика*, *философия, логика, арифметика, астрономия, геометрия,* так как нельзя было без них обойтись, хотя они тоже заимствованы. Но вот *тригонометрия*, *геодезия*, *навигация* в лексикон не попали, несмотря на то что эти предметы преподавались в существующей в Москве с 1701 г. Школе математических и навигацких наук. Не хотел Поликарпов употреблять заимствованные термины, старался обойтись без них, где это было только возможно. Нами были просмотрены учебные тетради Петра Первого, в которых есть описание занятий молодого царя астрономией [6]. Петр употреблял в них такие астрономические термины, как *астролябия*, *квадрант*, *деклинация*, *субстракция*, *градус*. Ни одного из них в «Лексиконе треязычном» нет.

Из представленных в лексиконе Поликарпова заимствованных терминов можно назвать наименования гуманитарных наук, приведенные выше, обозначения иностранных денежных знаков (*дукат*, *динар*, *драхма*, *талер*), названия литературных жанров (*комедия*, *трагедия*), музыкальных инструментов (*лира, цевница, орган, кобза*) и т. п.

Вообще терминология занимает довольно большое место в словнике. Термины, созданные на базе славянских

и русских корней, отражают круг занятий и интересов русских людей: много внимания уделено терминам ремесел, торговли, военного дела, мореходства, государственного устройства.

Большую трудность представлял вопрос о включении в словарь реалий русской жизни. Под реалиями подразумеваются локально ограниченные понятия, отражаемые языком особенности жизненного уклада, государственного устройства, особенности истории и культуры страны. Окружающий материальный мир, верования и мировоззрение, уклад жизни и уровень развития наук, искусств и ремесел в России XVIII в. и у народов, говоривших на латинском и греческом языках, имели огромные различия, что отражалось и в лексических составах языков. Реалии русского языка не могли быть известны древним грекам и римлянам и не могли иметь эквивалентов в их языках. Если в современных условиях в таких случаях слова трансфонируются и транслитерируются, то поступать так с древними языками невозможно.

Поликарпов не мог отказаться от включения русских реалий в лексикон, этого требовала поставленная им цель собрать слова русского языка. Поэтому реалии в словаре есть: *кафтан*, *стрелец*, *болярин*, *воевода*, *квас* и др. Но в то же время легко обнаружить отсутствие многих аналогичных наименований, например названий предметов одежды (*армяк*, *сарафан*, *охабень*, *кокошник*, *лапти*, *онучи*) или элементов деревянных построек (*клеть*, *подклеть*, *крыльцо*). Все перечисленные слова встречаются в русских письменных памятниках XI—XVI вв., т. е. они были общеизвестны, и у Поликарпова были все основания включить их. Почему он этого не сделал, мы с точностью знать не можем. Не исключено, что причина в невозможности подыскать приемлемый перевод. Вряд ли автор был удовлетворен теми результатами, которые получались при переводе русских реалий. Поликарпов брал, как правило, латинские слова (для примеров здесь и далее используются только переводы на латинский) с теми же примерно функциями, что и обозначаемое понятие. Так, слову *стрелец* дано соответствие jaculator, т. е. *метатель*; *болярин* переводилось как magnus, proceres, primates, satrapes, senator; слово *воевода* имело латинские эквиваленты dux exercitus, imperator, praefectus; *кафтан* можно было перевести как pectoralis tunica, toga; *квас* — как fermentum.

Трудно стать на позиции людей XVIII столетия, посмотреть их глазами. Возможно, 300 лет тому назад слух не страдал столь ощутимо, когда боярин приравнивался сенатору, воевода — префекту, кафтан можно было назвать тогой, а квас — ферментом. Но все же думается, что и Поликарпову не нравились эти сопоставления, потому что, во-первых, он по каким-то причинам не поместил многих реалий и, во-вторых, дал в качестве перевода длинные ряды синонимов, как в примерах с *болярином* и *воеводой*. Длинные синонимические ряды для перевода одного слова часто являются выходом, когда нет нужного эквивалента. Задача с русскими реалиями была неразрешимой, и Поликарпов с его чувством языка не мог не понимать этого.

Что Поликарпов обладал тонким чувством языка, доказывает проведенная им в лексиконе работа по семантизации (т. е. установлению значений) слов. Чтобы правильно перевести слово, нужно сначала уяснить себе полностью его значение. Часто слово имеет не одно, а несколько значений, и тогда перевод особенно труден. Поликарпов первый сознательно и широко использовал словарный комментарий, т. е. различные пояснения и толкования, раскрывающие значение исходного слова и создающие тем самым предпосылки для правильного перевода. Поликарпов избрал несколько вариантов комментария и применял их, сообразуясь с обстоятельствами и выбирая лучшее решение.

Для многозначных слов он брал обычно краткое пояснение: *Нос* nasus; *Нос птичий и зверский* rostrum; *Нос корабелный* rostrum navis; *Перо гусиное* penna, pluma; *Перо к писанию надлежащее* calamus. Для малоизвестных слов, терминов, заимствований использовалось толкование: *друкарня, печатный двор*; *иподром, конского ристания место*; *онагр, осел дикий*; *семогласник, книга церковная; бас, глас нижайший в пении; кобза, пения орган троеструнный*. Названия животных, растений, минералов, как и у Славинецкого, сопровождаются указанием на родовой признак: *аметист камень*; *бобр зверь*; *базилика зелие*. Наконец, в Лексиконе Поликарпова появляется грамматический комментарий. Он дается при служебных частях речи, объясняя их функции: *без*, *предлог с родителным сочиняется*.

Таким образом, первый этап перевода слова — уяснение значения — стал выполняться на более высоком уровне. Очевидно, на более высоком уровне должен был

осуществляться и второй этап — отыскание эквивалента или выбор способа для передачи значения переводимого слова.

Лексикографам предстояло осознать, что лексико-семантические системы разных языков неадекватны. Существенные шаги на этом пути, бесспорно, сделаны в «Лексиконе треязычном».

Существует очень немного разноязычных пар слов, объем значений которых полностью совпадает. Это обозначения степеней родства (*отец*, *мать*, *сестра*, *брат*, *дочь*, *сын*), единичные явления окружающего мира (*Солнце*, *Луна*, *Земля*) и некоторые другие. Подавляющее большинство слов имеют в других языках лишь приблизительные эквиваленты. Лексикографу приходится приложить немало усилий, чтобы подобрать наилучший способ передачи всего объема значений слова или показать тонкое отличие в значении. Поликарпов обладал большим умением в этом деле. Возьмем несколько типичных случаев.

Иногда для одного понятия существует несколько синонимов в языке перевода. Тогда переводная часть словарной статьи представляет собой синонимический ряд, где каждое слово по отдельности соответствует заголовочному слову:

Букварь abecedarium, elementum, elementaliterarum

Очень часто слово имеет несколько значений, и каждому значению в языке перевода соответствует отдельное слово. Например, *буря* означает и волнение на море, и непогоду на суше. Поликарпов приводит четыре латинских соответствия:

Буря fluctus turbo, tempestas, procella estus, feruor maris

Случается, что слово не имеет эквивалента в переводящем языке. Чаще всего это реалии, о которых шла речь выше. Помимо уже упомянутого приема перевода реалий Поликарпов использовал описательный перевод, т. е. истолковывал русское понятие по-латыни:

Булава claua ferrea longo manubrio (т. е. *железная палка с длинной рукояткой*)

Зарождение описательного перевода мы наблюдали в Лексиконе Славинецкого, но на законное место в словаре его поставил Поликарпов. Вряд ли он считал описательный перевод удачным приемом, так как использовал редко,

только если не мог обойтись другими средствами. Действительно, описательный перевод более или менее пригоден для передачи значения безэквивалентного слова, но переводчик не может использовать его в тексте. Громоздкое толкование вместо одного слова в текст не годится. Подразумевается, что, поняв из словаря значение слова, переводчик в зависимости от контекста самостоятельно подберет какую-то замену.

Для перевода безэквивалентных понятий, когда семантическая основа была понятна носителю другого языка, Поликарпов использовал многочленный синонимический ряд. Например, русскому слову *кознь* (или *козни*) трудно подобрать эквивалент в других языках, хотя его смысл понятен. Поликарпов переводит *кознь* посредством ряда латинских слов, которые в своей совокупности передают значение русского слова:

Кознь insidia, stratagema, techna (т. е. *обман, уловка, хитрая проделка*)

Можно заметить, что многочленный синонимический ряд используется в «Лексиконе треязычном» очень часто. Это излюбленный прием Поликарпова. Иногда он настолько увлекался подбором синонимов, что уходил от исходного слова, расширяя его значение. *День* у него dies и diurnum spatium (*дневное время*); *болезнь* переводится как dolor (*боль*), morbus (*болезнь*), animi cruciatus (*страдание*). Пристрастие к многочленному синонимическому ряду свидетельствует об углубленной работе над значением слова, об увлеченности семантизацией. С исключительным интересом автор вдумывается в каждое слово, стремится собрать и показать языковые богатства.

Объективно же многочленный синонимический ряд является одним из неплохих приемов перевода безэквивалентных слов. Синонимы в переводной части использовал и Славинецкий, но широко применил этот прием Поликарпов в «Лексиконе треязычном».

Поликарпов продолжил традицию калькирования сложных слов, существовавшую в переводной литературе и лексикографии уже в течение семи столетий[7]. Основные его приемы — передача сложных греческих слов сложными славяно-русскими (*всеоружие*, *земледелец*, *великодушие*, *живопись*), аналогичное калькирование, но с перестановкой корней (*даролюбие*, *чадолюбие*, *самолюбие*, *злопамятство*), комбинация заимствования и кальки (*стихотворение* образовано из грецизма *стих* и кальки

части греческого сложного существительного). Характерно, что калькированное сложное существительное часто соседствует с суффиксальным: *другалюбие*, *дружба*; *знаменоносец*, *знаменщик*; *каменносечец*, *каменщик*; *копиеделатель*, *копейник*; *молитвословец*, *молитвенник*; *мошнорезец*, *мошенник*; *сребároделатель*, *сребреник*. Многие кальки XVIII в. не сохранились в языке, на их место пришли грецизмы: *доброписание — каллиграфия*, *домостроительство — экономия*, *естествословие — физиология*, *любомудрие — философия*, *летословие — хронология*, *любословие — филология*, *многобрачие — полигамия*, *местоописание — топография*, *отценачальник — патриарх*, *родословие — генеалогия* и т. д.

Русский язык оказался достаточно богатым и гибким, чтобы передать оттенки высокоразвитого греческого языка. Поликарпов в работе со сложными существительными отразил такие тенденции, как замену старославянских элементов русскими, замену сложных слов суффиксальными. Искусственных слов, возможных для переводчиков-предшественников, у Поликарпова уже нет.

Все сделанное Поликарповым в области словарного перевода — системность словника, анализ значений исходного слова, использование комментария, обогащение приемов словарного перевода — поднимало переводную лексикографию в России на очень высокую ступень. К сожалению, преемственности, непрерывности в лексикографической работе еще не было. Лексикон не мог быть использован в полной мере при новой системе образования, не мог стать популярным (как переводной словарь) среди прогрессивных групп населения. Сам царь Петр и его окружение брали за образец в образовании и книгоиздании западные страны. Ценное и рациональное, что можно было взять у Поликарпова, использовалось не всегда. Так, синонимический ряд в некоторых последующих словарях терял четкие границы, в нем ставились рядом друг с другом диалектизмы, просторечные слова, церковнославянизмы, неологизмы[8]. Очень медленно происходило намеченное Поликарповым вычленение отдельных значений многозначных слов внутри отдельной статьи.

В начале XVIII в. закончилась ведущая роль классических языков в переводной лексикографии. Конечно, словари с латинского и греческого продолжали издаваться, но они существовали скромно на периферии словарного дела. Классические языки изучали в гимназиях, но большого значения им не придавали. В XIX в. образованный

человек должен был иметь некоторые знания в древних языках и древней литературе (Онегин у Пушкина «...знал довольно по-латыне, Чтоб эпиграфы разбирать»). На сцену вышли современные европейские языки, которых требовала европеизация русской культуры, начавшаяся с преобразований Петра.

Глава 3

ЯКОВ БРЮС И ИСКУССТВО СЛОВАРНОГО ПЕРЕВОДА

Петр I не составлял сам словарей, хотя ничего удивительного в этом не было бы — он занимался самыми разнообразными науками и ремеслами (из русских царей на звание лексикографа претендовала Екатерина II, о роли которой для словарного дела будет сказано в конце этой главы). Но Петр способствовал в немалой степени развитию переводной лексикографии в России.

Сохранились письма и бумаги царя, из которых видно, что он иногда собственноручно брался за составление нужных ему списков иностранных слов или исправление переводов. Во время первого путешествия за границу в 1697—1698 годах он составил краткий, из одиннадцати слов и фраз, русско-голландский разговорник, где голландская часть записана русскими буквами:

Што это по галански ватысь
дать он галанс
Подай сюды эф гирь
Што ват
Это дат
Утро моргин
Будет дат сал зейн
Ужо вахтвейнихт
О ту пору димал
Теперь дат муш гишхейн
Жив излевег
Как алсик [1]

Второй список, составленный Петром,— наименования типов судов с переводом и объяснением на русском языке. Источником для этого списка послужили голландские гравюры с изображением судов:

Een Schmak *Шмак*
Een Lichter *Бот, который в улицах из воды грясь чистит*
Een Pinas Schip *Корабль особава дела, спереди туп, а сзади остер*
Een Fergat *Лехкой корабль воинской*
Een Harinck Buys *Судно, в котором селди ловят*
Een Speel jacht *Потешная яхта*
Een Oorloogh Schip *Воинской корабль* [2]

Известны еще два списка, которые содержат голландские и английские названия «корабельных частей». Они сделаны также в русской записи, перевода или объяснения к ним нет. В голландско-английском списке 56 слов, а в английско-голландском — 42.

Эти небольшие заметки — отголосок гигантского труда Петра I по созданию российского флота. Еще до поездки в Голландию, в 1696 г., Петр издал указ, где повелел: «морским судам быть». В то время в России было всего два крупных корабля и 23 галеры, а к концу войны со шведами, в 1709 г., в России был флот из 48 линейных кораблей и большого числа мелких судов. И если для строительства флота, овладения науками и искусствами, освоения ремесел приходилось обращать внимание на иностранные языки, вопросы перевода, приобретение за границей лексиконов, царь занимался и этим, составлял списки терминов, давал указания, что и как переводить, какие лексиконы покупать.

Царь сам подбирал книги, которые хотел иметь в русском переводе, причем по свидетельству современников превосходно ориентировался в иностранной научной литературе и поручал переводы своим соратникам, независимо от их других государственных обязанностей и высоких постов. У Петра переводили Я. Брюс, М. Шафиров, Ф. Поликарпов и многие преподаватели учебных заведений, справщики типографий, духовные лица. Он обратил внимание, что для грамотного перевода необходимо знать как иностранный язык, так и само «художество, о котором переводит», подразумевая под «художеством» математику, механику, хирургию, военное дело и другие науки. Указ, в котором говорится о подготовке квалифицированных переводчиков, опубликован в 1724 г., за год до смерти царя.

Конечно, распространение просвещения означало для Петра I не только знакомство читателей с науками, но и изменение бытовых привычек, введение нравственных правил по западному образцу. Из переводной литературы воспитательного характера можно назвать «Разговоры дружеские» Дезидерия Эразма (известного гуманиста XVI в. Эразма Роттердамского), которые в живой форме диалогов преподносили читателю основные понятия морали и нравственности.

Царь входил и в вопросы качества переводов: он собственноручно правил некоторые переводы и требовал яс-

ности и точности стиля. В письмах Петра снова и снова повторяются замечания переводчикам: «темно и непонятно переведено», «прегрешение и невнятность» и т. д. Хрестоматийным фактом стал указ Петра переводчику Зотову 1709 г., где есть разумные и правильные слова о непригодности буквального перевода: «...не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию, сенс выразумев, на своем языке уже так писат, как внятнее может быть» [3]. Поясним слова Петра: «не надлежит речь от речи хранить» — значит, не следует сохранять буквально то речение, которое было в переводимом тексте; «точию, сенс выразуметь» — понять точный смысл, значение.

В архиве бумаг и документов Петра I есть несколько писем секретарю посольства в Лондоне Ф. П. Веселовскому [4]. Петр велит достать универсальный лексикон лейпцигского издания и английский лексикон. Веселовскому нужно передать их для перевода на русский язык в пражскую иезуитскую школу, где были люди, сведущие в славянских языках. Таким путем Петр хотел получить лучшие европейские энциклопедии в русском переводе.

Из сподвижников царя непосредственной подготовкой переводных словарей мог заняться Яков Вилимович Брюс (1670—1735) — «русский Фауст», «колдун Брюс», окруженный в народной молве легендами. Легенды вокруг имени Брюса стали складываться уже в послепетровскую эпоху, когда Брюс, отставленный от дел, переехал в Москву и погрузился в ученые занятия, единственно оставшиеся ему на склоне лет. Пристанищем его была старинная Сухарева башня, названная Петром в честь стрелецкого полковника Сухарева, сохранившего со своим полком верность Петру во время стрелецкого бунта. Вековая башня вызывала суеверия и порождала легенды. Как пишет летописец старой Москвы В. А. Гиляровский, люди верили, что в этой башне «колдун Брюс» превращает свинец в золото и занимается другими чернокнижными делами.

Брюс был образованнейшим человеком того времени. Отец Брюса приехал в Россию в царствование Алексея Михайловича, отца Петра I, спасаясь от диктатуры Кромвеля. Яков Брюс начал службу у молодого царя Петра в потешных войсках, а продолжил ее и совершил немало военных и гражданских подвигов в войне со шведами, на дипломатическом поприще, на государственной службе. Он получил чин генерала, стал президентом берг- и мануфактур-коллегий.

Брюс знал и широко использовал иностранную литературу по многим отраслям знания. Его библиотека содержала научные труды на голландском, английском, итальянском, латинском, французском языках, трактовавших вопросы военного дела, астрономии, архитектуры, математики, истории, географии и т. п., а также солидное собрание словарей, изданных во многих странах Европы [5].

Якову Брюсу пришлось взять на себя составление русско-голландского и голландско-русского лексиконов. В 1716—1717 гг. Брюс переводил книгу голландского лингвиста Виллема Севела «Искусство нидерландского языка», так как Петр снова намеревался посетить Голландию. В процессе работы и было начато составление словарей. О ходе работы, методах, трудностях Брюс подробно сообщал царю, находившемуся тогда за границей.

В книге Севела каждое грамматическое правило сопровождалось десятками примеров, которые Брюс решил использовать для словника. Методику своей работы он изложил в специально написанном «Напамятовании о переводе галанской грамматики» [6]. Все «именования» выписывались, переводились на русский язык и включались в два словника — из голландских слов и их русских эквивалентов.

Задача осложнялась тем, что примеры в голландской грамматике давались без какой-либо смысловой связи, а переводить разрозненные слова без контекста очень трудно. Брюс пользовался различными лексиконами и расспрашивал людей, владеющих голландским языком, но некоторых слов так и не смог перевести. «...многих слов из оных никто истолковать не мог, ниже в лексиконах сыскать» [7],— пишет он в одном из писем царю.

Впоследствии, правда, выяснилось, что словник голландско-русского лексикона не идентичен примерам из голландской грамматики Севела [8]. Почему план Брюса не был осуществлен, как задуман, остается загадкой.

Особенностью лексикона был отбор одних существительных с некоторым добавлением прилагательных. В лексикон не вошли наиболее употребительные в любом языке слова — местоимения, союзы, предлоги, вспомогательные и знаменательные глаголы. Однако этот факт может удивить только на первый взгляд. Направленность интересов царя и его окружения на науки, искусства, ремесла, практические дела заставляли в первую очередь обращать внимание на названия вещей. Не иностранные

языки сами по себе занимали «работника на троне» и его помощников, а потребности новой России. Брюс не стал бы, наверное, заниматься обычным филологическим словарем голландского языка, но терминологический словарь был царю и его окружению нужен. Фактически лексикон Брюса и был терминологическим словарем, потому что «наименования» в большинстве своем представляли собой термины, обозначения предметов и явлений из различных отраслей знания.

Методика перевода Брюса включала те же два этапа, что и у Поликарпо́ва: интерпретацию переводимого слова и отыскание в русском языке нужного соответствия. Особенно важно было правильно истолковать, интерпретировать голландские термины, часто незнакомые русским людям. Хотя одновременно составлялись голландско-русский и русско-голландский лексиконы, мы будем говорить о голландско-русском варианте, потому что другой был так называемым «перевернутым» словарем, составленным из переводов голландских слов, а такие словари имеют условное значение, интересное лишь для узкого круга специалистов.

Оба словаря вышли из печати в 1717 г. в Петербурге очень небольшим тиражом — русско-голландский словарь в количестве 42 экземпляров и голландско-русский словарь в количестве 49 экземпляров. Полное название голландско-русского словаря было «Книга лексикон, или Собрание речей по алфавиту с Голландского на Российский язык». Они поступили в продажу в Петербургскую книжную лавку, и согласно сохранившимся архивным материалам до 30 декабря 1722 г. было продано 41 русско-голландских и 27 голландско-русских лексиконов[9]. Таким образом, словарь имел читателей и помимо царского двора.

Известно, что лексиконы должны были войти составной частью в переведенную «Грамматику голландского языка», для чего в ней при печатании было оставлено место. По-видимому, существовало намерение объединить в одном издании грамматический справочник и словарь, что было бы полезно для путешественников по Голландии. Но известные экземпляры грамматики сброшюрованы либо с русско-голландским лексиконом, либо без лексиконов вообще. Случилось так, возможно, из-за несовпадения сроков печатания словарей и грамматики, из-за спешности работы (выпускались и переплетались те части издания, которые были готовы).

Объем голландско-русского лексикона — около 3,5 тысячи слов. Термины составляют примерно половину словника. В словнике отражен весьма широкий круг наук и видов практической деятельности. Глубоко проработаны морская, коммерческая, административная, дипломатическая, анатомо-медицинская терминосистемы, а также терминосистемы военного дела, книжного дела, промышленности. Характерно, что почти полностью отсутствует лингвистическая терминология, хотя в качестве первоисточника предполагался учебник грамматики. В лексиконе нет наименований частей речи, падежей. Будущие читатели словаря мало интересовались языкознанием, и лингвистические термины сочтены в нем излишними.

Чтобы иметь представление о терминологической направленности словника, выпишем подряд из какого-либо раздела, например из буквы G, научно-технические термины:

Gaas *парча тонкая шелковая зовомая газ*
Gal *желчь*
Galey *галера*
Galjoen *перед или нос у корабля*
Galioot *галиот судно*
Galneut *чернильной орех*
Gareel *постронка, пристяж или веревка у шор, коими лошади тянут*
Garnaal *рыба маленькая подобна раку*
Garst *ячмень*
Gengber *инбирь*
Genot *получение и прибыль*
Geschut *артилериа, снаряд*
Gety *прибывание и убавление вод морских*
Geur *обоняние*
Gevel *фронтиспис или верхушка, спереди у двора*
Geweer *оружие*
Gewelf *свод*
Gewin *выигрыш, барыш*
Gewricht *сустав*
Gezang *стих, песнь духовная*
Gicht *грыжа в костях или составах*
Gier *коршун*

Как видим, тематика очень разнообразна: ботаника, зоология, анатомия, коммерция, строительное дело, мореходство, военное дело, гужевой транспорт. Однако автор берет далеко не любые термины, некоторые группы терминов в его словарь не попадают. В их числе, например, математические, астрономические, физические, химические термины. Брюс довольно явственно провел границу между терминами широкого диапазона действия, употребляемыми повсеместно и не только учеными людьми, и терминами более замкнутого характера. Разумеется, анатомические термины (*сустав*, *гортань*, *грыжа* и т. д.) или коммерческие (*прибыль*, *барыш*, *задаток* и т. п.) имели более широкое хождение, чем математические (*гипотенуза*, *парабола* и др.).

Общеупотребительные слова представлены, например, понятиями окружающей действительности (*лес*, *луг*, *речка*, *молния*, *гром*), названиями предметов домашнего обихода, построек, одежды (*корыто*, *кувшин*, *котел*, *крушка пивная*, *кровать*, *веретено*, *конюшня*, *погреб*, *шапка*, *картуз, сапог*), названиями человеческих чувств (*сердитство, любовь*, *ненависть*, *страх*, *сожаление*, *печаль*).

По сравнению с Поликарповым, который работал упорно над взаимосвязями слов и добивался системности словника, Брюс этой стороной словаря занимался меньше. Его лексикон не дает хорошо разработанных гнезд, морфологические и словообразовательные гнезда часто не прослеживаются, не приводятся в систему. Так, к слову Avond (*вечер*) есть небольшое гнездо: Avondmaal (*вечеря*), Avondstar (*звезда, вечерняя зарница*), Avondstond (*час вечерний*), но слово Morgen (*утро*) гнезда не имеет. То же обнаруживается при сравнении Dag *(день)* и Nacht (*нощь*), Middeldag (*полдень*) и Middelnacht (*полнощь*).

При формировании словника Брюс, возможно, не стал проявлять самостоятельности и не следовал лучшим образцам отечественной лексикографии, а шел вслед за имеющимися у него источниками, в частности за Голландско-английским словарем Севела. Говорить о достоинствах и недостатках словника Брюса следует, конечно, с учетом этого обстоятельства.

Словник Брюса подсказывает еще одну проблему: могут ли входить в словник слова, находящиеся за пределами литературной речи, т. е. грубо-экспрессивная, грубая лексика, в том числе слова вульгарные и бранные? Отношение многих лингвистов к включению этой лексики было положительным, ее собирали и фиксировали в своих трудах русские лексикографы В. И. Даль и И. А. Бодуэн де Куртенэ. Словари жаргонов, где наличествует бранная лексика, есть за рубежом *.

---

* Следует упомянуть в связи с этим одно уникальное издание, вышедшее в нашей стране. Во время Великой Отечественной войны в Москве был подготовлен и напечатан «Немецко-русский словарик жаргонных слов, кличек и крепких словечек» [10]. Предназначен он был для использования переводчиками Красной Армии. Знания этой лексики требовали проведение пропаганды среди солдат противника, допросы военнопленных и другие ситуации (возможно, даже работа советских разведчиков по ту сторону фронта). Словник прекрасно отражает лексикон фашистских вояк, характеризуя их моральный уровень, привычки и образ жизни. В словнике есть множество бранных слов, обозначающих понятия *пьяница, лгун, вор, грабитель, разврат-*

Интерес к сниженной лексике начал проявляться чуть ли не при первых опытах составления словарей. Сближение книжной и разговорно-бытовой лексики отмечалось и в XVII в.— демократизация книжного стиля была признаком формирования общенационального языка. Поликарпов-Орлов включил кое-где в «Лексикон треязычный» русские бытовые обороты, хотя переводить их на сугубо книжные латинский и греческий языки было невозможно. Так, у него есть словосочетание *брюхатая жена*, которое он приравнивает (т. е. дает отсылку) к *беременная жена* и переводит книжно-нейтральными латинскими и греческими эквивалентами. Очевидно, Поликарпова интересовал этот еще неизученный лексический пласт, но он пока не мог основательно заняться им, собрать и обработать слова разговорной речи. Его словарь не был рассчитан на ситуации интимно-бытового или профессионально-бытового общения; кроме того, классические языки не давали возможности подобрать стилистически равноценные эквиваленты русской сниженной лексике.

Брюс гораздо более активно привлек грубо-экспрессивный пласт. Как известно, при составлении словника он пользовался устным опросом людей, знавших голландский язык. И очевидно, эти люди хорошо владели сниженным регистром речи. Автор лексикона не исключал обстоятельств, при которых грубая лексика могла понадобиться читателям, тем более, что резко выраженной окраски она в те времена не имела: Block *бранное слово болван*; Dauwel *безпутица, брань женскому полу*; Bes *старая корга или яга*; Muyl *рыло*; Keutel *навоз, говны*; Gatt *задница* и т. д. Очевидно, бурные события той эпохи огрубляли нравы, и знать была не особенно щепетильна в выражениях. Такой регистр речи был, по-видимому, уместен в лексиконе.

Переводная часть «Книги лексикона» — исключительно интересный раздел. Он составлен передовым человеком петровского времени, владевшим многими языками, переводчиком научных трудов. Брюс был в самом водовороте

ник, насильник, глупец, доносчик, подхалим, мошенник, лентяй, трус. Словарь продемонстрировал и взаимное неуважение гитлеровцев друг к другу, что отразилось в унизительных кличках *прусская свинья, грязный шваб, жирный баварец*. Нельзя было обойтись и без крепких выражений, дающих оценку фашистским захватчикам: *коричневая чума, нацистская сволочь, гитлеровская собака* и т. д. Этот словарь является одним из памятных документов войны.

петровских дел, слушал смешанную речь, наблюдал вторжение волны заимствований в русский язык и сам принимал участие в языкотворчестве как переводчик и лексикограф.

Необыкновенная сложность работы над лексиконом была в необходимости сопоставить неадекватные понятийные системы двух языков в сложных языковых условиях. Русский и голландский языки существовали на одном историческом отрезке времени, но пути развития двух народов были очень различны. Обилие незнакомых русскому человеку реалий и высокий уровень развития в Голландии мореходства и некоторых других областей ставили перед автором лексикона одну задачу за другой. Нужны были большая гибкость ума, смелость и изобретательность.

Когда перед лексикографом много новых и неизвестных будущему читателю терминов и реалий, ему обязательно придется использовать описательный перевод. Возьмем для примера термин строительного дела *цемент*. До знакомства с архитектурой и строительством в странах Западной Европы в России использовался связующий раствор другого состава. Цемент оказался более дешевым и простым в изготовлении строительным материалом. В начале XVIII в. слово *цемент* еще не вошло в русский язык, и Брюс дал описательный перевод: Cement *состав им же каменья и железо смастичивают*. Похожую историю имеет архитектурный термин *балкон*. Как элемент зданий балкон нашел распространение в архитектуре эпохи Возрождения и барокко. В русском зодчестве балкон до начала XVIII в. был неизвестен (зато широко были распространены галереи, опоясывающие здания). При Петре I слово *балкон* (из итальянского) уже употреблялось в литературе, но лексикон Брюса не фиксирует его, ограничиваясь одним описательным переводом: Balkon *гульбище перед окном или дверьми у верхнего жилья, перилами оставленое*.

Корабельный термин *койка* (подвесная постель на судне) вошел в русскиий язык из голландского, но произошло это позже. В 1717 г. Брюс еще не употребляет его, прибегая к описанию: Kooi *спалное место матрозское*.

Таким же образом даны в лексиконе термины: Kapitaal *главнсйшее число денег*; Avery *выметание или выбрасывание всяких пожитков через борт в море*; Lomberd *заемное место иде же деньги взаймы дают;* Deken *главнейший в каком ни есть братстве или старшина в какой*

компании; Dok *место иде же корабли вводят к починке.*

С помощью описательного перевода даны реалии голландского языка, в том числе слова, обозначающие предметы одежды, украшения, предметы домашнего обихода: Fali *фата или флор, им же женской пол глаза завешивают*; Bres *хохол власяной на главе у жены*; Meerstik *женской галстук или полотенце около шеи*; Keurs *юпка женская короткая*; Binnenwerk *кружево по швам употребляемо*; Lollepot *жаровня ею же ходя руки греют*; Bedpan *жаровня ею же постелю греют*; Klopper *стучатель также молоток и колцо чем в дверях стучать возможно*; Klosbaan *дорога, где шарами играют*; Kolf *дубинка что шарами играют.*

Брюс не смущался некоторой неполноценностью этого приема перевода и очень часто использовал его. При этом он вводил описательный перевод и в словник русско-голландского лексикона. Отвлекаясь от проблемы пригодности данного лексикографического приема, мы не можем не отметить, что благодаря описательным переводам лексикон имел познавательную ценность. Через слова и описание их значений читатель узнавал о новых предметах, явлениях и идеях. Прежде всего это относится к терминам, но и названия предметов одежды, домашнего обихода и развлечений давали много полезных сведений и расширяли кругозор читателей.

Известно, что европейская одежда в петровские времена вносила в жизнь русского общества немало смуты и волновала умы. Царь хотел европеизировать русское общество, вводя одежду по западному образцу. Далеко не всем нравились новые обычаи, не все хотели подражать царскому двору и иноземцам. Люди, преданные старому укладу, осуждали пудреные парики, бритые подбородки, кринолины. Читая «Арапа Петра Великого» А. Пушкина, мы на многих страницах ощущаем эту напряженность отношения к одежде: старшее поколение осуждает, посмеивается, но не смеет противиться царской воле, зато молодежь с удовольствием наряжается и не хочет слушать стариков.

Удивление и насмешку могли вызвать упомянутые выше *хохол власяной на главе*, т. е. высоко взбитые волосы, фата, завешивающая глаза, *полотенце около шеи*, т. е. галстук, кружево по швам одежды. Старинная русская одежда казалась достойнее, приличнее и удобнее. «Право, жаль сарафана, девичьей ленты и повойника»,— говорит один из пушкинских персонажей.

Незнакомы были русскому населению такие предметы обихода, как жаровни, которые держали при себе или согревали ими постель (*жаровня ею же ходя руки греют, жаровня ею же постелю греют*). Русский климат требовал жарко натопленных печей в доме и теплых полушубков и валенок.

Немало было кушаний и напитков, которые не имели соответствий в традиционной русской кухне: Kandeel *кандель, вареное питье из вина, сахара и корицы*; Kandeschaal *пиво подслащеное с хлебом*; Lil *студень от рыбьей или телячьей ухи аки кисель дражащей*; Brandeweyn *вино горячее*.

Игры и развлечения тоже могли представить интерес для любознательного читателя. Из лексикона Брюса можно было узнать об игре в кегли (*дорога, где шарами играют*), о гольфе (*дубинка, что шарами играют*). В русской жизни были другие национальные игры и молодецкие забавы, например городки или бабки.

Независимо от того, какие чувства вызывали у русских людей чужие обычаи, нельзя было отворачиваться от них, нужно было знакомиться с ними. Всегда полезно и интересно знать, как живут, как одеваются, что едят и пьют, как развлекаются в чужой стране. Книг, из которых можно было бы узнать о чужих странах и народах, было еще немного. Факты из истории, географии, этнографии европейских стран можно было найти в тех научных трудах, которые издавались, в газете «Ведомости», печатавшей донесения русских послов и материалы иностранных газет, в переводной художественной литературе. Но и лексикон Брюса знакомил тех, кто изучал голландский язык, с нравами голландцев. Через язык, через объяснение новых понятий приходило понимание иной национальной культуры, иного образа жизни. Брюс подошел в своем словаре к решению одной из интереснейших задач переводной лексикографии — к созданию так называемого лингвострановедческого аспекта, т. е. культурно-исторического фона, стоящего за языковыми единицами *.

---

* Культурно-исторический фон языка становится в какой-то мере доступным иностранцу при чтении соответствующей литературы, при непосредственном знакомстве со страной и народом. Полезными могут оказаться и переводные словари. Наше время выдвинуло идею лингвострановедческих словарей; в них включается лексика, отражающая своеобразие национальной культуры, и объясняется «культурный компонент значения». Для русского языка, например, берутся русские реалии (*тройка, само-*

Описательный перевод Брюс часто сочетал с прямым заимствованием. Трансфонация (передача звуковой формы) и транслитерация (передача графической формы) в свободном применении, по воле переводчика и лексикографа,— новое явление, отзвук языковых процессов в описываемую эпоху. Иноязычное слово было написано русскими буквами, было кратким, удобным в пользовании и понятным, потому что тут же присутствовало описание понятия. Посмотрим, как это выглядело в лексиконе: Fries *фриз, сим именем называется во архитектуре нижайшая часть гзымса над столпом*; Bankerot *банкерот, проторговавшейся купец*; Kapiteel *капитель во архитектуре, верхушка у столпа*; Bandelier *банделир или заряд мушкетной,* Halsdoek *галздук или шейное полотенцо;* Kamizoll *камизол, полукафтание.*

Возникает вопрос, проявлял ли Брюс определенную осторожность в использовании иноязычных форм или переносил с легкостью любое иноязычное слово на русскую почву. Ведь Брюс не был русским, его семья прожила не так долго в России, чтобы полностью обрусеть, в России служило в то время очень много иноземцев, и иностранная речь была постоянно в ходу. Вряд ли при таких обстоятельствах можно ожидать от автора большой заботы о чистоте русского языка.

Конечно, упрекнуть автора в использовании слов, еще не ассимилированных русским языком, можно. Что было делать, когда некоторых слов он при всем старании не мог найти в лексиконах и никто не мог их ему объяснить. Наверное, устав от поисков, он просто писал редкое голландское слово русскими буквами и присовокуплял самое общее пояснение: Alikruyk *аликрюик рыба* или Madelief *маделиф зелие.* Очевидно, он не знал этой рыбы и этого растения и не мог дать описательного перевода.

Но, как правило, Брюс глубоко знал и терминологию и сам предмет, продуманно выбирал словарное соответствие. Он довольно заметно тяготел к русским, а не к иноязычным словам, предпочитая давать русское слово даже там, где уже намечались предпосылки проникновения слова иноязычного. Хотя при Петре I слово *балкон* встречается

вар, сарафан), советские реалии (*агитпункт, колхоз*), историзмы (*раскольник, царизм, декабрист*), фольклоризмы (*Кащей Бессмертный, баба-яга, снегурочка*) и т. д. Объяснения к ним могут иметь энциклопедический характер, могут описывать возникающие ассоциации, могут касаться внутренней формы слова.

в литературе, брюсов лексикон избегает его. При заимствованном слове присутствует либо его русский дублет, либо описание: Dommekracht *доммекрах, подъем;* Magistraat *гражданской начал, магистрат*; Arend *аренда, откуп*; Convoy *провожание, конвой*; Bankerot *банкерот, проторговавшейся купец*; Bostrok *душегрейка, бострок.* Русское слово нередко ставится на первое место. Читатель может выбрать эквивалент по своему вкусу, иноязычное слово не вводится насильственно.

Русский язык принял в себя в петровскую эпоху много заимствований. Лингвисты разделяют причины появления заимствований на внеязыковые (обусловленные социально-историческими и культурными факторами) и языковые (обусловленные требованиями языка). В описываемую эпоху наличествовали и те и другие. Развивались контакты с другими странами, сопровождавшиеся увлечением правящей верхушки культурой Голландии, Англии, Германии, изучались иностранные языки, переводились научные и художественные произведения. Такова была группа внеязыковых причин. Лингвистические же причины заключались в том, что в русском языке для чуждых понятий отсутствовали эквиваленты либо чужеземное слово было короче и проще для употребления, чем русский описательный перевод. *Банкрот* проще, чем *проторговавшийся купец, капитель* удобнее, чем *верхушка у столпа.* Иностранные слова быстро ассимилировались: иностранное звучание слова имитировалось с помощью звуков русского языка, изображалось слово с помощью русских букв. Фонетические и графические характеристики приближались к соответствующим нормам русского языка. Нетипичное для этих норм удвоение гласных, например, исчезает: Magistraat превращается в *магистрат*, Kapiteel в *капитель*, Makreel в *макрель* и т. д. Придыхательный звук h в начале слова передается либо с помощью буквы *г*, либо опускается: Haven *гавань*; Hulk *судно морское называемое гулк*; Hellebard *алебарда.*

Слова ассимилировались и грамматически, т. е. приобретали категории рода, числа и падежа. Например, *алебарда*, получив окончание *а*, стала существительным женского рода, могла употребляться во множественном числе и склоняться.

Таким образом, в отношении заимствований Брюс был довольно осмотрителен. Это качество присуще ему, пожалуй, в большей степени, чем некоторым нашим со-

временникам, предпочитающим иностранные заимствования полноценным русским словам.

Переводу многозначных слов и лексикографическому оформлению статей к многозначным словам Брюс большого внимания не уделял. Конечно, он старался показать, что одно и то же слово может означать разные вещи, но делал это крайне простыми, даже примитивными средствами, не используя комментариев и разнообразных приемов. Все значения объединяются в одной статье с помощью союзов *и*, *или*, *также*, *тож*: Kuyt *икра у ноги и у рыбы*; Buur *шалаш тож сосед*; Mark *полфунта тож и знак, примета*; Kat *кошка также и малый якорь*; Karakter *характер, чин и литера буква*. Иногда подбор эквивалентов вообще не дает возможности понять объем значений слова: Mom *мом пиво также кто скрылся*; Gerecht *праведно*, *судбище и прямостоящее*; Losbol *резвой детина тож не смирно, дико.*

«Книга лексикон с Голландского на Российский язык» — явление неоднозначное. О лексиконе нельзя сказать обычными словами, что это новая ступень, шаг вперед и т. д. В чем-то лексикон был даже шагом назад — в отношении системности словника, например, или в переводе многозначных слов. Но неординарность словаря в том, что автор пошел по новому пути в составлении словарей. Брюс выполнил задачу сопоставления двух живых языков. Перед ним встали основные трудности лексикографической работы, которые еще не были осознаны в полной мере,— расхождение понятийных систем двух языков и огромное количество реалий, не имеющих эквивалентов. Его переводы ориентированы не на ученый книжно-славянский язык, а на живой, обиходный, где много просторечных слов, стилистически сниженных единиц, заимствований. Вклад в совершенствование лексикографических принципов состоял в опыте работы с безэквивалентной лексикой, в опробовании приемов ее перевода — описания и транслитерации. Если же говорить о значении лексикона для повышения уровня русского общества, то он познакомил читателя со многими новыми явлениями из жизни другого народа, т. е. сделал полезное дело, когда Петр I «прорубал окно в Европу».

Искусство словарного перевода развивалось, обогащалось новыми приемами. Накапливался опыт работы со словами, приходило понимание того, что слова одного языка не имеют абсолютных эквивалентов в других языках. Предстояло сделать еще очень много, чтобы научиться в

совершенстве описывать объем значений иноязычных слов. Можно считать, что своей вершины это искусство достигло в XIX в. Затем языкознание, овладев переводом отдельных слов, обратилось к изучению эквивалентности целых текстов. Появилась «лингвистика текста». Таков нескончаемый путь познания.

Лексикон Брюса вышел крайне малым тиражом, по этой причине, а также потому, что интерес к голландскому языку в дальнейшем пошел на убыль, он не мог найти широкого применения. Сделанные Брюсом лексикографические находки в дальнейшем не изучались, не закреплялись, как это произошло и с лексикографическими принципами Поликарпова.

Во второй половине XVIII в. в переводческой деятельности наблюдалось оживление — русские читатели познакомились с переводами произведений Свифта, Фильдинга, Корнеля, Гольдони, с античными авторами — Гомером, Геродотом, Плутархом, Вергилием, Цицероном. Одновременно иностранные языки приобрели большой вес в системе образования. Поначалу, когда в учебных заведениях (в частности, в открывшемся в 1755 г. Московском университете) не хватало русских профессоров, знание языков требовалось даже для того, чтобы слушать лекции профессоров-иностранцев. В программу высших учебных заведений нередко входило по четыре-пять иностранных языков. В Морском кадетском корпусе, например, обучали французскому, английскому, немецкому, датскому, норвежскому. Без иностранных языков не обходилось и домашнее образование, вошедшее в моду во второй половине XVIII в. Чтобы преуспеть в науках, сделать ученую карьеру, добиться успехов в обществе, молодые люди должны были владеть иностранными языками. Как утверждали, «изучение языков учинилося главнейшим упражнением российского благородного юношества».

Соответственно и издание словарей не оставлялось без внимания. Централизованного словарного дела, конечно, еще не было, но организационные проблемы решали научные учреждения и высшие учебные заведения, а печатались лексиконы в типографиях Академии наук и учебных заведений. Согласно библиографическим данным, во второй половине XVIII в. было издано не менее 5 немецко-русских, не менее 5 французско-русских, не менее 5 немецко-французско-русских, не менее 5 латинско-русских и не менее 8 многоязычных словарей [11].

В истории лексикографии иногда отмечается, что сло-

вари этого периода были подражаниями и переделками, были малоинтересными и неоригинальными. Не говоря о том, что такие суждения основаны на осовремененном подходе к использованию чужого материала, они неточны. Определенные успехи в переводной лексикографии имели место. Словари Ф. Гельтергофа, упоминаемого ранее, представляли собой серьезный вклад в учебную лексикографию. Словари И. Нордстета и И. Гейма обладали обширным и системно построенным словником, сравнительно глубоко проработанной переводной частью [12]. Переводная лексикография XVIII в. во многом подготовила создание первых академических словарей русского языка [13].

В заключение следует сказать еще об одном явлении в переводной лексикографии XVIII в. Это была идея о коллекционировании языков, об издании многоязычных словарей, охватывающих все или большинство языков земного шара. Благодаря географическим открытиям Европа познакомилась с другими народами и их языками. Пробудился интерес к собирательству языковых фактов, появились своеобразные словарные коллекции (как например, «Сокровищница всех народов» немецкого гуманиста П. Мегизера). Эта страсть к коллекционированию (коллекционировали многое — феномены природы, чучела редких животных, человеческие уродства) захватила и Россию. Вдохновительницей была сама императрица Екатерина II, которая обязывала своих губернаторов собирать материал, писала воззвания к ученым других стран, собственноручно составляла реестры слов. Редактором огромного лексикографического предприятия стал ученый и путешественник П. С. Паллас, приехавший в 1766 г. из Германии в Россию по приглашению императрицы и проживший в России 43 года. В 1787 г. вышла первая часть гигантского словаря под названием «Сравнительные Словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы», включавшая 200 языков. В 1790—1791 гг. вышло новое издание, дополненное 22 азиатскими, 30 африканскими и 23 американскими языками. Поскольку тип этих «суперсловарей» по понятным причинам оказался нежизнеспособным, они были скоро и прочно забыты и современный читатель вряд ли слышал о них. Единственной положительной стороной этих трудов была вызванная ими критика и возникновение ряда научных идей, предвещавших начало научного языкознания.

Глава 4

«ТРЕЯЗЫЧНЫЙ МОРСКОЙ СЛОВАРЬ» ФЛОТА КАПИТАНА А. С. ШИШКОВА

В конце XVIII в., двести лет тому назад, произошло немаловажное событие: был издан первый в России переводной научно-технический словарь. Лексикография давно готовилась к этому событию — составители словарей и раньше особенно много внимания уделяли терминологии.

На исходе был век первых научных революций, век открытий в астрономии, математике, механике, химии. Люди узнали о новых источниках энергии, освоили новые виды сырья, начали развивать машинную технику. Технические знания достигли такого уровня, при котором сложился большой контингент специалистов, накопилась терминология, возник регулярный обмен научно-технической информацией.

Первым словарем, где была собрана и переведена специальная терминология, стал морской словарь. Морское дело России — это дальние плавания поморов-новгородцев и искусство корабелов Архангельска в XVI—XVII вв., это построенный Петром I флот, победы над турецким флотом в морских сражениях под водительством Ф. Ф. Ушакова, морские экспедиции Витуса Беринга, подготовка первых кругосветных путешествий И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Моряки имели свой морской язык, который к концу XVIII в. более или менее окончательно сложился. Пора было собрать свою и чужую морскую терминологию и составить переводной словарь, который особенно нужен плавающим в чужих водах и бывающим в иностранных портах морякам.

Автором морского словаря был Александр Семенович Шишков (1754—1841), известный больше как незадачливый реформатор русского языка. Поначалу его жизненный путь не предвещал никаких особенных событий — он учился в Морском кадетском корпусе, потом ходил в плавания, принимал участие в морских сражениях, писал ученые труды, преподавал морскую тактику в том же Морском корпусе, который закончил, получил адмиральский чин. Однако на склоне лет Шишков страстно увлекся русской стариной, церковнославянским языком, этимо-

логией русских слов. Вместе с консервативной оппозицией он составил общество «Беседа любителей русского слова», которое противодействовало всему передовому в языке и литературе, развивало реакционную псевдопатриотическую теорию народности, стремилось сохранить архаичный язык Ломоносова, Сумарокова, Хераскова.

Писатель С. Т. Аксаков оставил воспоминания об А. С. Шишкове [1], где рисует его в период 1808—1811 гг. как чудаковатого и фанатично увлеченного филологическими трудами славянофила, подвергавшегося всеобщему осмеянию. «Надо признаться, что Шишков был находка, клад для насмешников: его крайняя рассеянность, невероятная забывчивость и неузнавание людей самых коротких, его постоянное устремление мысли на любимые свои предметы служили неиссякаемым источником для разных анекдотов»,— пишет Аксаков. Он относился к Шишкову с большой теплотой, но сомневался в его способности к государственной деятельности: «Наступила вечно памятная эпоха 1812 г., и с удивлением узнал я, что Александр Семенович был сделан государственным секретарем»; «Что касается до управления Министерством народного просвещения, то я не беру на себя судить об этом. Шишков может быть слишком односторонне смотрел на предметы и везде проводил свои убеждения, благие и честные в основании, но устаревшие».

И случилось так, что реакционная деятельность Шишкова на высоких постах члена Государственного совета, президента Российской Академии, министра просвещения сыграла главную роль в оценке его личности потомками. Будь Шишков только автором первого морского словаря, он без всяких оговорок занимал бы в истории достойное место выдающегося лексикографа. Но отрицательная роль Шишкова оказалась более весомой, более заметной, и чтобы теперь говорить о полезной лексикографической деятельности Шишкова, нам придется за фигурой шестидесяти- и семидесятилетнего Шишкова-реакционера попытаться рассмотреть образ сорокалетнего морского офицера, который не занимался государственными делами, а хотел своим словарем послужить любимому морскому флоту. Те взгляды на язык и литературу, которые впоследствии принесли ему недобрую славу, еще не успели сложиться окончательно и никому не наносили вреда.

С работы над русской и иностранной морской терминологией и начались филологические изыскания Шишко-

ва. Он имел возможность наблюдать закономерности словарного перевода, которые повели его к размышлениям о языке. Первой теоретической работой в области филологии было, собственно говоря, предисловие к «Треязычному морскому словарю», о котором ниже будет сказано более подробно, но филологические идеи слишком глубоко заинтересовали Шишкова, чтобы он ограничился своим Словарем. Им овладела мысль о судьбах русского языка, который он искренне хотел «защитить» от поэтов и писателей XIX в., таких как Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин. Сформировавшиеся в течение последующих лет взгляды Шишков изложил в опубликованном в 1803 г. «Рассуждении о старом и новом слоге Российского языка».

Основные предпосылки «Рассуждения» Шишкова не могут вызвать никаких возражений. Он отметил, как отмечали до него другие переводчики и лексикографы, что разноязычные слова, которые считаются эквивалентами, на самом деле не всегда имеют одинаковые значения. Шишков назвал объем значений слова «кругом знаменования» и доказал, что эти круги для разноязычных слов совпадают лишь частично. Неадекватными являются и лексические системы языков в целом. «Состав одного языка не сходствует с составом другого,— пишет Шишков,— каждый народ имеет свой состав речей и свое сцепление понятий» [2]. Однако дальнейшее развитие идеи о неидентичности отражения языками картины мира повело автора по неверному пути, натолкнуло на неожиданные и странные выводы.

Если круг знаменования иностранного слова не равен кругу знаменования русского слова, рассуждает Шишков, то заимствование слов в принципе невозможно и для языка крайне вредно. В дальнейшем Шишков станет яростным гонителем заимствованных слов. Он пишет в «Рассуждении»: «Вместо изображения мыслей своих по принятым издревле правилам и понятиям... изображаем их по правилам и понятиям чуждого народа, вместо обогащения языка своего новыми красотами ... растлеваем его не свойственными ему чуждыми речами и выражениями».

Чтобы не «растлевать» русский язык заимствованиями, Шишков предлагал заменить все заимствованные слова новыми, составленными из русских корней. Говоря о Шишкове, припоминают обычно пример с *мокроступами*; подобных искусственных слов в начале XIX в. было немало: *ветродуй* вместо *вентилятор, далекозор* вместо *телескоп*, *всеградник* вместо *космополит* и т. д.

Если бы славянофильство Шишкова не носило столь настойчивого характера и в его трудах было бы меньше фантазий, современники охотно признали бы его достоинства. Пушкин писал в 1824 г.: «Один в толпе он русских муз любил, Их, незамеченных, созвав, соединил» [3]. Тот же Пушкин в письме 1837 г. упоминает Шишкова, «который набил Академию попами» и не хочет видеть нелепостей в своих «корнях» [4]. Ученые-славяноведы писали впоследствии, что Шишков «этимолог с редкой энергией и трудолюбием», и в то же время «любитель славянства, но без сколько-нибудь ясного представления о нем» [5].

Но вернемся в 1795 г., когда морской офицер, находящийся в расцвете сил и имеющий склонность к филологическим занятиям, обратился к составлению морского словаря. Полное его название было: «Треязычный морской словарь на Английском, Французском и Российском языках в трех частях. Собрал и объяснил Флота Капитан Александр Шишков». Внешний вид словаря соответствовал обстоятельному и неспешному веку — формат его довольно велик, бумага плотная, шрифт крупный и красивого начертания, поля большие. Такому словарю пристойно было лежать на респектабельном письменном столе в соседстве с другими фолиантами и бронзовой чернильницей. Это в торопливом XX в. словари стали носить в кармане, листать на ходу, возить в чемодане вместе со сменой белья и бритвенным прибором; словари уменьшились в размерах, уплотнили до предела полезную площадь, избавились от «ненужных» украшений. А первый морской словарь был книгой солидной, вызывающей уважение одним своим видом.

Словарь имел посвящение; в XVIII и XIX вв. было принято отдавать свой труд под покровительство известного и выдающегося человека, печатая на первой странице обращение к нему. Шишков посвятил свой словарь большому другу вице-адмиралу Н. С. Мордвинову, в будущем морскому министру и члену Государственного совета. По словам Аксакова, «никого так не любил и не уважал Шишков, как Н. С. Мордвинова», это были на суше и на море испытанные друзья.

Словарь начинается с «Предуведомления», где изложены лексикографические взгляды автора. Уже в этом первом филологическом сочинении Шишкова видно, что автор тяготеет к теоретическим размышлениям и созданию собственных оригинальных концепций. Нельзя отрицать, что он основательно продумал свой труд, нельзя ничего

возразить и против его концепции научно-технического переводного словаря, не имевшего до сих пор аналогов.

Размышляя над путями образования морских офицеров, Шишков говорит, что первоначальные знания они приобретают в морском училище, а затем расширяют свой кругозор чтением книг. Но недостаточно знать один родной язык и читать книги на русском языке. Сочинений русских авторов слишком мало, а переводы в большинстве случаев слабы. Зная же иностранную морскую терминологию, офицер сможет читать иностранные труды в оригинале.

Помимо изучения оригинальной литературы существует другая немаловажная сфера, где морской словарь совершенно необходим. Это сфера деловых контактов с иностранными флотами, так как, по словам Шишкова, «часто случается их офицерам быть в нашей службе, а нашим ходить на их судах».

Морской словарь найдет применение и в области художественного перевода. Хороший писатель и переводчик, пишет Шишков, не может перевести нужной ему книги из-за того, что морской язык ему неизвестен. Нет, например, перевода книги путешествий английского мореплавателя Кука и многих других. При переводах подобных книг случается, что переводчик «наставит множество не свойственных нашему морскому языку речей и выражений».

По мнению автора, главными читателями словаря будут морские офицеры, но нужно иметь в виду и более широкий крут читателей, «всех прочего звания людей».

Таким образом, первый раздел предисловия был посвящен целям словаря, сферам его применения, читательской аудитории. Нет нужды говорить, что для словарного дела освещение этих вопросов в применении к научно-техническим словарям было очень важным.

Далее автор излагает свою точку зрения на содержание словаря. Содержание определяется теми разделами морского дела, откуда берется терминология. Очевидно, что лексикограф должен заранее наметить план работы и последовательно подбирать термины по разделам. Указав в предисловии эти разделы, т. е. тематику словаря, автор дает читателю первичную информацию о содержании словаря. Шишков остановился на проблеме тематики подробно, понимая всю важность данного этапа лексикографической работы. Нам лучше всего привести цитату

из «Предуведомления», потому что она хоть и несколько длинна, зато выразительно характеризует заботу автора о моряках, живописует возможные несчастья, которые им грозят при недостатке знаний: «Без морской тактики слабый неприятель его победит; без навигацких наук и астрономии не может он быть уверен о безопасности своего пути; без знания грузить, вооружать и снастить корабли, основанного на механических правилах, свирепые ветры поломают у него мачты и разбросают весь флот его по мелям; без практики корабль не будет ему повиноваться; без лоции не осмелится он приблизиться к берегам; без теории строения кораблей худо будет он рассуждать о их качествах и о том, где какое судно с лучшею пользой употреблено быть может; без понятия о плотничьем составе всех членов корабля невозможно ему знать о его твердости и долговременном пребывании; без разных сведений, каким образом спускаются канаты, составляются мачты, куются якори, шьются паруса, делаются блоки, томбуи, весла, болты, баканы, вехи и множество других разного рода вещей, неудобно ему пещись о исправном снабдении флота всеми нужными припасами со снарядами».

Безусловно, разделы подобраны отлично: морской словарь, как следует из сказанного, должен содержать тактические, навигационные, астрономические, кораблестроительные термины, термины практического мореходства, механики, плотничьего дела, несения службы на корабле.

Еще один принципиальный вопрос занимает автора: что включить в переводную часть словарной статьи, ограничиться ли одним соответствием или разъяснить читателю терминологическое понятие. Этот сложный вопрос возник вместе с научно-техническими словарями, решается он по сей день по-разному и не всегда правильно, и большая заслуга автора первого словаря, что он данный вопрос поставил и сразу высказал по нему твердую точку зрения.

Точка зрения Шишкова такова, что словарь предназначен главным образом для морских офицеров, которым морская терминология известна, следовательно, объяснять термины нет нужды, за исключением тех, которым в русском языке нет соответствия. Объяснение терминов, как полагает Шишков, входит в задачу других словарей и морской энциклопедии. Все сказано ясно и убедительно, особенно импонирует современному лексикографу ука-

зание на связь функционального и читательского назначения с содержанием статьи. Это весьма существенное наблюдение, и мы повторим его словами автора: «...ибо подробное каждому слову объяснение и описание принадлежит до другого рода словарей или паче морской энциклопедии». Такой, можно утверждать, типологический подход к словарям ставил практику лексикографии на теоретическую основу.

Мы видим уже второе предисловие к словарю (первое было написано Поликарповым-Орловым), содержащее теоретическое обоснование работы автора. В сущности, предисловие Шишкова было одним из первых трудов по лексикографии. В области лексикографии и в дальнейшем наблюдалась тенденция сопровождать словари нового типа теоретической статьей.

«Треязычный морской словарь» состоит из трех частей: «Перевода Английских морских слов и речей на Российский язык», «Перевода Французских морских слов и речей на Российский язык» и «Перевода Российских морских слов на Английский и Французский языки». Таким образом, в словарь входят два двуязычных и один треязычный список слов. По объему части неодинаковы: англо-русский словарь включает около 2500 слов и словосочетаний, французско-русский — около 4000, русско-англо-французский — около 1000. Отсюда видно, что автор не давал «перевернутых» словарей (иначе объем всех трех частей был бы одинаковым), а внимательно изучал терминолексику каждого языка.

Наиболее важная часть словника — морские термины (кроме них в словаре есть термины смежных дисциплин). Сюда входят наименования типов парусных судов, видов парусного вооружения, рангоута, понятий корабельного хозяйства, несения службы на судне. Термины подобраны с большой тщательностью. Шишков не ограничился одними наименованиями, хотя одно это сослужило бы службу русскому флоту и словарному делу, но занялся и словосочетаниями. «Перевод морских слов и речей» — называет он разделы («речь» в старинном понимании — предложение или несколько слов, объединенных смыслом). Мы уже имели случай наблюдать на примерах лексиконов Якова Брюса и Поликарпова-Орлова, что филологи и специалисты-нефилологи по-разному составляют словник. Первые обращают большое внимание на сочетаемость слов и стараются собрать побольше словосочетаний; вторые интересуются главным образом наименованиями ве-

щей, им не столь важно, какие связи с другими словами имеют наименования в речи. В лице Шишкова выступал одновременно и специалист морского дела, и филолог (в этом смысле переводной лексикографии повезло), благодаря чему первый научно-технический словарь показал блестящий пример разработки сочетаемости терминов.

Попробуем вспомнить, например, с какими глаголами может выступать существительное *якорь*. Любой человек, не-моряк, сразу же подберет несколько словосочетаний: *стоять на якоре, отдать якорь, сняться с якоря* и т. д. Для лексикографа, увлеченного своим делом, собирательство и отыскание иноязычных эквивалентов для таких словосочетаний представляет огромный интерес и даже доставляет эстетическое удовольствие. Это увлекательная творческая работа. У Шишкова в англо-русском словаре статья anchor включает 24 словосочетания. Мы дадим ее целиком:

Anchor Сущ.— *Якорь*

To cast anchor, or to come to an anchor, or to anchor — *Лечь или стать на якорь*

To ride at anchor — *Лежать или стоять на якоре*

Anchoring place or ground — *Якорное место*

Let go the anchor — *Отдай якорь!*

The anchor is a cock-bill — *Якорь на кране, сиречь готов для отдания*

The anchor drags, or comes home — *Якорь не держит, с якоря тащит, корабль дрейфует*

Foul anchor — *Якорь не чист*

The anchor is a peek *См.* Apeek

To back an anchor — *Впереди большого якоря положить верп или малый якорь, привязав оный на кабельтов к большому якорю, дабы сей последний имел вящшую силу в держании корабля*

To cat the anchor — *Взять якорь на кат*

To fish the anchor — *Взять якорь на фиш, или заложить фиштали*

To sheer the ship to her anchor — *Править по канату*

To weigh the anchor — *Поднимать якорь*

Flood anchor — *Якорь, положенный в той стороне, откуда бывает прилив моря*

Ebb anchor — *Якорь, положенный в той стороне, откуда бывает отлив моря*

The fea anchor, or that with lies towards the offing — *Якорь, положенный к морю или к открытому месту*

The shore anchor — *Якорь, положенный к берегу*

The sheet anchor — *Бухт*

The best bower anchor — *Плехт*

The swall bower anchor — *Дагликс*

The spare anchor — *Запасный якорь, или то, что у нас той*

The stream-anchor — *Стоп-анкер или большой верп*

The kedge anchor — *Малый верп*

Anchoring — *Якорная стоянка*

Разумеется, такая статья имеет высокую ценность для переводчика. Можно, пожалуй, поставить в упрек автору, что словосочетания не сгруппированы по тем или иным признакам, чередуются без учета алфавита или входящих в состав словосочетаний частей речи, что затрудняет поиск нужного сочетания. Но разработка структуры статьи — дело будущего.

Для научно-технического словаря системность имеет еще большее значение, чем для всех других. В настоящее время существует мнение, что отличие терминолексики от лексики общелитературной именно в системной организации. Система общеязыковой лексики и система терминологическая не совсем схожи между собой. В системе общеязыковой лексики есть отношения полисемии, омонимии и синонимии, что является достоинством системы, признаком богатства, своеобразия, красоты языка. В терминологических системах, напротив, каждое наименование должно иметь четко фиксированное содержание. Термин закреплен за понятием, занимает определенное место в системе и имеет смысл только как член системы. Он не может употребляться в переносном значении, не зависит от контекста, от интонации говорящего, как нетерминологическая единица. Конечно, так должно быть в идеале, на практике мы встречаемся и с терминологическими дублетами (например, *страны света* и *стороны горизонта*), и с многозначностью (например, *бассейн* определяется как *котловина, заполненная водой*, как *вогнутая структура земной коры* и как *область залегания полезных ископаемых*), но эти явления противоречат назначению термина.

Отсюда ясно, что к системности научно-технического словаря предъявляются особые требования. Весь словник должен представлять собой совокупность больших и малых подсистем терминов. Несоблюдение этого принципа ведет к ненадежности, недостаточной информативности словаря. Задача автора — выявить подсистемы и добиться системной полноты словника.

Легко убедиться, что словник «Треязычного морского словаря» в целом отвечает этим требованиям. Мы можем взять любой раздел, англо-русский, французско-русский или русско-англо-французский списки, и везде найдем логико-предметные и ассоциативные взаимосвязи терминов. Статья Block включает 11 разновидностей блоков (одношкивный, двушкивный и т. д.), т. е. представляет собой детально разработанную систему. Так же даны

типы мачт (*фок-мачта, грот-мачта* и т. п.), названия парусов (*кливер*, *бом-кливер* и т. д.). Хорошо выверены антонимичные пары терминов — *прилив* и *отлив*, *юг* и *север, штиль* и *шторм, циклон* и *антициклон* и т. д.

Правда, у Шишкова можно заметить одну особенность: он, если так можно выразиться, «любит» конкретные вещи и обходит абстрактные понятия. В словнике, разумеется, присутствуют названия конкретных навигационных приборов: *астролябия*, *компас*, *лот*, *лаг*. Есть даже некоторые детали приборов: magnetical-needle *магнитная стрелка* или gimbals *медные кольца*, *в которые компас ставится*. Но обобщающего термина нет.

Скорее всего, Шишков не формулировал специально вопрос системности терминов. Ведь о ней не говорится ни слова в предисловии, а в нем подробно изложена концепция автора. Но системность настолько присуща терминологии, что словник сам собою приобретает это качество, когда автор хорошо знает свой предмет.

Другая проблема формирования словника — включение смежных терминов. Любая научная и техническая дисциплина соседствует с другими и пользуется смежной терминологией. Для морского дела смежными являются астрономия, математика, физика, метеорология, океанография, военное дело, торговля. Лексикограф по-разному может взглянуть на смежную терминологию, он может дать ее в большом количестве, а может ограничиться необходимым минимумом. У Шишкова была совершенно определенная позиция: смежных терминов должно быть немного.

Действительно, из основных астрономических терминов в русско-англо-французском списке отсутствует само наименование науки (*астрономия*), названия небесных тел (*Солнце*, *Земля*, *Луна*, *звезда*, *созвездие*, *планета*), нет терминов *азимут*, *координаты* и других. Автор включил лишь те понятия, которыми пользовался мореплаватель при определении положения судна в море: *астролябия*, *квадрант*, *счисление*, *долгота*, *широта*. Заметим, что при этом нарушена системная связь, так как не дан родовой термин *координаты*, а только видовые *широта* и *долгота*. Автор предпочитал нарушить системность, но не перегружать словник смежными терминами. Из метеорологических терминов не даны *атмосфера, воздух, погода, климат, осадки*. Отобраны термины, обозначающие степень волнения моря: *буря, штиль, шторм, шквал*. Из области военных наук использованы некоторые обо-

значения боевого построения кораблей — *строй, ордер, конвой.*

Таким образом, автор отвергал общие, отвлеченные понятия смежных дисциплин и отбирал наиболее конкретные, связанные с морской практикой. С ним нельзя не согласиться. Шишков избежал расплывчатости и ненужного увеличения объема, его словник обладает четкими очертаниями и направленностью.

В отношении переводной части можно сказать также немало положительного. Для перевода морских терминов с одного языка на другой (а словарь дает четыре пары языков — англо-русский, французско-русский, русско-английский, русско-французский) было первое и основное условие — знание специальности и знание иностранных языков. Помимо этого присутствовало и понимание чисто лексикографических проблем, как мы выяснили это из рассмотрения словника.

В описываемый период лексикографы уже имели представление о сложности сопоставления разноязычных единиц для словарей общелитературной лексики; оказалось, что в терминологии также возможны безэквивалентность, неполное совпадение объема значений и т. п. О трудностях истолкования и перевода терминов Шишков пишет в предисловии, а материал словаря показывает нам, как преодолевались эти трудности.

Там, где английский или французский термин имел полноценный эквивалент, статья содержала минимальное число компонентов — иноязычный термин, грамматическое пояснение, русский эквивалент: Pulling Сущ.— *Гребля*; Ebb Сущ. — *Отлив*; Swell Сущ. — *Зыбь*. При наличии дублетов, т. е. русского и заимствованного терминов, Шишков давал оба: North Сущ.— *Норд, север, полночь.*

Что бы ни думал автор о заимствованных терминах, он не брал на себя смелость сражаться с ними. Более того, он вынужден будет сказать позже в «Рассуждении о старом и новом слоге», что для технических названий нужно делать исключение, если им не отыскиваются русские названия и слух привыкнет к ним. И в словаре заимствованные термины с полным правом занимают свое место. Среди них такие, как *камбуз*, *лоцман*, *понтон*, *риф*, *квадрант, каюта, кливер, рандеву, квартермейстер, клерк* и т. д.

Морская терминология формировалась в России под влиянием западноевропейских языков. При Петре I мно-

го прямых заимствований вошло в язык из голландского: *гавань, боцман, лоцман, штурман, кильватер, верфь, компас, трюм, шкипер, штурвал, буксир, матрос.* Затем начался приток английских и французских терминов. Французский язык дал много военных слов: *авангард, атака, канонада, десант, маневры.* Из английского пришли термины *аврал, яхта, трал, траулер, мичман, танкер, катер.* Великобритания, «владычица морей», имела наиболее развитую и совершенную морскую терминологию, поэтому закономерно, что английский язык послужил основой для создания многих морских терминов в других странах (как французский — для создания авиационных терминов, итальянский — для музыкальных). Кроме того, в морском деле используется много слов интернационального характера, возникших на базе латинского и греческого языков: *барометр, барограф, изобара, атмосфера, бомба, координаты, док, навигация, полюс, квадрант, сигнал.*

В течение всего XVIII в. периодически возникали гонения на иноземные слова и делались попытки заменить их русскими семантическими кальками (т. е. буквальным воспроизведением значений слов). Поэтому большинство научно-технических понятий имело по два-три, а иногда по десять-двенадцать обозначений. Например, дублетные термины *астрономия, звездозаконие* и *звездное художество, наблюдение* и *обсервация, поль, полюс* и *оборот* (точка, вокруг которой обращаются небесные сферы), *экватор* и *равнитель, север* и *полночь* зарегистрированы Славинецким, Поликарповым, Брюсом, Ломоносовым [6]. Но русские замены были непрочными и в конце концов вышли из употребления.

В русском языке с давних пор существовала своя морская терминология, которой пользовались поморы, новгородцы и архангелогородцы. Мы до сих пор помним некоторые поморские термины — *полуношник* (северо-восточный ветер), *обедник* (юго-восточный ветер), *шалоник* (юго-западный ветер), *моряна* (ветер, дующий с моря). Областная лексика была также одним из источников пополнения терминологии. В общий обиход ее вводили обычно участники морских или картографических экспедиций, общавшиеся с местным населением. Из областной лексики в общелитературную вошли, например, *залив, губа, торос, пурга.*

Русские лексикографы задумывались над ролью областной лексики, в том числе и старинных терминов. Их

ясная и четкая позиция в отношении областной лексики выражена в «Словаре Академии Российской», подготовленном в 1789—1794 гг. и впервые собравшем и истолковавшем русские слова. Среди членов Российской Академии были в то время писатели Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин. Согласно изложенной в предисловии концепции, в Словарь не следовало помещать областные слова «кроме тех, которые своею ясностью, силою, краткостью могут служить к обогащению языка, или означают тех стран произведения, или, наконец, могут послужить к замене слов иностранных». Другими словами, составители Словаря признавали ценность для русского языка тех областных слов, которые обозначали локально ограниченные понятия типа *торос* или *пурга* («тех стран произведения») или могли заменить иностранные слова.

По имеющимся подсчетам, специальная лексика, в том числе термины, составляла в Словаре до 7 % [7]. Сначала было решено дать в Словарь больше терминов, но их оказалось так много и они вносили такую стихию иноземной речи, что их количество было сокращено. По решению Академического собрания иностранные термины в Словарь не включались (против них особенно возражал Д. И. Фонвизин). «Народные» же названия были частью языковых богатств, и составители Словаря хотели сохранить их. В Словарь вошли старинные названия орудий труда, лексика ткачества, металлообработки, деревообработки, строительного и книгопечатного дела, морского промысла. Из последних отметим: ВОДОХОД. *Мореплаватель, судовщик, управляющий судном на реках и море*; ЛАДЕЙНИК. *Ратник, воин на судах*; МОРЕХОДЕЦ. *Тот, кто знает науку мореплавания*; МОРЯНА. *В просторечии называется ветр, с моря дующий*; КОКОРА. *Бревно, употребляемое для связи боков и дна в барках и стругах*; ГИК. *Речение у мореходцев известное. Так называется жидкая с густою смешенная смола, каковою смолят суда.*

Идеи составителей «Словаря Академии Российской» находили, конечно, отклик в душе Шишкова, но использовать их в своем словаре он не мог. Практически старинных русских терминов в «Треязычном морском словаре» нет, лишь отдельные вкрапления напоминают о русском мореходстве: *полночь* (в значении *север*), *рыбины* (часть конструкции судна), *лопарь* (веревка). Очевидно, Шишков понимал, что назначение и читательский

адрес морского словаря исключают присутствие старинной терминологии. Морские офицеры изучали флотоводство по европейскому образцу и не пользовались ею, язык морской литературы был далек от народного языка. Формирование русской морской терминологии пошло по пути интернационализации, как это случилось и в других западноевропейских языках.

Но вернемся к средствам словарного перевода в словаре Шишкова. В тех случаях, когда английскому или французскому термину не отыскивалось в русском языке соответствия, потому что исходный термин обозначал новое или свойственное лишь иностранным флотам понятие, Шишков, как и его предшественники по словарной работе, использовал разнообразные приемы. Довольно часто имеет место трансфонация с описательным переводом: Junks Сущ.— *Жонки, китайские суда*; Bar Сущ. — *бар, мелководное место при устье реки или перед гаванью.* Иногда краткого описания недостаточно, и автор дает развернутые объяснения, примеры и сравнения: Midshipman Сущ.— *Мичман.* Примеч. *В Англии мичманы не имеют офицерских чинов и потому не могут то самое значить, что у нас Мичман, но ближе, что у нас Гардемарин.* Bearing Прич. дейст. (от глагола to bear *лежать на румбе*).— *Сие слово на Английском языке значит*: 1-е, *положение двух мест одного в разсуждении другого, и в таком случае может называться румбом или пеленгом, как в примере* we saw a fleet at day-break bearing three points on the starboard bow *мы на разсвете дня увидели флот, лежащий от нас на третьем румбе, щитая в правую сторону от нашего курса.*

Возможны развернутые объяснения этимологического характера, т. е. сведения о происхождении слова: Gantelope Сущ. (*произносится* gantlet) *происходит от Шведского* gat-lopp, *будучи сложено из слов* gata *улица и* loppa *бегать.— Наказание, делающееся иногда за великие преступления и состоящее в том, чтобы преступника гонять сквозь строй на корабле.*

Против этимологического комментария в этой статье возразить нельзя, но вот само понятие и его описание у Шишкова вызывают мысли, связанные не только с лексикографией. Жестокое наказание, существовавшее в армии и на флоте крепостнической России (а также в иностранных флотах — ведь исходный термин английский) и называемое «прогнать сквозь строй», попало и в морской словарь. Как относился морской офицер Шиш-

ков к варварскому наказанию? Может быть, он ощущал некоторый стыд и стеснение за существовавшие порядки, что выразилось в подтексте его описания (сквозь строй гоняют только «иногда» и только «за великие преступления»)?

Шишков не был по натуре крепостником. Он жил на жалованье, и когда император Павел I подарил ему триста душ крепостных крестьян, он поначалу даже не брал с них оброка (что, впрочем, могло объясняться не убеждениями, а чудаковатостью). Можно упомянуть и позицию Шишкова при суде над декабристами, поднявшимися против самодержавия и крепостничества. Как и Н. С. Мордвинов, Шишков был членом Верховного суда. Мордвинов отказался подписать смертный приговор декабристам, но выступил с предложением образовать из сосланных в Сибирь высокообразованных людей особую Академию, чтобы они своими знаниями в естественных науках послужили процветанию далекого края. Конечно, такое предложение не могло понравиться Николаю I. Шишков же высказал особое мнение по приговору суда, так как считал, что участь людей должна решаться не по произволу, а на основании закона.

В связи с термином, обозначающим телесное наказание для матросов, мы затронем вопрос, который на первый взгляд может показаться неправомерным: отражает ли технический словарь идеологию господствующего класса? Энциклопедические словари с помощью отбора материала и толкования фактов, безусловно, отражают. Терминологические словари по философии, экономике, педагогике и другим общественно-научным и общественно-политическим дисциплинам также не могут быть свободными от идеологии общества. Но технические словари? Казалось бы, технические термины не связаны ни с какими общественно-политическими идеями. Однако и среди технических терминов встречаются наименования, которые обозначают типичные для данного общественного строя понятия. Встретив у Шишкова термин для обозначения одной из «воспитательных» мер феодальной России, мы сразу вспомнили о крепостничестве, и словарь приобрел в наших глазах новую окрашенность *.

---

* Даже чисто технические понятия могут иметь словесные обозначения с ярко выраженной идейной тенденцией. Например, во время второй мировой войны в фашистской Германии были созданы ракеты дальнего радиуса действия. Они известны под названием Фау-2 (V-2). Это буквенное обозначение расшифро-

Мы уже обратили внимание, что словарная статья у Шишкова необыкновенно разрослась. Многословные рассуждения, непривычные для нас, людей, пользующихся современными лаконичными словарями, были присущи не одному Шишкову. Составители терминологических словарей второй половины XVIII в. и начала XIX в. также были очень пространны[8]. Шишков стремится поделиться с читателем всеми своими знаниями, и на самом деле глубокими и основательными, растолковать все особенности значения и употребления термина. Приведем еще одну статью:

Bottom Сущ.— *Значит подводную часть корабля, також и дно морское. В первом случае говорится*: a clear or a foul bottom, *то есть чистое или нечистое дно у корабля от приставания к нему травы, ракушек и прочего. Также* a British, French or Dutch bottom *подводная часть по образу Английского, Французского или Голландского строения. Во втором случае говорится*: a rocky, fandy or oozy bottom, *каменистое, песчаное, илистое дно, или*: *грунт камень, песок, ил.*

Мы очень хорошо можем понять и оправдать многословие и обстоятельность авторов. Они овладевали словарным переводом терминов. Брюс первый вступил в эту область, но он только примерился, попробовал себя в работе с терминами. Теперь же началась настоящая закладка фундамента для переводческой и терминологической работы. Лексикографов захлестнул океан новых терминов, которые нужно было объяснить русскому читателю, растолковать, откуда пришел иноземный термин, подобрать русские эквиваленты, стараясь по возможности соблюсти чистоту русского языка, хотя эти старания приводили часто к обратному результату, к созданию словоуродов. Неудивительно, что словарная статья превращалась в целый трактат. Пройдет время, и она войдет в узкие берега, найдутся лаконичные и экономные средства сообщения нужной информации.

Шишков со своим «Треязычным морским словарем» стоял у истоков терминологической работы в России. Его заслуга состоит в том, что он первым зарегистрировал морскую терминологию, проанализировал значение многих морских терминов (давая описательный перевод или

зывается как Vergeltungswaffe, т. е. *оружие возмездия*. Так идеологи фашизма подчеркивали, что новое оружие предназначается для «расплаты» с Великобританией за бомбардировки немецких городов.

сравнивая русский и иноязычный термин), занимался упорядочением терминологии, выбирая лучшие, на его взгляд, термины из существующих в то время.

Вот такой большой и сложный комплекс проблем поднял первый научно-технический переводной словарь. В истории лексикографии он остался как значительная веха. Сделанное Шишковым не было забыто, как это случилось со многими предыдущими лексикографическими трудами. Высоко оценили словарь современники и лексикографы XIX в., с уважением относятся к словарю лексикографы XX в.

«Треязычный морской словарь» был встречен современниками как большое событие, и его появление вызвало общественный резонанс. Отмечались выдающиеся познания автора в науках и в русском языке, точность в терминологической работе. Много лестного в адрес А. С. Шишкова было написано председателем Ученого комитета Морского министерства Л. И. Голенищевым-Кутузовым, который особо отмечал преданность А. С. Шишкова русскому флоту. Голенищев-Кутузов писал, что А. С. Шишков, несмотря на большую занятость государственными делами, настолько заботился об успехах России на море, что не жалел свободного времени для сочинений, нужных флоту[9]. А. Бутаков, автор вышедшего в 1837 г. англо-французско-русского морского словаря, называет Шишкова знаменитым, выражая общепринятое отношение к первому из авторов морских словарей. Современные литераторы нет-нет да и вспомнят переводческие идеи Шишкова, его правильные наблюдения над языком[10].

Терминологические словари, в том числе и переводные, не могут быть долговечными. Терминология представляет собой очень подвижный пласт, она устаревает и обновляется очень быстро. Уходят из жизни предметы и явления, а вместе с ними и их наименования. «Морской словарь» Шишкова был составлен в период расцвета парусного флота, на смену которому пришли паровые суда (в России первое паровое судно начало курсировать между Петербургом и Кронштадтом в 1815 г.). В морской терминологии главную роль стали играть термины, связанные не с парусом, а с паром. Но терминология парусного флота не исчезла, не сошла совсем со сцены — ведь и по сей день парусные суда существуют как спортивные, учебные, научно-исследовательские. Они служат учебными базами высших мореходных училищ, соверша-

ют кругосветные путешествия, и современные моряки тоже умеют «лазать по реям», «ставить и убирать паруса».

Авторитет словаря Шишкова как первого сборника морской терминологии был необычайно велик, и к нему обращались все новые и новые поколения лексикографов. Словарь нередко упоминался в научных статьях «Морского сборника», специального журнала, начавшего выходить с 1848 г. Журнал очень внимательно относился к морским словарям, публиковал отдельные словарные материалы, рецензировал выходящие словари. В журнальных статьях постоянно поднимались терминологические проблемы, потому что пришло понимание того, что без терминологической работы нельзя ни писать историю флота, ни создавать морскую литературу, ни изучать опыт иностранных флотов. «Треязычный морской словарь» был объектом изучения и сравнения, т. е. вошел в научный оборот.

После того как «Треязычный морской словарь» утратил свою практическую ценность, он навсегда вошел в справочный фонд морской литературы. Если писатель, историк, филолог захочет написать роман, повесть, научное исследование, имеющее отношение к русскому флоту или морской терминологии, он неизбежно обратится к словарю Шишкова. Пример тому — изданный в 1974 г. Воениздатом «Орфографический морской словарь», где среди источников на первое место поставлен «Треязычный морской словарь» флота капитана А. С. Шишкова.

Мы закончим наш очерк, процитировав несколько строчек из «Советского энциклопедического словаря», которые посвящены в нем Шишкову: «Шишков Александр Семенович (1754—1841), русский писатель, государственный деятель, адмирал. Глава литературного общества „Беседа любителей русского слова". С 1813 г. президент Российской Академии. Реакционер. В литературе поборник высокого гражданского стиля, архаист». Нам кажется, здесь не хватает еще нескольких слов: автор «Треязычного морского словаря».

Глава 5

Ф. РЕЙФ — АВТОР И ИЗДАТЕЛЬ МНОГОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ

Филипп Рейф принадлежит к числу забытых лексикографов, а между тем, он был очень популярным автором самых многочисленных словарей XIX в. В любом доме можно было найти словарь Рейфа. Вот опись яснополянской библиотеки Л. Н. Толстого — в ней за № 2588 числится Рейф [1]. Конечно, усадьба Толстого не «любой» дом, но его дети учились иностранным языкам по тем же словарям, что и все.

Словарь Рейфа был в домашней библиотеке семьи Ульяновых. Именно этот словарь В. И. Ленин просил переслать ему для работы в ссылке. В 1899 г. он писал М. А. Ульяновой: «Я хочу основательно взяться за немецкий. Теперь еще попрошу прислать мне русско-немецкий словарь, один из тех, что у нас есть, или Ленстрема или лучше Рейфа с русского на 3 европейских языка» [2]. И через некоторое время Ленин снова пишет о Рейфе: «Теперь буду ждать еще словаря с русского на немецкий (у нас было два, помнится: Ленстрема и Рейфа,— старый словарь с русского. Лучше бы, пожалуй, последний, хотя и первый ничего)...» [3]. В приведенных словах содержится определенная положительная оценка словаря Рейфа (он полезен при основательных занятиях языком), однако с некоторыми оговорками («старый словарь», «лучше бы, пожалуй»).

Чтобы популярный словарь утратил свое значение и выпал из людской памяти — для этого были основания. Словарь устарел — и не потому, что в русском языке появились новые слова, а потому, что изменились переводческие и лексикографические принципы. Однако новые идеи возникли не на пустом месте, для их создания нужно было пройти большой путь. Одним из этапов на этом пути была многоязычная лексикография Рейфа. Лексикографы могли воспользоваться опытом Рейфа, как положительным, так и отрицательным.

Филипп Иванович Рейф (1792—1872) родился в Швейцарии. В Россию он приехал в качестве домашнего учителя и быстро изучил русский язык. В скором времени он сумел завоевать расположение и обеспечить себе поддержку некоторых русских литераторов и филоло-

гов — Н. И. Греча, автора русской грамматики и истории русской литературы, Я. К. Грота, выдающегося лингвиста, П. А. Плетнева, критика, поэта, профессора русской словесности. Уже в 1824 г. Рейф издал «Грамматику русскую для употребления иностранцев». Это были извлечения из грамматики Греча, переведенные на французский язык (грамматика Греча вышла позже, в 1827 г.). Н. И. Греч был в большой дружбе с Рейфом, руководил его работой над грамматикой, рекомендовал его как «старинного искреннего приятеля, с которым мы дружны как грамматика с лексиконом»[4]. О том, что грамматика Рейфа составлена была на хорошем уровне, есть мнение П. А. Плетнева[5].

В лице Рейфа мы встречаемся с новым для нас характером. Это не ученый-филолог, как Славинецкий или Поликарпов, не государственный деятель, как Брюс или Шишков. Для этих предшественников Рейфа словари не были средством достижения известности или богатства. Лексикографией они занимались наряду с другими делами, кроме них некому было составлять столь необходимые лексиконы. А Рейф вышел из безвестности и только благодаря словарям составил себе имя и стал богатым человеком. В словарном деле он нашел и любимое занятие, и путь к успеху.

Филологические занятия Рейфа отвечали духу времени. Языкознание становилось на научную основу, формировались приемы исследования языка, получившие название сравнительно-исторического метода. Особый интерес вызывали вопросы родства языков, их классификации и происхождения. В центре внимания была этимология, как тогда называлась наука о формах слова, словообразовании, звуковом составе языка (этимология в современном понимании — раздел языкознания, занимающийся изучением первоначальной словообразовательной структуры слова). Этимология XVIII—XIX вв. открыла людям, что слова бывают корневые (их называли «первообразные»), производные и сложные, что слова происходят одно от другого, находятся в родстве друг с другом, обнаружить которое не всегда просто.

В изучение этимологии были вовлечены люди разных профессий, интересующиеся языком. Появилось множество любителей, которым хотелось отыскивать первообразные слова и устанавливать родственные связи слов. Такое широкое увлечение языковыми проблемами не могло быть плодотворным, так как целеустремленное исследование

силами ученых нарушалось, запутывалось дилетантами-филологами*. Своими дилетантскими этимологическими изысканиями «прославился» среди современников и потомков президент Академии А. С. Шишков, который имел власть и мог продвигать свои ошибочные утверждения. Шишков производил, например, *бритву* от *брать* (потому что она «берет»), *война* от *вою* (потому что во время сражений стоит крик и вой) и т. п. Потребовались усилия многих ученых, чтобы очистить языкознание от всевозможных домыслов. Помогли труды А. Х. Востокова, члена Российской Академии, а после 1841 г.— члена Отделения русского языка и словесности при Академии наук, который историческими и логическими доказательствами старался пресечь «всякие произвольные и неосновательные словопроизведения, каких у нас немало выкидывали в свет самоумая ученость или всеугадывающая полуученость» [6].

Этимологические словари объединяли слова в группы по их родству, указывали на общность происхождения слов разных языков. Собранный в них материал не всегда был достоверным. Рейф с его знанием французского, немецкого, английского и русского языков и любовью к лексикографическим изысканиям смог оказаться полезным в этом деле. Фундаментом для его работы могли послужить этимологические словари Ф. Гельтергофа [7] и Словарь Академии Российской. Словарь Рейфа (пока еще не тот, которым пользовались Толстой и Ленин) вышел в

---

* Внезапно вспыхивающий интерес к тому или иному разделу филологии наблюдается не так уж редко. Например, чрезвычайно привлекательными для дилетантских изысканий оказались с некоторых пор «Слово о полку Игореве» и другие литературные памятники. Неподготовленные любители старины предпринимают попытки истолковать «темные места», т. е. непонятные слова, словосочетания, фразы, причем из-за незнания специальной литературы они нередко берутся за расшифровку давно выясненных отрывков текста или дают толкования, предложенные кем-либо раньше и давно опровергнутые. Любительские изыскания — не такое уж безобидное занятие, хотя любители большей частью бескорыстны и искренне верят, что делают полезное дело. Они наносят вред тем, что стараются выступить со своими выводами перед общественностью, а это чревато распространением якобы сенсационных, а на самом деле ложных представлений о древнерусской литературе. Дилетанты отвлекают внимание ученых, которые вынуждены опровергать их идеи. Планомерная научная работа терпит ущерб, так как серьезные общие проблемы сужаются до частностей, попавших в поле зрения любителей; по той же причине страдает правильное художественное восприятие литературных памятников читателями.

Петербурге в 1835—1836 гг. под названием «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка». Интересно, что самостоятельная задача, какой было происхождение слов, не выделялась Рейфом и другими авторами как основная, а объединялась с традиционной задачей перевода слов. Этимологические материалы давались как дополнительные в переводном словаре. Чтобы выделить этимологические словари как самостоятельный тип, лексикографам нужно было преодолеть определенную инерцию, шире взглянуть на типологию словарей. Но в XVIII—XIX вв. новые лексикографические идеи долго не обретали права на автономность. И словарь Рейфа составлен и назван сначала как русско-французский, а потом уже как этимологический.

В лексиконе к русским словам приводились их аналоги на санскрите, персидском, греческом, латинском, арабском и еврейском языках. Статья включала в себя также производные слова и выглядела следующим образом:

Новый (scr nav-a, d'où navata, nouveauté; pers. nau, lat. nov-us, angl. new) *ая, ое* apoc *нов, ва, во.*

Новенький, ая, ое adje. nouveau, neuf, récent, moderne

Новость sf. nouveauté, chose nouvelle; nouvelle, événement récent; innovation

По городу носится много новостей plusieurs nouvelles circulent dans la ville

Новизна sf. nouveauté, innovation

Помещенные при заголовочном слове сведения об индоевропейских эквивалентах доказывали родство языков.

Разумеется, и у Рейфа не все безупречно, ряд погрешностей отмечался, например, академиком И. В. Ягичем в сопоставлении коренных русских слов [8]. Тем не менее, труд Рейфа значителен и принадлежит к числу первых трудов, развивавших идеи сравнительно-исторического языкознания. Весьма восторженно оценил лексикон П. А. Плетнев: «Если Академия и издала грамматики и лексиконы, так все же их по частям составлял кто-нибудь один; а иной молодец, как Рейф и Востоков, и весь труд совершит один, да еще совершеннее, нежели Академия» [9]. Пожалуй, это сказано слишком сильно, основательности академических трудов одиночке не добиться, но все же работа Рейфа — достойное деяние.

С этимологическим лексиконом к Рейфу пришла известность. Ему была присуждена золотая медаль Академии наук и премия П. Н. Демидова (пять тысяч рублей).

В дальнейшем со словарем Рейфа сравнивали другие труды по этимологии, ссылались на него, т. е. он вошел в фонд литературы по русскому языку.

Лексикографическая работа оказалась призванием Рейфа, и вся его последующая жизнь была посвящена словарям. Однако он оставил этимологию и обратился к практическим делам — составлению переводных словарей и организации собственного книгоиздательского дела и типографии. Поначалу педагогическая жилка давала себя знать (как-никак, он начинал домашним учителем), и он задумал серию учебных словарей, приспособленных «к употреблению учащегося Российского юношества». Он составил свой план, чтобы по его словарям можно было изучить три европейских языка — французский, немецкий и английский. По идее Рейфа, нужна была серия из четырех четырехъязычных словарей, где по очереди выступали бы в качестве исходного русский, французский, немецкий и английский языки.

Первое издание с исходным французским языком вышло в 1843 г. под названием «Карманный словарь русского, французского, немецкого и английского языков». В 1845 г. подготовлен «Новый карманный словарь русского, французского, немецкого и английского языков» с русского на три остальных, в 1849 г.— с немецкого и в 1850 г.— с английского. Последние два издания получили название «Четыре новые параллельные словаря языков русского, французского, немецкого и английского». Теперь объем словаря увеличен, он перестал быть карманным и удовлетворял запросам не только учащихся, но и более подготовленных читателей. Все последующие издания и тиснения (более 20) выходили как «Параллельные словари».

Рейф издавал свои словари в Карлсруэ, куда он переселился в конце 30-х или начале 40-х годов. Там Рейф открыл собственную типографию и занялся печатным делом. Типография была оборудована лучшими печатными станками, для словарей специально заказывались в Германии особо мелкие и четкие шрифты.

Работая в Карлсруэ, Рейф поддерживал связи с друзьями из России. Отличная работа его типографии привлекала внимание русских писателей. П. А. Плетнев рекомендовал ее Жуковскому, который в 1848 г. напечатал у Рейфа ряд своих стихотворений.

Взяв в руки словарь Рейфа, мы сразу почувствуем, как изменились времена, каким деловым и энергичным

стал мир. Четыре языка буквально спрессованы в небольшом по формату, но тяжелом томике. Максимум информации — ведь кроме словника и переводной части словарь имеет обширный аппарат — помещен на минимальной площади. На службу этой деловитости поставлены технические достижения века: прочный переплет, тонкая и плотная бумага, отличного качества шрифт.

Итак, особенность словарей Рейфа в том, что они в совокупности представляют единое целое — они предназначены для параллельного изучения трех иностранных языков. Из этого не нужно делать вывод, что состав словников одинаков. Для каждого словаря словник разработан независимо от других, с пониманием своеобразия лексического состава каждого языка. Однако накопившиеся обильные знания о словах, объеме их значений, их сочетаемости с другими словами не вмещались в узкие рамки многоязычного словаря. Перед составителем было четыре графы и одна-две строчки для размещения языкового материала. Многоязычие мешало, оно могло существовать при средневековых взглядах на язык. Привлекательная на первый взгляд идея — иметь один словарь, а не четыре, изучать сразу несколько языков — оборачивалась скудостью получаемых сведений.

Возьмем конкретный пример. Слово *свет* имеет два значения (не считая его омонима *мир, вселенная*) — 'лучистая энергия' и 'источник освещения'. С этим словом существует много фразеологических оборотов: *в свете чего-либо*, *в ложном свете*, *пролить свет*, *представить в другом свете*, *чуть свет*, *не взвидеть света* и т. д. Конечно, изучающему иностранный язык нужно знать эквиваленты этих оборотов. Что же дает Рейф?

Свет, sm. la lumière, clarté, lueur; 1. le jour; 2. le monde; 3. (*мой ~*) mon ami! 4. (*чем ~*) au point du jour |das Licht 1. der Tag; 2. die Welt; 3. Freund! 4. am Tagesanbruch| light; 1. day; 2. world; 3. my dear! 4. at the break of day [10]

Все богатство русской фразеологии исчезло, как и богатство иноязычной фразеологии. Немецкое das Licht, например, можно употребить во множественном числе, чего нет в русском, и тогда оно переводится *огни* или *огоньки (Вдали заблестели огоньки)*. Немецкие фразеологические обороты совершенно иные: j-m ein Licht aufstecken *просветить кого-либо* (букв. 'зажечь для кого-либо свет'), j-m geht das Licht auf *его озарило* (букв. 'для него зажегся свет'), er ist kein großes Licht *он не очень умен* (букв. 'он невеликий свет'), sein Licht

leuchten lassen *блистать умом и талантами* (букв. ‘светить своим светом’), sein Licht unter den Scheffel stellen *зарыть талант* (букв. ‘спрятать свой свет’). В просторечии слово das Licht может быть употреблено в значении ... ‘сопля’. Ласкательного значения, как в русском выражении *свет мой ясный*, немецкое слово не имеет.

Представим себе, что подобные расхождения имеют место для французских и английских эквивалентов. Сколько утрачено для читателя! Остались самые простые, примитивные сопоставления.

Понимали ли этот недостаток многоязычных словарей современники? Да, понимали. В период развития сравнительно-исторического языкознания опыт Рейфа с многоязычием не мог пройти незамеченным. Правда, официальная печать была к Рейфу всегда благосклонна. Но одновременно с Рейфом работал некий Н. П. Макаров, автор русско-французского и французско-русского словаря, постоянный противник Рейфа. Наверное, его критика объяснялась не только недостатками словарей Рейфа, но также досадой и завистью к более знаменитому и удачливому сопернику. Макарову не очень везло со словарями: он страдал от отсутствия средств на их издание, обивал пороги меценатов, часто получая отказы, его словари залеживались в книжных лавках, тогда как словари Рейфа распродавались хорошо [11]. И Макаров при всяком случае желчно писал об «уродливо-фальшивых, негодных переводах», о «чахоточной, неуклюжей и неумелой фразеологии» Рейфа. Сам Макаров с фразеологией работал более удачно, включая ее в свои словари в больших количествах [12].

Весьма разумные мысли о переводной лексикографии изложил Н. П. Макаров в статье, посвященной «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля: «В словарях двуязычных бывает полнота переводимого и переводного слова. Первая состоит во внесении в словарь всех слов переводимого языка и затем в составлении примеров на те слова, которые имеют по нескольку значений или заключают в себе особенность или трудность. Эту полноту лексикографы сознавали и достигали ее. Второго рода полнота состоит в приискании всевозможных переводов заголовочного слова и каждого значения этого слова, а затем — в приискании всевозможных переводов, прямых и простых, перифразических и идиоматических каждого примера. Этой полноты не понимал и не достигал ни один из известных составителей двуязычных словарей» [13]. Макаров очень близок к пониманию того, что

каждый язык следует внутренним законам своего развития, когда пишет: «При обработке каждого слова лексикограф должен задать себе вопрос, не встречается ли в употреблении этого слова какой-либо грамматической, диалектной и вообще филологической особенности, трудности или каприза языка» [14].

Стоя на этих позициях, Макаров совершенно отвергал многоязычные словари, а о Рейфе говорил только пренебрежительно: «О словарях многоязычных не стоит и говорить, потому что они бывают весьма плохи по пословице: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь, а тем более, когда погонишься за тремя, как, например, Рейф в своих параллельных словарях» [15].

Многоязычные словари должны были сойти со сцены, уступив место двуязычным, в которых возможностей показать трудности, особенности или капризы языка было несравненно больше. Двуязычные словари Н. П. Макарова и И. Я. Павловского доказывали преимущества двуязычной лексикографии.

Несмотря на недостатки словарей Рейфа, замеченные современниками (и очевидные для потомков), словари пользовались хорошей славой. Среди их достоинств можно назвать удачно составленные словники. Они основательно продуманы автором, в них отражены разнообразные пласты лексики, в том числе и новые для переводных словарей. На умение Рейфа выбирать необходимую лексику обратил внимание русский славист И. И. Срезневский, который писал в своем разборе, сделанном при присуждении Рейфу почетного отзыва в 1851 г.: «Немногие из лексикографов умеют пользоваться местом и выбирать из подробностей именно такие, какие нужны, так же умно, как это удавалось Рейфу» [16].

Одним из трудных вопросов составления словника был вопрос о включении терминологии. Терминов становилось все больше. Какое место следовало отводить им в переводном словаре? Какие термины нужно было выбирать?

Рейф, живя вдали от России, внимательно следил за тем, какая ситуация складывается в науке и литературе, как решаются отдельные проблемы. Конечно, ему было известно суждение составителей первого и второго изданий Словаря Академии Российской о том, что в общелитературном словаре уместны термины, выражающие необходимые, основные понятия каждой научной и технической дисциплины. Это правило можно использовать и при отборе слов для переводных словарей общеупотребитель-

ной лексики. Рейф поступал именно так, включая основные термины и не перегружая словник узкоспециальными. К примеру, из терминов горного дела он взял *шахта*, *рудник*, *бурение*, но не поместил *крепь*, *квершлаг* и т. п. В своих словарях Рейф использовал термины из математики (*коэффициент*, *синус*, *косинус*, *радиус* и т. п.), астрономии (*аберрация*, *эклиптика*, *телескоп* и т. п.), анатомии (*позвоночник, мышца, сустав, железа, кровообращение* и т. п.), мореходства (*гавань, фарватер, парусник, пароход, дифферент, фордевинд* и т. п.), военного дела (*диспозиция, форпост, фортификация, бастион, баталия, фуражир* и т. п.) — всего из 37 областей.

Также не избегал он профессиональной народной лексики, как и составители «Словаря Академии Российской». Мы снова встретим здесь *моряна, паморок, кокора* из поморских диалектов, найдем *балда* (кузнечный молот), *воронило* (орудие для воронения железа), *кросны* (ткацкий стан), *пазило* (долото для делания пазов), *зубарь* (вид рубанка), *прави́ло* (брусок для ровного выкладывания стены), *коза* (наплечные носилки для кирпича) и многие другие.

В 50—60-е годы русское общество стало проявлять усиленный интерес ко всему русскому, исконному — к русской истории, фольклору, языку. Вышли из печати «История России» С. М. Соловьева, «Народные русские говоры» А. Н. Афанасьева, «Былины» П. Н. Рыбникова. В 1863—1866 гг. вышел «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Рейф знал о настроениях русского общества и чутко реагировал на них. По словарю Даля Рейф познакомился с народными говорами, с живой речью разных губерний и использовал новый материал в своих словарях.

Однако Рейф еще не мог критически подойти к возможностям использования новых языковых пластов в переводной лексикографии. Филологам предстояло еще долго изучать областную лексику и ее взаимодействие с литературным языком. Рейф, будучи иностранцем, вряд ли мог глубоко чувствовать особенности живой русской народной речи, все-таки его знание русского языка было книжным. И он несколько упрощенно подошел к диалектизмам, считая, что все их нужно и можно переводить на иностранные языки. Тем не менее опыт его работы с областной лексикой имел определенную ценность, хотя бы потому, что сразу обнаружились пределы ее использования в переводных словарях.

Сейчас лексикографам ясно, что областная лексика неодинаково взаимодействует с лексикой общелитературного языка: некоторые диалектизмы переходят в основной словарный состав, обогащают его, а другие остаются вне его пределов. Первые имеют право на включение в словари общеупотребительной лексики, в том числе и переводные, а вторые фиксируются в словарях диалектизмов. Такого разграничения Рейф еще не мог провести и прилежно выписывал из Даля все подряд.

К числу широко известных областных слов, имевших хождение в устной речи и в художественной литературе, относятся *курень, казан, хлопец, скородить, гуторить, заимка, балка*. Они есть у Рейфа. Наряду с ними есть слова и «малого радиуса действия», локально ограниченные: *ерыга, ахан* (разновидности рыбацких сетей), *тумак* (язык рыбы), *калуга* (лужа), *матуха* (медведица, имеющая медвежат) и т. д.

С диалектизмами соседствуют просторечные слова, которые часто ведут свое начало от народных говоров. Просторечие — явление неоднозначное, оно может выступать как стилистическое средство для придания речи грубоватой, шутливой окраски, для характеристики персонажей. Такое просторечие может отражаться нормативными словарями, в том числе и переводными. Есть также категория просторечия, представляющая собой нарушение литературных норм: *завсегда, куфарка, кажись, опосля, покеда, тутошний*. Для этих слов есть общелитературные, грамотные варианты, и просторечие такого характера в нормативные словари не включается.

Как художественный прием просторечие в начале XIX в. завоевало уже себе место в литературе. Еще до Пушкина, в произведениях Жуковского, Бестужева-Марлинского, Крылова и других писателей, народная речь служила средством придания речи русского колорита, создания образов людей из народа. Тенденция демократизации литературного языка, наметившаяся еще в XVII в., набирала силу.

Рейф не прошел мимо этого явления. У него мы находим много стилистически маркированных (т. е. обладающих экспрессивностью) лексических единиц: *баламут, бельмес, гвоздить, дармоед, доконать, каплюжник, мыкаться, облапошить, охочий, побранка, пройдоха, прокудливый, прокурат, прорва, ротозей, улепетывать, харчи* и т. д. Однако к середине XIX в. просторечие вышло за пределы только изобразительного средства, оно завоевало

место равноправного элемента литературной речи, о чем мы скажем подробнее в связи со словарями И. Я. Павловского.

Широко представлен у Рейфа пласт архаичной славянской лексики. К 1845 г., когда Рейф издал первый русско-французско-немецко-английский словарь, роль славянизмов более или менее определилась: они остались как стилистическое средство в произведениях классического жанра. Тем не менее, Рейф уделяет им все еще большое внимание, помещая такие слова, как *благоглаголивый, благогласный, благозрачие, благоизбранный, благоизволение, благолепота, благоповедение, благопоспешествовать, благорассудительный, благоуспешный, благоязычие, возопить, возроптать, воссылать, восчувствовать, возъярить, воитель, миродатель, миротворительный*. Есть также слова с неполногласными сочетаниями: *брада, брег, власы, вран, врата, древо, глад, злато, младость, чреда* и т. д.

Конечно, уже существовала прогрессивная художественная, публицистическая, критическая литература, написанная легким, доступным, демократичным языком, но мог ли Рейф увидеть и осознать перемены в русском языке? Вообще, на вопрос о том, как скоро лексикография способна отразить языковые преобразования, трудно ответить. Даже словари русского языка XIX в. не охватили этих преобразований в полной мере, тем более это было не под силу автору переводных словарей, да еще иностранцу, да еще живущему вне России.

Из других лексических пластов можно упомянуть некоторое количество салонных русско-французских жаргонизмов: *партес, плерезы, шемизетка, фалбала*.

Не следует думать, что французские заимствования употреблялись только в речи аристократов. Любое слово в живом языке нужно и полезно. Одно из приведенных выше слов — *фалбала* — несет, например, большую смысловую и эмоциональную нагрузку в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1846). Макар Девушкин, бедный чиновник, и бедная девушка Варвара Алексеевна обмениваются письмами, в которых предстает перед читателями социальная трагедия «маленьких людей». Варенька вынуждена идти замуж за богача, требующего, чтобы жена своими нарядами «утерла нос всем помещицам». Она в отчаянии от ожидающей ее судьбы в браке с грубым и нечутким человеком и в горе от расставания с единственно понимающим ее Девушкиным. Как в беспамятстве хлопочет она о злополучных нарядах и посы-

лает с поручениями к портнихе Девушкина. И как наваждение, как воплощение ненужной суеты всплывает то и дело нелепое слово *фалбала*: «обшить фалбалой», «она и про фалбалу говорила», «позабыл, что она мне про фалбалу говорила», «эх, эта мне фалбала». *Фалбала* (оборка на платье) становится тем навязчивым словом, которое непрерывно звучит в сознании смятенного человека.

Перевод областных и просторечных слов представляет для лексикографа большие трудности, которые Рейфу, возможно, еще не были понятны в полной мере. В чем, например, сложность перевода просторечия? Значение просторечного слова имеет две стороны: вещественную и эмоциональную. Например, вещественное значение слова *балбес* — 'бестолковый и ленивый человек', а эмоциональный оттенок — насмешка и легкое презрение. *Гвоздить*, к примеру, означает 'долго бить, равномерно ударяя, будто забивая гвозди'; эмоциональная окраска заключается в некоторой издевке, злорадстве наблюдателя при такой экзекуции. *Улепетывать* мы понимаем как 'поспешно убегать', но слышим в этом слове также насмешку над тем, кто трусливо, изо всех сил спасается от какой-то угрозы. В идеальном случае при переводе нужно подобрать такое слово, которое имело бы аналогичное двойное значение, а вероятность этого невелика. Рейфу же приходилось работать с тремя переводящими языками одновременно, что усугубляло сложность перевода.

Теоретически для перевода просторечной лексики существуют две возможности. Можно пойти по пути отказа от передачи эмоциональной окраски слова и воспроизвести только вещественное значение. При этом произойдет утрата части содержания. Можно попытаться найти в иностранном языке аналогичное просторечное слово. Правда, такие поиски приводят иногда к нежелательному результату: просторечное слово, помещенное в ткань переводного произведения, оказывается чужеродным, оно вызывает ненужные, противоречащие времени и месту действия ассоциации. Так случалось в практике перевода художественной литературы XIX в., когда переводчики использовали русское просторечие в произведениях из французской, английской и т. п. жизни. Французские крестьяне или английские бродяги (а иногда и аристократы) произносили словечки *куфарка*, *жисть*, совсем как русские мужички или мастеровые. Случаются подобные казусы и в наши дни, уже не из принципиальных соображений, а по недосмотру переводчиков и редакторов, хотя

на качество переводов обращают большое внимание литературно-художественная критика и общественность. Конечно, просторечие является ярким стилистическим средством, но применять его можно при наличии очень высокой переводческой культуры.

Более безопасным, а часто единственно возможным приемом перевода является обращение к вещественному значению. Чтобы избежать ненужных ассоциаций, переводчик берет для просторечия книжно-нейтральную лексику, сознательно обесцвечивая оригинальный текст. Мы можем наблюдать, как в переводных изданиях неграмотный негр или беспризорный мальчишка говорят на вполне безупречном литературном языке, тогда как в оригинале они говорят на своем языке с ошибками, с использованием просторечных, вульгарных и жаргонных словечек. С потерями выразительности приходится мириться, а когда возможно, переводчик старается достичь ее другими языковыми средствами.

Рейф поступал примерно так же, передавая при переводе просторечия только вещественное значение и опуская эмоциональные оттенки:

Балбес, sm. pop. le fainéant, nigand |der Faulenzer| a lazy fellow

Подобранные автором французский, немецкий и английский переводы обозначают просто ленивого человека. Эмоциональная окрашенность русского слова исчезла.

Возьмем еще несколько примеров:

Лапотник, -ница, s. paysan (qui porte des souliers de tille) |Bauer (der Bastschuhe trägt)| peasant, one whu wears bast shoes

Пузо, sn. pop. la panse, bedaine |der dicke Bauch| a big belly

Забулдыга, sc. pop. riboteur, débauché |ein liederlicher Mensch| a libertine, dabauche

Переводы ни в малейшей степени не передают красочности, сочности русских слов. Лапотник означает для нас ‘бедный, нищий, жалкий человек, не имеющий другой обуви, кроме лаптей’. А перевод на каждом из трех языков звучит: *крестьянин, который носит плетеные башмаки* — уже нечто иное, возможно, это состоятельный селянин, который носит башмаки, плетенные из кожи, или в жаркую погоду предпочитает удобную плетеную обувь. Слово *пузо* стоит в ряду *живот, брюхо, пузо* как наиболее грубое; в переводе это всего-навсего *толстый живот. Забулдыгой* мы назовем пьяницу, потерявшего себя человека; в переводе же он просто *безалаберный человек.*

Вот несколько примеров, где Рейфу удалось подобрать иностранные эквиваленты с грубой просторечной окраской:

Образина, sf. dim. gros visage, vilaine face |die Fratze| a phiz
Прорва. sf. glouton |der Vielfraß| a glutton
Сброд. sm. la canaille, racaille, le ramassis |das Gesindel, der Pöbel| rabble, mob

Читатель, который знаком хотя бы с одним из трех языков, согласится, что автору удалось найти нечто близкое, хотя и не совсем эквивалентное. Немецкое Vielfraβ означает 'обжора', это несколько у́же по значению, чем 'прорва', так как последнее слово может означать и обжору, и ненасытного человека вообще. А 'сброд', напротив, понятие более широкое, чем французские racaille и canaille; 'сброд'—это собирательное понятие для разложившихся, преступных людей.

Перевод областных слов и реалий связан с проблемой передачи национального своеобразия языка. И те и другие существуют для определенного места и времени, перенести их на чужую почву не удается. Правда, необходимость передачи национального колорита не всегда признавалась писателями и переводчиками, о чем мы скажем ниже.

Национальным колоритом окрашены, например, слова *аул, кишлак, станица, заимка.* Их значение не передается ни общерусскими словами *деревня* или *поселение*, ни соответствующими иностранными аналогами (типа *мыза, фольварк*), так как они не обладают тем специфическим фоном, подтекстом, который возникает в сознании человека, представляющего себе поселения на Кавказе, в Средней Азии, на Дону или в Сибири. *Сакля, курень, юрта, мазанка* тоже не равноценны русскому *дом* или *хижина* или иностранному слову, обозначающему жилище человека.

Не поддаются переводу диалектизмы, обозначающие узкоспециальные понятия народных промыслов и ремесел. Известно, что на севере существует до десятка названий нарт — легких и тяжелых, для перевозки людей и грузов. Даль в своем «Словаре живого великорусского языка» дает названия нескольких разновидностей сетей, которыми яицкие казаки ловят рыбу,— *ерыга* для промысла красной рыбы, *ахан* с двойным полотном и т. д. Искать в иностранных языках их соответствия — бесплодное занятие.

Может возникнуть вопрос, нельзя ли использовать диалектизмы других народов? Существует ведь множество немецких диалектов (баварский, саксонский, берлинский и т. д.), французские наречия (например, валлонское), американизмы и англицизмы, лондонский кокни. Но, конечно, сопоставлять наречия и диалекты разных народов абсурдно. Какому наречию могут соответствовать курские или рязанские говоры, южнорусское или северное наречие? Ведь не валлонскому наречию, не лондонскому кокни и не другому какому-либо иностранному диалекту.

Рейф не занимался поисками особых эквивалентов для областных слов и реалий. Его основной прием — описательный перевод для специфических понятий или общеупотребительное слово для диалектизмов. Такие общеупотребительные слова видим, например, при переводе слов из южнорусских наречий:

Хлопец, sm. le garçon, valet |der Bursche, Knecht| a fellow
Дюже, adv. fortement, beaucoup |kräftig, stark, viel| stoutly, robustly, much
Гуторить, vn. fam. parler, converser |schwatzen| to talk

Сейчас эти переводы даже вызывают улыбку: *хлопец* и *гарсон, хлопец* и *бурш, гуторить* и *парле, дюже* и *вери мач*, поставленные рядом, производят комический эффект.

Рейф использует также так называемый аналог — прием перевода, при котором подбирается словарное соответствие, обозначающее сходное явление в действительности другой страны, например *институт — колледж.* Транслитерацию Рейф не любит, избегает ее. Вот некоторые реалии материального быта:

Изба, sf. dim. la maison de paysan |das Bauernhaus| peasant's house
Сакля, sf. la cabane des montagnards du Caucase |die Hütte der Bergbewohner| a moutain hut
Башлык, sm. la capuchon caucasien |die kaukasische Kapuze| a Caucasian cowl
Кокошник, sm. dim. le diadème (des femmes) |die Kopfbindel head-band

Все это невыразительно, бедно; в представлении француза или немца *крестьянский дом* совсем не похож на русскую *избу*; *хижина горца* или *кавказский капюшон* вообще не дают сколько-нибудь ясного представления о предмете; *диадема* ничего общего с кокошником не имеет.

Из области общественной жизни мы также можем найти ряд неудачных и даже смешных переводов. Каково значение русского слова *барин*? Это знатный и богатый

человек, разумеется. Но слово несет в себе еще дополнительный, почти неуловимый оттенок: барин несуетлив, степенен, важен, может быть, ленив; он любит удобную и приятную жизнь. Если подобрать во французском, немецком и английском языках слова, обозначающие богатого и знатного человека, дополнительные оттенки исчезнут:

Барин, sm. irr. le maître |der Herr| lord, master

Не так и не то, скажем мы. *Мэтр*, *лорд* или немецкий *герр* совсем непохожи на русского барина.

Не будем упрекать лексикографа XIX в. за неточность, за плохой выбор приемов перевода. Рейф поступал согласно распространенной переводческой практике. Считалось, что описываемые иностранным автором (в данном случае русский язык выступает как иностранный, словари Рейфа перестали быть учебными для русских учащихся и разошлись по всему свету, став в других странах словарями с иностранного на родной язык), явления, лица, предметы нужно приблизить к читателю, изменить историческую или национально-бытовую обстановку на более знакомую. Не сохранять национальный колорит, а уничтожать его, переносить действие в ту страну и в то общество, где живет читатель — так рассуждала довольно многочисленная группа писателей и переводчиков XIX в. В переводах того времени герои Диккенса или Теккерея ездили на извозчиках, заходили в трактиры; клерки заменялись приказчиками, пледы — бекешами и т. д.[17] Героям даже давались русские имена (Манон Леско становилась Машенькой). Деятельность русских литераторов и критиков, в первую очередь Пушкина, затем Тургенева, Фета, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, помогла справиться с так называемым вольным переводом. Но Рейф был, как можно убедиться, сторонником устранения непривычных для иностранца самобытных черт. Зачем французу экзотический *кокошник*? Ему ближе и понятнее *диадема*. Как объяснить иностранцу, что такое *бармы*? Проще сказать *пелерина*. И неизвестная *бурса* немцу или англичанину не нужна, проще сказать *гимназия*.

Зная о борьбе переводческих концепций, мы по-другому отнесемся к неточности переводов Рейфа. Для большинства его современников они были точными. Да, Рейф не был прогрессивен во взглядах на перевод, но до прогрессивных взглядов тогда поднимались только великие

писатели и критики. Когда ошибочные взгляды в области перевода литературных произведений были преодолены, ярче выступили переводы истинно художественные. То же произошло и со словарным переводом. С этой точки зрения словари Рейфа были необходимым этапом в развитии лексикографии.

Помимо основного содержания (т. е. словарных статей) в словаре содержатся дополнительные материалы, которые в своей совокупности могут быть названы аппаратом издания. Наше первое упоминание об аппарате было связано со словарями Поликарпова-Орлова. И Поликарпов, и Рейф были книгоиздателями, и неудивительно, что они стремились к совершенствованию своих изданий, помещая аппарат книги, т. е. материалы, помогающие читателю понять содержание или создающие благоприятные условия для пользования книгой. Аппарат словаря Рейфа включает предисловие, список сокращений, научную статью типа краткого курса языкознания, ряд дополнительных списков (географических наименований, имен собственных, исторических имен, мифологических имен), табель о рангах, таблицу метрологических единиц.

Предисловие у Рейфа выполняет несколько иные функции, чем у его предшественников. Обычно в предисловии излагались научные концепции автора, его взгляды на задачи и содержание словаря, на словарный перевод. Рейф поступил иначе. Заботясь, как деловой человек, о рекламе для словаря, он напомнил читателю о своих заслугах, главной из которых был этимологический словарь 1836 г., отмеченный Демидовской премией. Он обратил внимание читателей на покровительство императора Николая I и президента Академии наук С. С. Уварова и, наконец, подчеркнул необыкновенные удобства для читателя, поскольку четыре четырехъязычных словаря заменяют шестнадцать двуязычных, и поскольку удобный формат и четкий шрифт обеспечивают самые благоприятные условия для пользования словарями.

Научная статья называется «Сокращение всеобщей грамматики». Она дана на двух языках — каждая страница разделена на две части, слева помещен русский, справа — французский текст. Статья представляет собой извлечения из книги Н. И. Греча «Руководство к изучению русской грамматики» и содержит основные теоретические сведения о языке, затрагивая такие проблемы, как соотношение языка и мышления, значение слова и т. д. Основное внимание уделено учению о частях речи. Желая

сделать свой словарь универсальным во многих отношениях, Рейф поместил в него и краткий учебник грамматики.

Дополнительные списки — географические наименования, исторические, собственные и мифологические имена — также обеспечивали универсальность словаря. Рейф был, как мы говорили, чуть ли не в каждом доме, а значит, читателю не нужно было далеко ходить, чтобы выяснить, как пишется то или иное имя, название города или страны, фамилия исторического лица. Мы знаем, как трудно без специальных справочников ориентироваться в написании собственных имен различных видов (*Сиерра* или *Сьерра*, *Сафо* или *Саффо*, *Конан Дойл* или *Конан Дойль*), у современников Рейфа нужный справочник всегда был под рукой.

Написание антропонимических и топонимических имен во времена Рейфа было колеблющимся. Не окончательно закрепилось даже правило, что иностранные имена следует изображать русскими буквами; в некоторых книгах того времени западноевропейские имена сохраняют написание латиницей. При изображении русскими буквами брался либо принцип трансфонации (произношения), либо транслитерации (написания). Столкновение этих двух тенденций вызвало в дальнейшем разнобой в правилах.

Этот разнобой уже ясно виден в словаре Рейфа. Например, придыхательное h передается то буквой *г*, то буквой *х*, то отсутствием буквы. Мы видим у Рейфа *Аннибал* (Ганнибал), *Дарий Истасп* (Дарий Гистасп), *Иппократ* наряду с *Гиппократ*, *Иродот* наряду с *Геродот*, *Эллада* наряду с *Геллада*, *Омир* наряду с *Гомер*. В то же время через *г* пишутся *Бетговен*, *Гагедорн*, *Гайдн*, *Гельвециус*, *Гераклит*, *Гогарт*, *Гораций*, *Гумбольдт*, *Гановер*, *Гейдельберг*, *Стокгольм*. Отдельные слова этого ряда получили в дальнейшем все-таки *х*: *Бетховен*, *Хагедорн*, *Хогарт*.

Немецкий дифтонг ei и английские буквы i и y, читаемые как *ай*, изображались по-русски через *ей*. У Рейфа зарегистрированы слова *Бейрон*, *Огейо*, остров *Вейт*, город *Брейтон*. Для данных слов победил принцип произношения, теперь это *Байрон*, *Огайо*, *Уайт*, *Брайтон*. Но без изменений остались *Гейдельберг*, *Лейпциг*, *Рейн*, *Реймс*, *Фрейбург* и многие другие.

Неустойчивость в написании заставляла Рейфа иногда давать два варианта: *Арзрум* и *Эрзерум*, *Ахен* и *Аахен*,

Дегли и *Дели*, *Лоара* и *Луара*, *Доверн* и *Дувр*, *Медиолан* и *Милан*, *Отагейте* и *Таити*, *Термопилы* и *Фермопилы*, *Цейлон* и *Цейлан*, *Целебес* и *Селебес*, *Чили* и *Чиле*, *Штутгарт* и *Стутгарт*, *Эфиопия* и *Ефиопия*.

Мифологический словарь тоже выполнял немаловажную функцию. Имена богов и богинь, особенно древнегреческих и древнеримских, употреблялись в литературе и в жизни много и часто. Поэзия черпала вдохновение в мифологии. Общество, стремясь к изысканности в выражении любви, светской беседе, находило ее в мифологических образах. У Рейфа собрано около 250 имен мифологических персонажей, не только греческих и римских, но и древнеиндийских, египетских, скандинавских, славянских. Читатель находил сведения, какой мифологии принадлежит бог или богиня, какое место он занимает среди других богов и как пишется его имя по-французски, по-немецки и по-английски:

Юнона Junon, la reine des dieux |Juno (myth. gr. et rom.)| Juno

Юнона, *Вакх*, *Венера*, *Зевс*, *Гименей*, *Марс* соседствуют с египетскими богами *Озирисом*, *Изидой*, *Анубисом*, германскими *Одином*, *Валгаллой*, *Тором*, индусскими *Брахмой*, *Буддой*, *Вишну*, *Кришной*, *Шйвой*, славянскими *Перуном*, *Радегастом*, *Стрибогом*.

Табель о рангах давал сведения о гражданской, военной и духовной иерархии чинов. Как известно, в России было 14 классов гражданских чинов — от коллежского регистратора до государственного канцлера, соответствующие им военные чины — от прапорщика до генерал-фельдмаршала и духовные звания — от диакона до митрополита. Наименования всех чинов и званий есть в корпусе словаря, но автор счел необходимым вынести их, кроме того, в дополнительный список. Аналогичные дополнительные списки (например, воинские звания СССР или других стран) нередко входят в аппарат современных изданий. Характерной для самодержавно-бюрократической России черточкой было помещение титулов, т. е. указание, как следует титуловать каждый чин. Лиц, имеющих чин от коллежского регистратора до титулярного советника, титуловали *Ваше Благородие*, далее шли *Ваше Высокоблагородие*, *Ваше Высокородие*, *Ваше Превосходительство* и *Ваше Высокопревосходительство*.

Наконец, в аппарат словаря входит таблица мер и весов, где применяемым в России метрологическим единицам (дюймам, десятинам, пудам, фунтам, рублям, полтин-

никам и т. д.) даются соответствующие английские, французские и прусские единицы.

На словари Рейфа было опубликовано в свое время много рецензий. На издание четырехъязычных словарей откликнулись «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Москвитянин» и другие журналы. Все рецензии положительны, причем с выходом каждой последующей части число похвал в адрес автора увеличивается. О первой части, «Карманном словаре русского, французского, немецкого и английского языков», рецензенты пишут, что это «добросовестно и с тщанием изданный» словарь, что это «заслуга, оказанная иностранцем России за ее гостеприимство» [18]. По-видимому, практическая работа читателей со словарем показала его достоинства, и последующие рецензии пишутся во все более хвалебном тоне: «блистательный опыт г-на Рейфа» [19], «Г-н Рейф, которому наша филология обязана уже многими важными трудами», «прекрасное учебное пособие», «издание так изящно, что им не налюбуешься» [20].

Достоинства словарей Рейфа, по мнению рецензентов, в полноте и умелом выборе слов. Отмечается верность перевода. Очень полезным признается включение в словарь технических терминов, имен собственных, географических названий, сокращений.

Уже в 1865 г. словари Рейфа были изданы и распроданы в количестве 120 000 томов, причем не только в европейских странах, но даже в Австралии. Рейф познакомил с русским языком весь мир.

Лексиконы Рейфа служили не только целям обучения и перевода, они стали настольной книгой филологов. С ними работал, например, Я. К. Грот. Он пишет: «По моему поручению мне сделали по Рейфу полный список русских глаголов», «Я начал по Рейфу отмечать коренные неиностранные слова русского языка. Я думаю, что если б эти слова собрать и издать отдельно с переводом, то это было бы хорошее пособие для иноплеменников» [21].

Таким был самый популярный словарь прошлого века. И мы можем согласиться с тем рецензентом, который писал около 150 лет тому назад, что иностранец, приехавший в Россию на заработки, сумел стать полезным, отдал свой талант на службу русскому просвещению и тем заслужил нашу добрую память.

Глава 6

ПОЯВЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ТРУДОВ В ЛЕКСИКОГРАФИИ (И. Я. ПАВЛОВСКИЙ)

Иван Яковлевич Павловский родился и жил в Прибалтийском крае. Он был преподавателем русского языка и автором русско-немецких и немецко-русских словарей. Такими простыми словами можно обозначить его род занятий, но непростыми были задачи, стоявшие перед Павловским, и условия его работы. Целый узел общественных и политических проблем сплетался в Прибалтике вокруг обучения русскому языку и составления словарей.

Над Прибалтийским (в те времена «Остзейским») краем много раз проносились бури войн, разделов, чужеземных вторжений, чужеземных влияний. Немецкие крестоносцы, шведские и датские завоеватели, польские магнаты поочередно претендовали на эти земли, завоевывали и делили их. В начале XVIII в. после Северной войны 1700—1721 годов, которую Петр Первый вел со шведами, часть прибалтийских земель вошла в состав России.

Онемеченный край трудно менял свою языковую ориентацию. Немецкий язык в XVIII и XIX вв. продолжал оставаться языком преподавания и делопроизводства. Русский язык использовался лишь в немногих учебных заведениях и в сношениях с русскими властями. Прибалтийское дворянство, «остзейские бароны», не принимали ни русского языка, ни русской культуры, хотя и поддерживали выгодные для них нововведения русского правительства.

Многоязычие в течение нескольких веков было одним из условий жизни Прибалтики. Менялись названия городов. Город, где жил и работал Павловский, назывался Юрьевом при его закладке, когда древнерусский князь Ярослав (Юрий) построил здесь укрепления, и в XIX в., когда началось обрусение края; с XIII по XVI вв. при немецком господстве и при шведах город был Дерптом (Dorpat). Эстонское же его наименование — Тарту (от названия древнеэстонского городища Тарбату).

Добиваясь обрусения края, власти настойчиво внедряли русский язык. Но, будучи в этом случае орудием

царизма, русский язык оставался языком великого народа, языком русской науки и культуры. Могущественный сосед Прибалтики, Россия оказывала притягательное влияние гуманистическими традициями и передовыми идеями русской культурной жизни. Прибалтийские писатели и художники XIX—XX вв. (в их числе Райнис, Упит, Чюрленис, Крейцвальд) неоднократно бывали в Москве и Петербурге, имели русских друзей, любили русскую литературу и искусство. Научные деятели Прибалтики были тесно связаны с Петербургской Академией наук и высшими учебными заведениями России.

Понятно, что обучение русскому языку находилось под пристальным вниманием властей. В учебных заведениях принимались строгие меры в отношении тех, кто не проявлял должного старания: в Тартуском университете студентов-медиков (врачам знание русского языка было особенно необходимо) за неуспехи в русском языке заключали в карцер, и наоборот, за особое старание выдавались денежные премии. Из Петербурга часто поступали предписания и циркуляры, регламентирующие содержание и уровень требований при обучении, настаивающие на введении русского языка для чтения лекций по другим предметам, для оформления внутренней и внешней деловой переписки.

Во второй трети XIX в., когда Павловский стал преподавать в Тартуском университете, обстановка там была сложной. Консервативная часть немецких профессоров, особенно с теологического факультета, была в оппозиции ко всему русскому. Они утверждали, что университет по духу и языку сближается с университетами Западной Европы и должен сохранять отчужденность от России, так как это полезно для науки. В начале века студенчество увлекалось корпорациями и ферейнами по немецкому образцу, подражало немецким буршам, утверждало свое германское и протестантское «превосходство». Лучшая же часть профессуры противодействовала русофобским настроениям, старалась прививать идеи гуманизма и демократии, укреплять связи с прогрессивными деятелями русской науки. Именно во второй трети XIX в. научные связи университета и Петербургской Академии наук были наиболее плодотворными [1].

Ужесточение политики по линии просвещения в 30—50-е годы коснулось Тартуского университета в меньшей степени, оно выразилось в ряде новых предписаний, в ограничениях для студенческих обществ, в усилении слеж-

ки за преподавателями и студентами[2]. Революционные идеи затронули до некоторой степени и Тартуский университет. В 1851 г. были произведены даже аресты и высылки некоторых преподавателей[3].

Обучение русскому языку осуществляла в университете кафедра русского языка и словесности, основанная в 1803 г., вскоре после возрождения университета (Тартуский университет пережил три периода своей истории — как шведский с 1632 по 1710 г., как Дерптский и Юрьевский с 1802 по 1917 г. и как эстонский национальный с 1919 г. Советским вузом стал в 1940 г.). На кафедре были профессора и лекторы. Профессора читали лекции по истории русского языка и литературы и руководили переводами студентов из русских и немецких писателей. Лекторы (так по немецкому образцу назывались преподаватели практических дисциплин, не читающие теоретических курсов,— в русском языке это заимствованное слово обозначает прямо противоположное понятие) объясняли русскую грамматику, обучали навыкам перевода, анализировали со студентами русские литературные произведения. С 1835 по 1867 г. кафедру возглавлял профессор М. П. Розберг, под началом которого Павловский проработал более 20 лет.

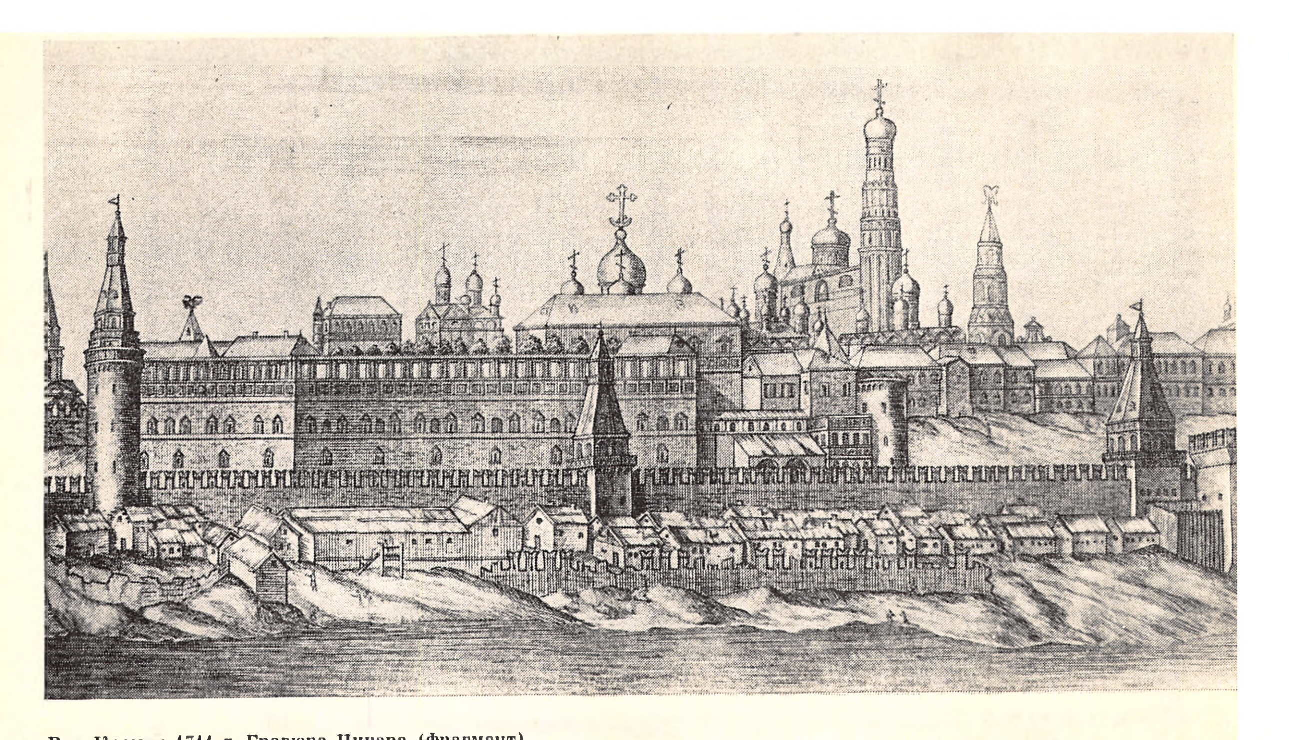
Длительная совместная работа Розберга и Павловского имела, несомненно, значение для творческой деятельности последнего. Это были люди противоположных наклонностей и темпераментов, что нередко сказывается положительно в профессиональном общении. Павловский увлекался словарями, любил этот кропотливый труд, требующий внимания, усидчивости, тишины. Розберг был блестящим университетским профессором, образованным (он закончил Московский университет), красноречивым, дипломатичным. Он понимал свою миссию как просвещение «инородных краев» и очень гордился этим. Можно привести выдержку из его речи на юбилее Московского университета, где он описывает свои труды в Тартуском университете и где ярко проявляется его образ мыслей и красноречие: «Русская речь оставалась неизвестной всего на расстоянии 300 км от Северной столицы, где рокотала лира Державина, где золотым потоком струилась проза Карамзина, где пел Жуковский, где расцвел дивный Пушкин. Многие препятствия преодолены, и в древней отчине Владимира Святого и Ярослава водружено родное наше слово на величавых высотах германской образованности»[4].

Именно Розберг нашел Павловского в одном из уездных училищ, пригласил в университет и в известной мере способствовал проявлению таланта своего лектора. Их сотрудничество было, очевидно, и в дальнейшем благоприятным условием для работы обоих. Как станет ясно из документов, Розберг был доволен Павловским, отличал и поощрял его. А Павловский имел необходимые условия для лексикографической работы, ему помогали или, во всяком случае, не мешали.

О биографии Ивана Яковлевича Павловского мы узнаем из его личного дела, которое вместе со всеми личными делами профессоров и преподавателей Тартуского университета хранится в Центральном государственном историческом архиве ЭССР в Тарту [5].

Город Тарту совсем особенный. Когда в городе есть университет, тем более один из самых древних на территории нашей страны, это чувствуется во всем. Он настраивает на сосредоточенность и глубокомыслие. Природа края и характер города сливаются и создают неповторимую атмосферу. В прошлом веке Тарту называли «Афинами на Эмбахе» — как и древнегреческие Афины, он был олицетворением красоты и учености. Мягкие очертания ландшафта, неширокая, но полноводная река Эмайыги (по-немецки Эмбах), неяркое небо — и царящий над городом университет, выдержанный в классическом стиле. Довершает облик города изящная ратуша на главной площади.

Центральный государственный архив ЭССР располагается на холме под кронами больших деревьев. Он будто укрылся от посторонних взглядов, заключив в своих стенах документы истории. Темноватые прохладные залы окутывают атмосферой спокойствия, заставляя забыть о шумной жизни XX века. Вот легла на стол папка с личным делом Павловского. В нем много страниц — приказы и распоряжения, прошения самого Павловского об отпусках, данные ему характеристики, послужной список. Конечно, еще до того, как мы взяли это личное дело в руки, были опасения, что прочитать документы будет не очень легко. Разумеется, дело не в том, что они написаны от руки,— как известно, пишущие машинки стали применяться только в 70-х годах прошлого века. Опасения были в том, что их могли писать на немецком языке рукописным готическим шрифтом, наиболее сложным из рукописных шрифтов, давно вышедшим из употребления. Так оно и оказалось. Пришлось расшифровывать записи с

Вид Кремля 1711 г. Гравюра Пикара (фрагмент).

А

Лексїконъ треѧзычный.

сирѣчь

реченїй славенскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ

сокровище

изъ различныхъ древнихъ и новыхъ книгъ

собраное

и по славенскому алфавиту въ чинъ

разположеное

ΛΕΞΙΚΟΝ ΤΡΙΓΛΩΤΤΟΝ

ἤτοι

Λέξεων σλαβονικῶν, ἑλληνικῶν τε καὶ λατινικῶν

θησαυρὸς

Ἐκ διαφόρων παλαιῶν τε καὶ νέων βιβλίων

συλλεχθεὶς

καὶ κατὰ τὸ σλαβονικὸν ἀλφαβητάριον εἰς τάξιν

διατεθεὶς

DICTIONARIUM TRILINGUE

hoc eſt

Dictionum Slauonicarum Grȩcarum & Latinarum

theſaurus

Ex varys antiquis ac recentioribus libris

collectus

Et iuxta Slauonicum alphabetum in ordinem

diſpoſitus

Ф. П. Поликарпов-Орлов. Лексикон треязычный 1704 г. Титульный лист.

Огнезапали́тель, ἐμπρηστής, inſenſor.

Огнецве́тный огнеиспуща́тельный, πυρεκβόλος, πυριβόλος, igniuomus, ignem vomens.

Огнено́сный, πυροφόρος, ignifer.

О́гненный, πύρινος, igneus.

Огнеобра́зный, πυρίμορφος, igneam formam habens.

Огнеды́шущїй, πυρίπνοος, ignifluus, efflans ignem.

Огнеподо́бный то́же.

Огне́мъ быва́ю, πυροῦμαι, igneſco, ignitus fio.

О́гниво, πύριον, πυροβόλος, igniarium.

О́гникъ, πυρίδιον, igniculus.

Огни́ще, πυρία, ζώπυρον, focus, rogus.

О́гни́стый, πυρόεις, ignitus.

Огуре́цъ, σίκιον, ἀγκούρι, σίκυς, cucumer.

Одноо́кїй, зри̑ едноо́кїй.

Однору́кїй, зри̑ едноу́кїй.

Одръ, κράββατον, cubile, grabatus.

Окно̀, παράθυρος, σαλάμβη, feneſtra.

Око́шко то́же.

Око́нце, θυρίδιον, φενεστέλλα, feneſtella.

Око́нница, θυρίς, feneſtra.

О́ко, ὀφθαλμὸς, ὄμμα, oculus.

Окобо́лю, зри̑ очи̑ болю̀.

Окобо́лѣнїе, зри̑ очна́я болѣ́знь.

Оковиди́ѡ, зри̑ очеви́дцѡ.

Оковра́чь, очни́къ, оку́листъ, ὀφθαλμικὸς, ὀφθαλμῶν ἰατρὸς, oculiſtus, ocularius medicus.

О́коло, κύκλῳ, κυκλόθεν, περὶ, ἀμφὶ, πέριξ, circa, circumſecus, circumcirca.

О́крестъ то́же.

Око́лный и окре́стный, ἐγκύκλιος, circularis.

О́кругъ, σφαῖρα, ſphera.

Окру́глость, στρογγυλότης, περιφέρεια, περιφερὲς, rotunditas, globoſitas.

Окру́глый, или кру́глый, σφαιρικὸς, κυκλόεις, τροχόεις, ὠώδης, στρογγυλοειδὴς, ouatus, orbiculatus.

Ф. П. Поликарпов-Орлов. Лексикон треязычный 1704 г. Текстовая страница.

ТРЕЯЗЫЧНЫЙ
МОРСКОЙ СЛОВАРЬ

на

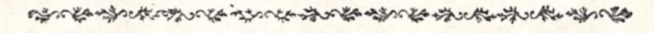
Англинскомъ, Францускомъ и Россійскомъ языкахъ

въ трехъ частяхъ.

Собралъ и обьяснилъ

Флота Капитанъ Александръ Шишковъ.

Печатано въ Типографіи Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, 1795 года.

А. С. Шишков. Треязычный морской словарь 1795 г. Титульный лист.

Spare ſails. — Запасные паруса.

Spare rigging. — Запасный такелажъ.

SPARS. Сущ множ. — Жерди, тонкія деревья, каковыя употребляются для шлюпочныхъ мачтъ и проч.

Pump SPEAR. — Шпиртъ или штокъ у помпы. См. pump.

SPELL. Сущ. — Очередь наблюдаемая между матрозами для отправленія нѣкоторыхъ должностей, какъ напримѣръ: стоять на лотѣ, править рулемъ, качать воду, смотрѣть земли на салингѣ, и проч.

To SPILL. Глаг. — Обрасопить рей на вѣтрѣ, или выпустить вѣтръ изъ паруса для закрепленія онаго.

SPILLING-LINES. Сущ. — Нѣкоторыя веревки случайно привязывающія-ся для удобнѣйшаго подбиранія нижнихъ парусовъ въ крѣпкой вѣтръ, рефлеимсы.

SPINDLE. Сущ. — Ось, веретено, какъ то:

Spindle of a capſtern. Веретено у шпиля.

Spindle of a vane. — Веретенцо у флюгера.

Spindle of the ſteering wheel. — Ось у штура.

SPIRKETING. Сущ. — Спиркетингъ Примѣч. Сіе слово по испорченному произношенію часто выговариваютъ спаркинтерсъ.

SPLICE. Сущ. — Сплесень.

To ſplice. Глаг. — Сплеснивать.

Short ſplice. — Короткой сплесень.

Long ſplice. — Долгой сплесень.

Eye ſplice. — Такаго рода сплесень, отъ котораго въ концѣ веревки дѣлается огонъ.

Cunt ſplice. — Особливаго рода сплесень, каковымъ сплесниваются лаглини или лотлини.

SPLIT. Прилаг. — Когда говорится о парусѣ, тогда значитъ разорванъ отъ вѣтра; а когда о кораблѣ, тогда разумѣется погнутъ или поврежденъ отъ стоянія на мѣли.

SPOON DRIFT. Сущ. (Сіе слово происходитъ отъ латинскаго ſpuma, и потому правительнѣе было бы писать ſpoom-driſt.) — Брызги отъ волнъ. Сильный вѣтръ въ жестокую бурю свергаетъ вершины высокихъ волнъ, и также отрывая отъ поверхности водъ мѣлкія частицы носитъ ихъ по морю; отъ сего происходитъ два рода брызговъ, изъ которыхъ первые называются ſpray, а вторые ſpoon-driſt. Ломоносовъ въ поемѣ своей изобразилъ сіе свирѣпое дѣйствіе моря прекраснымъ стихомъ: дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ.

SPOONING. Мало употребительное слово, тожъ значитъ что ſcudding.

SPRAY. См. ſpoon-driſt.

А. С. Шишков. Треязычный морской словарь 1795 г. Текстовая страница.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ СЛОВАРИ

ЯЗЫКОВЪ

РУССКАГО, ФРАНЦУЗСКАГО, НѢМЕЦКАГО и АНГЛІЙСКАГО,

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ РУССКАГО ЮНОШЕСТВА,

ПО СЛОВАРЯМЪ

Академіи Россійской, Академіи Французской, Аделунга, Гейнзіуса, Джонсона, Вебстера, и по другимъ Лексиконамъ,

СОСТАВЛЕННЫЕ

Филиппомъ Рейфомъ,

Кавалеромъ Россійскаго Ордена Св. Анны, — сочинителемъ *Русской Грамматики* для иностранцев и *Этимологическаго Лексикона Русскаго Языка.*

РУССКІЙ СЛОВАРЬ.

Объясненіе Русскихъ словъ на Французскомъ, на Нѣмецкомъ и на Англійскомъ Языкахъ.

Заключающій въ себѣ:

Всѣ слова и разныя ихъ значенія по Словарю Церковно-Славянскаго и Русскаго Языка, составленному Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ.
Показаніе ударенія на всѣхъ Русскихъ словахъ.
Сокращеніе Всеобщей Грамматики, по правиламъ которой составлены четыре Частныя Грамматики
Краткую Русскую Грамматику, съ синоптическими таблицами склоненій и спряженій.
Географическія наименованія, древнія и новыя.
Исчисленіе употребительнѣйшихъ крестныхъ именъ, также именъ историческихъ и миѳологическихъ
Списокъ употребительныхъ въ Русскомъ Языкѣ сокращеній.
Таблицу Россійскихъ чиновъ и классовъ, военныхъ, морскихъ и гражданскихъ.
Россійскую Метрологію, или приведеніе Россійскихъ вѣсовъ, мѣръ и монетъ во Французскіе Прусскіе, Баденскіе и Англійскіе.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Исправленное съ прибавленіемъ слишкомъ 5000 словъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ и КАРЛСРУЭ.

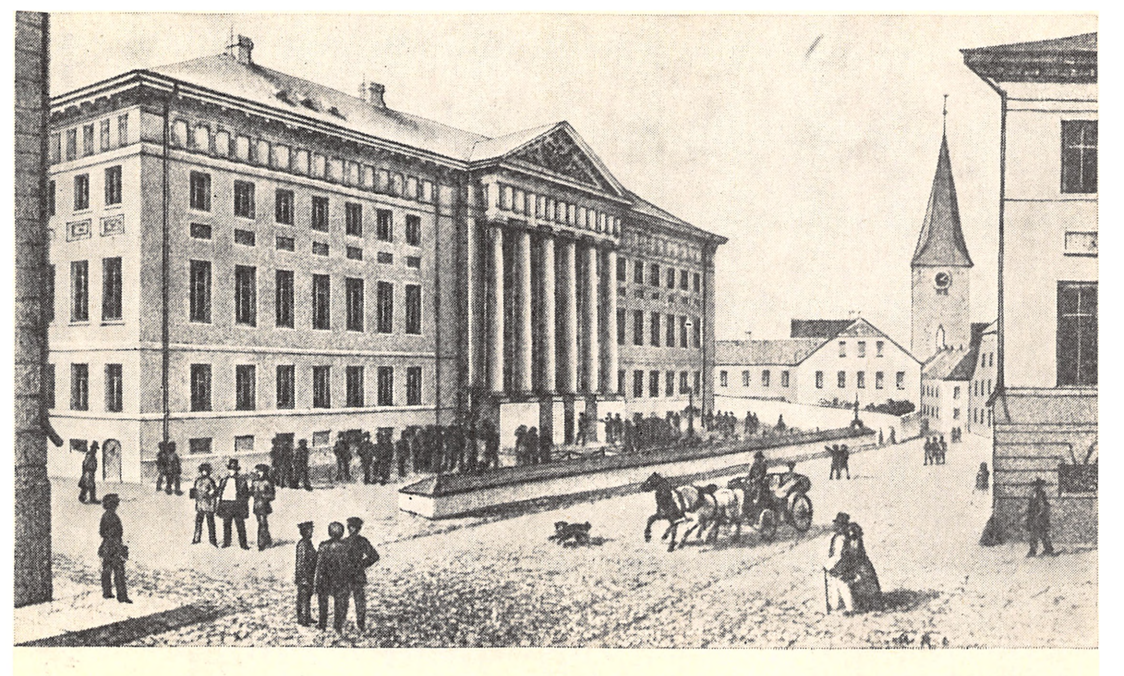
ПЕЧАТАНО ИЖДИВЕНІЕМЪ АВТОРА.

1853.

Ф. И. Рейф. Параллельные словари языков русского, французского, немецкого и английского. Титульный лист издания 1853 г.

Лавръ, *sm. dim.* лаврикъ, le laurier; ‖ *pl. fig.* les lauriers, -*ровый, adj.* ‖ -*вый вѣнецъ*, la couronne de laurier	der Lorbeer, Lorbeerbaum; ‖ die Lorbeere *pl*, ‖ der Lorbeerkranz.	laurel, bay-tree; ‖ laurels *pl* ‖ crown of laurel.
Лагерь, *sm. Milit.* le camp; -*рный*, du camp.	das Lager	a camp.
Лаглинь, *sm. Mar.* la ligne de loch	die Logleine	log-line.
Лагуна, *sf. Geogr.* la lagune	die Lagune	lagune, lagoon.
Лагунка, *sf. и* **Лагунъ**, *sm. dim.* лагунчикъ, la boite à graisse; ‖ *Mar.* la futaille à eau; -*нный, adj.*	der Schmiereimer, das Schmierfaß; ‖ Wasserfaß.	tar-bucket, grease-box; water-cask.
Лагъ, *sm. Mar.* le loch; ‖ la bordée; ‖ le plan d'arrimage; ‖ *палить всѣмъ лагомъ*, lâcher toute une bordée	das Log; ‖ die Lage; ‖ Stauungslage; ‖ eine volle Lage geben.	log; ‖ broad-side, broad tier; ‖ to fire a broad-side.
Ладейный, *adj.* de nacelle (*см.* **Ладья**).	Kahn-, zum Kahne gehörig	boat's.
Ладить, II.4, *va.* accorder (*un instrument*); ‖ adapter, ajuster; ‖ *vn.* (*съ кѣмъ*) vivre en bonne intelligence.	stimmen; ‖ anpassen; ‖ einig leben, sich gut vertragen mit.	to accord, tune; ‖ to fit, adapt; ‖ to live in good terms.
—**ся**, с-, *vr.* réussir; ‖ convenir, s'arranger	gut gehen; ‖ übereinkommen.	to go well; ‖ to agree.
Ладно, *adv. dim.* ладненько, d'accord; ‖ en bonne intelligence, amicalement; ‖ bien, en bon train.	gestimmt; ‖ einig, einstimmig; ‖ gut, glücklich.	in tune; ‖ in concord, on good terms; ‖ well.
Ладный, *adj. dim.* -ненькій, en bonne intelligence.	einig, einstimmig	in concord.
Ладонка, *sf.* 3, amulette (*d'encens*); ‖ navette *f* (*d'image*)	das Weihrauchkissen; ‖ Räucherfaß	amulet; ‖ censer.
Ладонница, *sf.* la boite à l'encens	das Weihrauchkästchen.	incense-box.
Ладончатый, *adj. Bot.* palmé	handförmig	handed.
Ладанъ *и* **Ладонъ**, *sm.* l'encens *m*; -*нный*, d'encens; ‖ *росной* —, le benjoin; ‖ *земной* —, la valériane.	der Weihrauch; ‖ die Benzoe; ‖ die Valeriane, der Baldrian.	incense, frankincense; ‖ benzoin; ‖ valerian.
Ладонь *и fam.* **Ладоша**, *sf. dim.* ладонка, la paume de la main; ‖ *бить въ ладоши*, applaudir.	die flache Hand; ‖ klatschen, in die Hände klatschen.	the palm of the hand; ‖ to clap hands.
Ладунка *и* **Лядунка**, *sf.* 3, *dim.* -ночка, la giberne; ‖ le calbotin (*de cordonnier*); -*ночный, adj.*	die Patrontasche; ‖ der Schusterkorb, Drahtkorb.	cartridge-box, pouch; ‖ shoe-maker's case.
Ладъ, *sm.* la touche (*de luth, de guitare*); ‖ *Mus.* l'accord *m*; ‖ *fig.* la concorde, union, harmonie.	Griff *m*, Griffbrett *n*; ‖ Stimmung; ‖ Eintracht, Einigkeit *f*.	stop (*of a guitar*); ‖ tune, accord; ‖ harmony, concord.
Ладьевидный *и* **-образный**, *adj. Bot.* caréné	nachenförmig	keeled, carinated.
Ладья *и sl.* **Ладія**, *sf. dim.* ладейка, le navire à un mât; ‖ la nacelle; ‖ la tour (*aux échecs*); -*дейный, adj.*	einmastiges Fahrzeug; ‖ der Kahn; ‖ Thurm (im Schachspiele)	decked boat with a mast; ‖ canoe; ‖ rook (*at chess*).
Лаженіе, *sn.* action d'accorder (*un instrument*).	das Stimmen	tuning.
Лажъ, *sm. Com.* l'agio *m*; -*жный*, d'agio	das Agio, der Aufwechsel	agio, exchange.
Лазаретъ, *sm.* le lazaret, hôpital; -*тный*, de lazaret.	das Lazareth, Hospital	lazaretto, hospital.
Лазей, *sf. dim.* лазейка, un trou pour passer en rampant; ‖ *fig.* la porte de derrière.	die Öffnung zum Durchkriechen; ‖ die Hinterthür.	a hole to creep out at; ‖ back-door.
Лазить, II.4, *и* **Лазать**, I.1, *vn.* grimper (*см.* **Лѣзть**).	klettern	to climb, clamber.
Лазня, *sf.* 4, échelier (*fait d'une planche avec des trous*).	das Leiterbrett mit Löchern	a climbing board.
Лазоревка, *sf.* 3, *oiseau*, la mésange bleue	die Blaumeise	blue titmouse.
Лазоревый *и* **Лазуревый**, *adj.* bleu, azuré	himmelblau, lasurblau	azure, sky-blue.
Лазунъ, **-унья**, *s.* grimpeur, -euse	Kletterer, -in	climber.
Лазурикъ, *sm.* le lapis, lapis-lazuli, lazulite	der Lasurstein, Lapis-Lazuli	azure-stone.
Лазурь, *sf.* l'outremer *m*; ‖ le smalt en poudre; ‖ l'azur *m* (*des cieux*), le bleu céleste.	das Ultramarin; ‖ die Schmelte, das Lasur; ‖ Himmelblau.	ultramarine; ‖ smalt in powder; ‖ sky-blue, sky-colour.
Лазутчество, *sn.* l'espionnage *m*, le métier d'espion.	die Kundschafterei	espionage.
Лазутчикъ, **-чица**, *s.* espion, -onne; un émissaire.	Spion, Kundschafter, -in	a spy, scout.
Лай, *sm.* l'aboiement *m*; ‖ injure *f*, outrage *m*	das Bellen; ‖ Schimpfwort	barking; ‖ scolding.
Лайка, *sf.* la peau de chien; -*ковый*, de peau de chien.	das weiß gegärbte Hundefell	kid-skin, dog-skin
Лакей, *sm.* le laquais, domestique; -*йскій*, de laquais.	der Lakei, Bediente	lackey, footman.
Лакированіе, *sn. и* **Лакировка**, *sf.* la vernissure.	die Lackirung, das Firnissen	lackering, varnishing
Лакировать, I.2, на-, *va.* vernir	firnissen, lackiren	to lacker, varnish.
Лакировщикъ *и* **-ровальщикъ**, *sm.* le vernisseur.	der Lackierer	lackerer, varnisher
Лакмусъ, *sm.* le tournesol en drapeaux; -*совый, adj.*	der Lackmus	litmus.
Лаковщикъ, *sm.* le faiseur de laque *ou* de vernis.	der das Lack bereitet	varnish-maker
Лакомить, II.2, *va.* affriander; ‖ **-ся**, *vr.* être friand.	zu naschen geben; ‖ naschen	to render dainty; ‖ to be dainty
Лакомка, *sc.* personne friande *ou* gourmande.	Näscher, -in; das Ledermaul	a dainty person
Лакомство, *sn.* la friandise, gourmandise; -*венный, adj.*	das Naschwerk	dainties, sweet meats, tidbits
Лакомый, *adj.* friand, gourmand; ‖ friand, délicat; ‖ (*до чего*) friand de; **-мо**, avec friandise.	naschhaft, näschig; ‖ lecker, köstlich; ‖ gierig nach.	dainty-mouthed; ‖ dainty, nice; ‖ fond of

Ф. И. Рейф. Параллельные словари языков русского, французского, немецкого и английского. Текстовая страница издания 1853 г.

Главное здание Тартуского университета в первой половине XIX в.

помощью учебника прошлого века. Зато с конца 50-х годов к немецким документам приложены их копии на русском, что наглядно свидетельствует о введении русского языка в делопроизводство во второй половине XIX в.

До прихода в университет Павловский (1800—1869) занимал очень скромное положение. Он происходил, как указано в послужном списке, «из обер-офицерских детей», жил в Риге (Рига, как и Тарту, входила в состав Лифляндской губернии). Закончил Рижскую гимназию, поступил на службу в почтовую контору, потом устроился учителем русского языка и чистописания в г. Валки. В 1831 г. ему удалось перейти «учителем наук», т. е. русского языка, истории и географии, в русское уездное училище в Риге.

Профессор Розберг в 1837 г. инспектировал училища Лифляндской губернии, и Павловский произвел на него хорошее впечатление. Последовало приглашение в университет.

Из послужного списка можно видеть, что Павловский успешно продвигался по службе. Начав с коллежского регистратора, самого маленького чина, он последовательно получал чины коллежского секретаря, титулярного советника, коллежского асессора, надворного советника и, наконец, коллежского советника, которым и закончил службу. В табели о рангах этот гражданский чин соответствовал военному чину полковника. Многие документы говорят о старательной, безупречной работе лектора Павловского: это свидетельства о присуждении знаков отличия и денежных вознаграждений, о награждении двумя орденами, прекрасные аттестаты. Даже такой факт, как регулярное досрочное возвращение из отпусков, свидетельствует о служебном усердии. Но отсутствие университетского образования мешало ему стать профессором.

Прослужив на государственной службе 35 лет, Павловский остался бедняком. Об этом говорят последние листы его личного дела, написанные уже после смерти Павловского. Спустя несколько лет после кончины отца, в 1873 г., его дочь Александра (всего же у Павловского было семеро детей) обратилась в Совет университета с прошением о назначении ей, как нетрудоспособной по болезни, пенсии за отца. На врачебном свидетельстве есть пометка: «по бедности свидетельство выдано на простой бумаге» — это означает, что у просительницы не было средств на дорогостоящую гербовую бумагу. К прошению

приложено и свидетельство местных властей о проверке имущественного положения вдовы и дочери — оно признано действительно бедственным. Однако, как явствует из последующих бумаг, после долгой бюрократической волокиты дочери Павловского в пенсии было отказано.

Забегая вперед, зададим себе вопрос, как же могла бедствовать семья автора фундаментальных словарей, неужели от их продажи он не получил доходов? Дело в том, что при жизни Павловского вышло всего три издания словарей, а в 1858 г. он ушел по болезни в отставку с пенсией 857 руб. в год, на которую должен был содержать семью. Доходы от последующих изданий словарей достались рижскому издателю и книготорговцу Н. Киммелю, фирма которого выпускала словари Павловского до 1911 г.

Вернемся в 30-е годы, когда Павловский только начал преподавать в университете. Его обязанности как лектора состояли в объяснении русской грамматики, в обучении чтению и письму, в разборе со студентами отрывков из художественных произведений русских авторов. Официальные программы диктовали, какие авторы должны были представлять русскую литературу. Это были стихотворения Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева и Н. И. Гнедича[6]. Конечно, при таком отборе русская словесность выглядела обедненной, так как студенты не знакомились с Пушкиным, Лермонтовым, Грибоедовым, Гоголем.

Чуть ли не с первого дня работы в университете Павловскому пришлось взяться за написание учебника. Спустя год, в 1838 г., «Учебник русского языка для немцев» уже был напечатан[7]. Он имел универсальный характер, т. е. содержал сведения по фонетике, орфографии, морфологии, синтаксису, а сверх того — правила русского стихосложения. В нем были также разговорник на бытовые темы, немецкая и русская хрестоматия и словарь. Для хрестоматии материал отбирался также в соответствии с официальными установками. В нее вошли отрывки из произведений Державина, Карамзина, Дмитриева, Жуковского, Гнедича, Греча и некоторых других писателей эпохи классицизма, сентиментализма и романтизма. Предлагаемые студентам тексты повествовали в большинстве случаев в духе официального патриотизма о победах русского оружия, об эпизодах из жизни русских царей, прославляющих их высокие душевные качества, и т. д. Лишь одно стихотворение Пушкина нашло себе место на страницах учебника.

Научный — лингвистический и методический — уровень учебника Павловского не вызывает сомнений, но, очевидно, главное его достоинство официальные органы видели в другом — в мировоззренческой и политической направленности. Он не содержал идей вольнодумных писателей, учил патриотизму и почитанию царской фамилии. Награда не заставила себя ждать: за представленный царю экземпляр учебника его автору был пожалован бриллиантовый перстень.

Делать выводы о взглядах самого Павловского по этому первому печатному труду преждевременно. Мы еще увидим, какие противоречивые тенденции обнаруживались в словарях Павловского, созданных в особых социально-исторических условиях в этой части Российской империи.

Павловский начал создавать свои труды, когда на прикладные науки, на методику обучения языкам, на практическую лексикографию уже активно воздействовали новые теоретические данные науки о языке. Первая половина XIX в.— начало развития теории сравнительно-исторического языкознания. Лингвисты познакомились к этому времени почти со всеми языками земного шара и начали их сопоставлять, сравнивать. Пробудился интерес к древним памятникам письменности, и началось изучение истории языков, их происхождения и родства. Ученые задумались над сложными лингвистическими проблемами и попытались их решить. Уже поставлен вопрос, как соотносятся мышление и язык, и высказано предположение, что слова являются изображением мыслей. Лингвисты задумались над значением слова и отождествили его с представлением о предмете. Очень много внимания уделялось конкретным сторонам языка и речи — звуковому и графическому образу слова, его структуре, происхождению, классификации по частям речи.

Прежде чем говорить о словарях Павловского, которые также отразили новый уровень знаний о языке, следует остановиться еще на одной стороне его деятельности — на географических сочинениях. Еще работая «преподавателем наук» в уездном училище, Павловский приобрел опыт в преподавании географии и выработал систему взглядов на обучение этой науке. Став лектором Тартуского университета, Павловский не утратил интереса к географии и в свободное время написал несколько учебников для начальных и средних учебных заведений. В 1841 г. вышло его «Начертание географии Российской империи» как руководство для начального преподавания

географии в уездных училищах своего учебного округа. Продолжая работать, Павловский подготовил «Географию Российской империи» для гимназического курса. В 1846 г. этот учебник вышел вторым изданием под названием «Пространная география Российской империи». Географические труды Павловского не прошли незамеченными: в 1844 г. «География Российской империи» была представлена на соискание Демидовской премии и получила почетный отзыв Академии наук. Рассматривал это сочинение академик П. И. Кеппен, географ и этнограф, учредитель Русского географического общества, членом которого стал Павловский. В отзыве Кеппена отмечается самостоятельность труда Павловского и глубокое знание материала [8].

Разносторонние интересы и энциклопедичность имеют существенное значение для работы лексикографа, так как он обрабатывает материал, взятый из различных областей деятельности. Пожалуй, общим правилом можно считать, что выдающийся лексикограф должен проявить себя и на других поприщах, не ограничиваясь одной лексикографией. История лексикографии подтверждает это примерами Е. Славинецкого, Ф. Поликарпова-Орлова, Я. Брюса. Павловский не был исключением, завоевав признание не только как автор словарей, но и как специалист в одной из естественных наук.

Фундаментальные труды Павловского — это «Полный немецко-русский словарь» 1856 г. (второе издание — 1867 г., третье — 1897 г.) и «Полный русско-немецкий словарь» 1859 г. (второе издание — 1874—1879 гг., третье издание — 1895—1898 гг., четвертое — 1911 г.).

При особом внимании властей к внедрению русского языка Павловскому была обеспечена поддержка в его словарной работе. Автор упоминает в предисловии к первому изданию немецко-русского словаря одно из официальных предписаний разработать полный словарь, который нужен как в учебных заведениях, так и при производстве гражданских дел, для врачей, адвокатов, сельских хозяев и т. д. Свое намерение взяться за составление словаря Павловский объясняет неудовлетворительностью имеющихся словарей и желанием создать основательное руководство для изучения русского языка.

Прежние словари не могли быть удовлетворительными, потому что они не соответствовали новому уровню языкознания и потому что в русском языке произошли большие перемены. Все, что нарастало и назревало в XVII и

XVIII вв., стремительно стало проявляться в языке. Процесс формирования национального языка пришел к завершению, и целый ряд преобразований определил общенациональную языковую норму.

Важнейшим этапом в развитии лексики русского языка были 20—30-е годы — период расцвета художественной литературы и искусства, развития общественной мысли. В 50—60-е годы на язык оказали влияние коренные социально-экономические изменения, т. е. начало развития капитализма в России. Павловский приступил к работе над словарями в 40-е годы, и при его жизни вышли два издания немецко-русского (1856 и 1867 гг.) и одно издание русско-немецкого словаря (1859 г.). Таким образом, преобразования в составе русского языка должны были найти отражение в них.

Преобразования лексического состава заключались в том, что появилось много новых слов, новые черты приобрели заимствования, литературная речь обогатилась народно-разговорной лексикой, в литературную речь более свободно стали проникать специальные термины, сузилась сфера использования книжно-славянской лексики, претерпели изменения значения многих слов. Эти явления были общими для языка и носили характер единых норм.

Преобразования должны были проявиться прежде всего в словнике русско-немецкого словаря, с которого мы и начнем. При этом нас будет интересовать 2-е издание [9], вышедшее в 1879 г., которое может дать более полную картину состава лексики. В подготовке этого издания принимали участие еще два лексикографа — И. Николич и Н. Асмус, преподаватели русского языка, также работавшие в Дерпте. Они дополнили первоначальный словник Павловского, причем из предисловия ко 2-му изданию явствует, что их целью было «соображаться с постоянным развитием языков», т. е. они осознавали протекавшие в русском языке преобразования. Многое было почерпнуто соавторами Павловского и из словаря В. И. Даля, вышедшего в 1863—1866 годах.

Мы и обратим прежде всего внимание на народно-разговорную лексику. Ведь наиболее характерным для новых норм литературного языка было разрушение стилистических рамок, создание демократической основы. Русские литераторы вводили разговорно-просторечные слова уже не только в речи персонажей, но и в авторскую речь как обычные нейтральные слова. Эта лексика получила доступ в прозу и поэзию, в критические статьи, публицистику,

мемуары, частные письма, устную речь. Напомним некоторые строки из произведений Пушкина: «С утра садимся мы в телегу; Мы рады голову сломать...» (Телега жизни, 1823); «Я только в скобках замечаю, Что нет презренной клеветы, На чердаке вралем рожденной И светской чернью ободренной, Что нет нелепицы такой, Ни эпиграммы площадной, Которой бы ваш друг с улыбкой, В кругу порядочных людей Без всякой злобы и затей Не повторит стократ ошибкой» (Евгений Онегин, 1823—1831). «Сломать голову», «враль», «нелепица», «без затей» не ощущаются как простонародные, они полноправны в художественном тексте и не снижают поэтичности.

Так формируется пласт «простых» слов, не несущих особо заметной эмоциональной окрашенности. Словарь Павловского буквально насыщен просторечиями этого характера: *бубнить, вызволить, выкрутасы, голодовка, голытьба, дешевка, ерунда, живоглот, жулик, завзятый, зазнайка, залихватский, занозистый, занятный, заправский, застрять, зубрить, карабкаться, клянчить, лебезить, нагрянуть, несусветный, неудачник, плакаться, самодур, поколотить, семенить, смаковать, чваниться.* Они даются без каких-либо помет, т. е. признаются обычными литературными словами. Более грубые просторечия, вульгарные или бранные слова Павловский также включает, иногда с пометами, иногда без них: *доконать* (без пометы), *разиня* (без пометы), *рожа* (с пометой verächt, что значит 'презрительно'), *околеть* (без пометы), *хрыч* (без пометы), *якшаться* (без пометы).

Лексикографическая обработка просторечий у Павловского отличает его словарь, в частности, от словарей Рейфа. Последний охотно включал просторечия, но обычно отделял их от литературной речи специальными пометами. Перечисленные выше разговорно-просторечные слова у Рейфа отсутствуют.

Если элементы народно-разговорной речи в литературном языке активизируются, то архаичные церковнославянские элементы сходят на нет, а книжно-славянская лексика становится менее устойчивой. Ее использование литераторами зависит теперь от индивидуальных склонностей, идейных позиций, характера дарования. Рылеев, Кюхельбекер и другие декабристы, высоко ставившие национально-русские элементы в языке, или Карамзин, представитель старшего поколения, предпочитали высокоторжественный слог и архаичные обороты. Славянизмы уместны были в трагедиях, одах, лирике, переводах антич-

ных авторов. Книжно-славянская лексика закрепилась в официально-деловом и научном стилях. Решающую роль в судьбе славянизмов сыграло творчество Пушкина, который исходил из принципа художественности, т. е. отрицал их необоснованное употребление и использовал как изобразительное средство.

Павловский, если судить по его словнику, к славянизмам относился положительно. Иначе и не могло быть, потому что он находился на государственной службе. Он не имел свободы в выборе учебного материала для студентов — официальное литературоведение выдвигало на первый план таких писателей, как Державин, Карамзин, Жуковский, Гнедич. Официально-деловая переписка в Остзейском крае велась, как и везде, на том специфическом русском языке, который был витиеват, торжествен, архаичен. Именно в этих условиях несли свою службу словари Павловского.

Пласт книжно-славянской и даже церковнославянской лексики в «Русско-немецком словаре» довольно значителен. Там есть слова типа *благоглаголание, благозаконие, благомилостивый, возблистание* и книжно-славянская лексика, как например *алкать, воитель, горнило, преуспеяние, преткновение, лобзать, влачиться.* Наряду с полногласными *ворон, голос, молоко, голод* и т. д. есть их неполногласные эквиваленты *вран, глас, млеко, глад.*

Словарь должен был, конечно, отразить пополнение русского языка новыми словами. Этот процесс происходит непрерывно, но в столь важный период новообразования (имеются в виду новообразования на русском материале) носили особый характер.

Значительная часть новообразований пришла из художественных и публицистических произведений. Великие русские писатели XIX в. обратились к изучению человеческого разума, чувств, страстей, исследовали глубины человеческой души. Понадобились новые понятия, чтобы изобразить оттенки в поведении, нюансы характеров, богатство внутреннего мира.

Помимо этой категории новообразований появилась большая группа слов отвлеченного характера, вошедших в литературу и в общее употребление из философских, экономических и других наук. Опять-таки из нашей классической литературы мы знаем, что русская интеллигенция увлекалась разговорами на отвлеченные темы, много и охотно спорила об убеждениях и мировоззрении, горячо обсуждала новейшие научные достижения. Отвлеченно-

книжная лексика также должна была появиться у Павловского.

Действительно, Павловский фиксирует многие из новообразований этого типа. Физические особенности человека могут быть обрисованы такими словами, присутствующими у Павловского и новыми для первой половины XIX в.: *близорукий, мешковатый, неуклюжий, пугливый* или, наоборот, *молодцеватый, выносливый, живучий, изворотливый, настойчивый, находчивый, увертливый, шаловливый*. Из духовных качеств человека получили свое название *бездушность, вкрадчивость, неразборчивость, расчетливость, отходчивость, привередливость, докучливость, несговорчивость, развязность, уживчивость* и т. д. Такие существительные, оканчивающиеся на *-ость*, не были зарегистрированы в прежних словарях, в частности, у Рейфа. Павловский же дает их в большом количестве.

Лексика отвлеченного характера включает, например, наименования качеств предметов и явлений: *безраздельность, безусловность, беспримерность, бесспорность, бесцветность, громадность, двусторонность, добротность, заманчивость, недоступность, незначительность, несвязность, неустойчивость, однородность*. Можно назвать также ряд терминов из экономики или естественных наук, получивших переносное значение и вошедших в общелитературную речь: *доходность, малонаселенность, оборотливость, обледенение, замораживание, перегорание, перекачивание, подмерзание*.

Появление в русском языке иноязычных заимствований приобрело постоянный характер, так как русская культура активно взаимодействовала с культурами других народов. Отличием процесса заимствования в первой половине XIX в. было расширение ареала языков, откуда брались новые слова. Уменьшается влияние французского, в чем сыграла роль Отечественная война 1812 г., усиливается влияние английского. Немецкий язык по сравнению с началом XVIII в. много потерял в своем значении, хотя отдельные термины и слова бытового характера понемногу просачиваются. Благодаря увлечению русского общества итальянской музыкой и поэзией появляются итальянские заимствования. Усиливается влияние славянских языков, например польского. Появляются слова из восточных языков.

Эта богатая палитра показана Павловским. Он приводит новые (т. е. датируемые XIX в.) французские заим-

ствований, главным образом из дворянской жизни: *ангажировать, бонвояж* (род экипажа), *бонмо* (меткое слово), *бонтон* (хороший тон), *плерезы, шемизетка* (два последних слова есть также и у Рейфа). Из английского языка пришли в этот период *пудинг, пари, сквер* (есть у Рейфа), *бокс, боксовать, денди* и др. Немецкий язык дал в этот период *бутерброд, курорт, гросфатер* (название танца), *шпиц* (порода собак), *штрек, штольня.* Немало в словнике итальянских слов: *речитатив, опера, квартет, кантата* и т. д. Польского происхождения слова *пан, паненка, мазурка, конфедератка.* И наконец, словник изобилует заимствованиями из татарского, киргизского, турецкого, персидского и других восточных языков. Среди них *джиик* (татарский праздник), *джертак* (киргизская одежда), *джелпас* (киргизский ковер), *джурапки* (персидские пестрые носки), *дервиш, брынза, кунак, аул, сакля, чадра, фелюга, минарет, мамалыга,* и т. д.

Среди заимствований нужно упомянуть интернационализмы, созданные главным образом на латинской основе и вошедшие во многие языки: *антагонизм, бюрократизм, вандализм, журналистика, идеология, протестантизм, романтизм, терроризм, фатализм* и др.

В словарях Павловского термины должны были играть особо важную роль. В деловую жизнь, официальную переписку, обучение — а в этих сферах широко употреблялись специальные термины — вместо немецкого вводился *русский язык.* Юристу, врачу, ветеринару, аптекарю, учителю, инженеру, чиновнику, коммерсанту, сельскому хозяину нужно было научиться переводить немецкие термины на русский язык. Словари Павловского (теперь нам нужно рассмотреть немецко-русские словари) были единственными и универсальными, кроме них узнать значение немецких терминов было негде. Автор не мог ограничиться только основными терминами, ему пришлось собрать и перевести отраслевые и узкоотраслевые термины по многим областям науки, техники, сельского хозяйства, государственному управлению, ремеслам и промыслам.

Возьмем медицину [10]. Павловский разрабатывает медицинскую терминологию весьма детально. Общие понятия представлены наименованиями основных разделов этой науки: Anatomie, Chirurgie, Physiologie, Therapie, Embryologie, Hygiene и т. д. С каждым из основных понятий связаны десятки терминов, обозначающих предметы, процессы, состояния, свойства, величины, профессии и занятия в области лечения людей и предупреждения

болезней. Например, анатомические термины, описывающие форму и строение тела человека и его органов, даны до уровня сосудов, желез, протоков, связок, волокон:

Lunge, *f. легкое*
Lungenband, *n. легочная связка*
Lungenflügel, *pl. доли легких*
Lungengefäße, *pl. легочные сосуды*
Leber, *f. печень*
Leberdrüsen, *pl. печеночные железы*
Lebergallengang, *m. желчно-печеночный проток*
Leberpfortader, *f. воротная вена печеночная*
Muskel, *f. мускул, мышца*
Muskelband, *n. мышечная связка*
Muskelbündel, *pl. мышечные волокна*

Обширна группа терминов, обозначающих болезни человека. В те времена свирепствовали еще эпидемии холеры, чумы, тифа, оспы. У Павловского есть:

Cholera, *f. холера*
Choleraanfall, *m. припадок холеры*
Pest, *f. чума*
Pestabszeß, *m. чумный карбункул*
pestiges Fieber, *n. чумная лихорадка*
pestige Seuche, *f. моровая язва*
Typhus, *m. тиф, тифозная горячка*

Страшным бичом был туберкулез, и Павловский дает ряд терминов по этому заболеванию (следует обратить внимание, что существовало по два-три синонима для обозначения болезни, симптомов и больного).

Lungenschwindsucht, *f. чахотка*
Lungenfäule, *f. чахотка*
Schwindsucht, *f. чахотка*
feuchte Lungenschwindsucht, *f. мокротная легочная чахотка*
Knotenlungensucht, *f. бугорчатая чахотка легких*
schwindsüchtig, *adj. чахоточный*
lungenfaul, *adj. чахоточный*
tuberculös, *adj. туберкулезный*
Blutauswurf, *m. кровохарканье*
Bluthusten, *n. кровохарканье*

Привести перечень названий всех болезней, конечно, невозможно, он был бы слишком длинен. Ограничимся небольшим списком:

Epilepsie, *f. эпилепсия, падучая болезнь*
Lungenentzündung, *f. воспаление легких*
Krebsschaden, *m. раковая язва, рак*
Gangräne, *f. антонов огонь, гангрена*
Gelbsucht, *f. желтуха, желтая немочь, желтушная болезнь*
Magenkatarr, *m. желудочный катарр*
Influenz, *f. инфлуэнца*
Atembeschwerde, *f. одышка*

Bluterweiterung, *f. расширение вен*
Geschwür, *n. нарыв, веред*
Schnupfen, *m. насморк*

Среди названий методов лечения и лечебных средств у Павловского есть:

Operation, *f. операция*
Amputation, *f. ампутация*
Einrenkung, *f. вправливание*
Arznei, *f. лекарство*
Arzneiküchelchen, *n. лепешка лекарственная*
Arzneikügelchen, *n. пилюля*
Mixtur, *f. микстура*
Blütegel, *f. пиявка*
Stuhlzäpfchen, *n. слабительная сосулька, свеча*
Bandage, *f. бандаж, хирургическая перевязка*
Compresse, *f. компресс*
Diät, *f. диета*
Heilbrunnen, *m. целительные воды*
Acupunktur, *f. укалывание иглою, акупунктура*

Необходимы в словнике были, конечно, названия учреждений и должностных лиц медицинской службы:

Medicinalbeamte, *m. чиновник врачебной управы*
Medicinalbehörde, *f. врачебная управа*
Medicinalinspektor, *m. инспектор врачебной управы*
Medicinalpolizei, *f. медицинская полиция*

Столь же основательно автор провел работу с юридическими, промышленными, сельскохозяйственными и другими терминами. Павловский обратил также внимание на промыслы и ремесла, например на добычу и обработку янтаря, которые имели для Прибалтики всегда большое значение. Ни в одном старинном или современном словаре мы не найдем такого полного списка терминов по янтарному промыслу, какой дал Павловский:

Bernstein, *m. янтарь*
Bernsteinarbeit, *f. янтарная работа*
Bernsteinarbeiter, *m. янтарных дел мастер*
Bernsteincolophonium, *n. янтарная смола*
Bernsteindrechsler, *m. янтарных дел мастер*
Bernsteinessenz, *f. янтарная эссенция*
Bernsteinfang, *m. янтарная ловля*
Bernsteinfänger, *m. занимающийся янтарною ловлею*
Bernsteinfirnis, *m. лак янтарный*
Bernsteingericht, *n. палата, заведывающая делами по янтарному промыслу*
Bernsteinhandel, *m. торг янтарем*
Bernsteinkammer, *f.* см. Bernsteingericht
Bernsteinkirsche, *f. желтая стеклянная вишня*
Bernsteinkohle, *f. янтарная смола*
Bernsteinkorallen, *pl. янтарные бусы*

Bernsteinkörnchen, *n. янтарик*
Bernsteinlager, *n. месторождение янтаря*
Bernsteinmundstück, *n. янтарный мундштук*
Bernsteinöl, *n. янтарное масло*
Bernsteinperlen, *pl. янтарные кральки*
Bernsteinsammler, *m. собиратель янтаря*
Bernsteinsäure, *f. янтарная кислота*
Bernsteinschnecke, *f. янтарка*
Bernsteinschnur, *f. нитка янтаря*
Bernsteinspiritus, *m. янтарный спирт*
Bernsteinspitze, *f. янтарный мундштук*
Bernsteinverwaltung, *f. управление по янтарнопромышленной части*

Среди терминов особое место к середине XIX в. стали занимать общественно-политические и публицистические термины. Развивалась общественная мысль, распространялись революционные идеи, и это оказало прямое воздействие на язык, активизировало в нем элементы публицистического стиля. Словарь Павловского и в этом отношении шел вровень со своим временем. Приведем небольшой список терминов: Capitalist, Commune, Conservator, Constitution, Demokratie, Despotismus, Enthusiasmus, Idee, Klasse, Liberale, Manifestation, Parlament, Patriot, Partei, Pauperismus, Polemik, Princip, Progreß, Proletariat, Propaganda, Revolution, Solidarität.

О переводе этих терминов у Павловского нужно говорить особо, что мы и сделаем при знакомстве с переводной частью словаря.

Особенностью терминологической части словника является включение в него латинских и других иноязычных слов, не освоенных языком, оставшихся в нем чужеродными элементами. Такие слова называются варваризмами. Их пришлось выделить даже с помощью шрифта — немецкие слова набраны готическим, а варваризмы — латинским шрифтом. В первую очередь варваризмы представлены латинскими юридическими терминами: Culpa, *f. вина;* Dominus, *m. хозяин;* quo titulo *по законной причине;* Emissa manu *рукобитье*; Negotorium gestio *заведывание чужими делами* (*не имея на то поручения*) и т. д. Есть некоторое количество итальянских музыкальных терминологических оборотов: Con fuoco *живо, с одушевлением*; Con grandezza *с важностью, с достоинством;* Con passione *с чувством* и т. д.

Появление варваризмов, которые обычно в словари не включались и не включаются, вызвано, по всей видимости, универсальным характером словаря, дающего максимум разнообразной информации.

Итак, Павловский был лексикографом, который открыл терминам широкий доступ в словарь общеупотребительной лексики. Первоначально в русской лексикографии сложилось мнение, что количество терминов должно быть минимальным, но эта концепция (принадлежавшая составителям Словаря Академии Российской) теряла постепенно свой абсолютный характер. Роль науки возрастала, распространение просвещения делало термины доступными для понимания более широкого круга людей. И в лексикографии стали равноправными две диаметрально противоположные точки зрения: что термины в словарях общедоступной лексики нежелательны и что термины необходимы. Переводной словарь Павловского был убедительным доказательством в пользу второй точки зрения.

В очерках о первых переводных словарях мы уже обратили внимание на системный подход к лексике. Большая заслуга лексикографов была в том, что они не «тонули» в океане слов, а вносили упорядоченность в эту стихию, управляли ею, классифицируя слова по различным признакам, прослеживая системные связи слов. В учебных словарях этому часто помогала тематическая структура, в алфавитных словарях помогали комментарии к словам и пометы. Конечно, ни в XVII, ни в XVIII, ни даже в XIX столетии не был еще сформулирован теоретический принцип системности словника, но практически, на основании элементарной логики, здравого смысла и интуиции принцип успешно осуществлялся. В словарях Павловского он также служит основой построения словника, что можно было видеть хотя бы на примере медицинской терминологии. У Павловского можно заметить и нечто новое — системность значений слов в словарной статье. Этот еще более глубокий уровень системности достигнут впервые, и Павловский может в этом отношении померяться с лексикографами XX в.

Еще одна сторона словника имеет исключительно большое значение: достаточно ли полно представлена в нем фразеология? К середине XIX в. по фразеологии разных языков были накоплены немалые сведения. Лингвисты многих стран собирали и изучали фразеологию, составляли словари и сборники фразеологических оборотов. Чтобы не отставать от времени, переводные словари должны были отразить этот лексический пласт.

Фразеологическими единицами (фразеологизмами, идиомами) называют устойчивые словосочетания, значение которых не выводится из значений его компонентов. Если

потерять кошелек представляет собой свободное словосочетание, где компоненты легко заменяются другими (*найти кошелек, потерять часы* и т. д.), то *потерять голову* означает совсем иное, не связанное с прямым значением компонентов,— 'увлечься', 'забыться'. Один из признаков идиом в том, что они не переводятся буквально на иностранные языки.

Группа фразеологизмов обширна. В нее входят глагольные обороты (*потерять голову, навострить лыжи*), субстантивные обороты (*ирония судьбы*), наречные обороты (*не покладая рук*, т. е. 'старательно'), адъективные обороты (*без царя в голове*, т. е. 'глупый', *кожа да кости*, т. е. 'худой') и некоторые другие. К фразеологизмам примыкают поговорки (*буря в стакане воды*), пословицы (*Не все то золото, что блестит*), крылатые выражения из различных источников. Для лексикографа может иметь значение происхождение фразеологизмов; так, Павловский охотно использовал исконно русские и заимствованные из старославянского языка обороты (*со всей душой, боже сохрани, альфа и омега*), но пренебрегал идиомами из античных мифов, такими как *ахиллесова пята, яблоко раздора, стрела амура, сизифов труд, танталовы муки, прокрустово ложе, крокодиловы слезы.*

Ко времени составления словарей Павловского существовали уже значительные материалы по фразеологии немецкого и русского языков. Очень многое было сделано Якобом и Вильгельмом Гриммами, основоположниками научной германистики, посвятившими себя изучению лексики и грамматики немецкого языка, занимавшимися историей языка, фольклором (мы с детства знаем сказки братьев Гримм), мифологией. Кроме братьев Гримм фразеологическими оборотами, в частности поговорками и пословицами, в первой половине XIX в. занимались и другие немецкие лингвисты. В России фразеологию собирал В. И. Даль, а до него сборник русских пословиц издал И. М. Снегирев [11].

В идиомах, поговорках и пословицах, крылатых выражениях запечатлевается характер народа, его жизненный опыт и жизненные правила, отражается его культура и его история. Пословицы и поговорки бывают поэтичны, бывают насмешливы и сатиричны, всегда метки и остроумны. Переводной словарь, содержащий богатую фразеологию, ценен не только с языковой, но и с этнографической и культурно-исторической точки зрения.

Возьмем у Павловского самую рядовую, среднюю по объему статью к слову Land:

Land, *n. земля*; das trockene L. *суша*; das feste L. *материк*; tragbares L. *почва*; das L. bauen *обрабатывать землю*; das Leben auf dem. L. *жизнь в деревне, сельская жизнь*; auf's L. ziehen *переезжать в деревню* (*на дачу*); in Feindes L-e *в неприятельской земле*; im L-e (Vaterlande) bleiben *оставаться в отечестве*; aus dem L-e gehen *выходить за границу, оставить отечество*; in fremden Ländern umherreisen *путешествовать по чужим краям*; Sprw. So manches L., so manche Sitte *что город, то норов, что деревня, то обычай*

Мы видим, что Павловский дает много сочетаний, но не свободных сочетаний (типа *далекая, близкая, прекрасная земля*), а фразеологических, где слово Land всякий раз обретает новый оттенок значения — *суша, материк, почва, деревня, отечество*. Отбираются сочетания с прилагательными и с глаголами. Приведена пословица со словом Land. Такая разработка сочетаемости означала очень много и для читателя словаря и для языкознания. Слово представало не изолированно, а в миниатюрном контексте, оно обрастало живой тканью, читатель погружался в поток живой речи. А для лингвистики накопление фактического материала имело величайшую научную ценность. Сам автор отдавал себе отчет в значении фразеологизмов для словаря, так как указывал в предисловии: «В каждой статье приводятся по возможности все те фразы (обороты), которые дословно непереводимы на русский язык». Некоторые статьи содержат до сотни словосочетаний, например статьи к глаголам kommen, gehen, sehen.

В отборе фразеологии, особенно пословиц и поговорок, автор не может быть только хладнокровным и бесстрастным регистратором, потому что она сама обладает эмоциональной и социальной окрашенностью. Ведь даже научно-техническая терминология позволяет проникнуть в умонастроения лексикографа, как мы наблюдали это на примере из словаря Шишкова; тем более должны быть заметны позиции автора в работе с языковой афористикой.

У Павловского обращают на себя внимание пословицы, касающиеся бедности и бедняков. В приведенных им пословицах бедность не позор, беда может настигнуть каждого человека, к беднякам нужно относиться с пониманием и сочувствием: *Никто того не ведает, как бедный обедает*; *Нужда железо ломает*; *Голодного баснями не кормят*; *Грех да беда на кого не живет*; *Коль можешь, веселись, а все на бедных оглянись* (это примеры из «Немецко-русского словаря», но исходные немецкие посло-

вицы здесь не приводятся, так как Павловский в переводе часто довольно далеко уходит от подлинника). В некоторых пословицах звучат отголоски классовых противоречий: *Сытый голодного не разумеет*; *Всякий барин свою милость хвалит, а нашу услугу ни во что не ставит; Потянешься за барами, распрощаешься с амбарами*. Конечно, таких пословиц было много больше, чем привел Павловский, в подцензурном издании отрицательное отношение к правящему классу не могло найти выражения. Некоторая часть пословиц, имевших своим объектом лиц духовного звания, также попала в словарь. В них народ высмеивал жадность священнослужителей: *Деньга и попа в яму заведет*; *Богу слава, а попу каравай сала* и т. д.

Ради объективности нужно упомянуть пословицы, якобы доказывающие смирение русского народа, его христианскую примиренность с судьбой. Властями охотно принималась и поощрялась эта концепция, послушный и богобоязненный «русский мужичок» выдавался за истинный образ русского человека. Те пословицы, которые выражали покорность судьбе, на самом деле обобщали горький жизненный опыт. Они присутствовали во многих словарях и сборниках пословиц. У Павловского есть: *От судьбы на коне не уедешь*; *Чему быть, того не миновать*; *Против рожна не полезешь*; *Где сила, там уму могила*; *Чего бог не дал, того негде взять*; *Кому бог поможет, тот все переможет*.

Больше всего пословиц, содержащих советы и рекомендации, одобряющих хорошие качества человека и порицающих плохие: *Хлеб ешь, а правду режь*; *В согласном стаде волк не страшен*; *Век живи, век учись*; *Не иди в воду, не поискав броду; Терпи казак, атаманом будешь; Хоть он молчит, а двоих научит*; *Борода выросла, а ума не вынесла* и т. д.

Личность автора вырисовывается через отбор пословиц с демократической стороны. Он подчеркивает через пословицы мрачные стороны жизни народа, даже не чужд некоторой критике существующего положения. Включение пословиц демократического характера в словарь имело, нужно полагать, положительное воздействие на читателя. Он знакомился с народной мудростью, кого-то могла привлечь мысль или форма ее выражения, ее сходство или различие с немецкой пословицей. Через русскую народную афористику читатель узнавал о характере народа. Так словарь выполнял гуманистическую функцию.

Познакомимся теперь с переводной частью словарей Павловского. Для решения переводческих задач автор имел один очень благоприятный фактор — двуязычие, сопоставление двух, а не трех-четырех языков. Ведь в многоязычном словаре перед составителем несколько узких граф, куда нужно поместить одинаковые и идущие в одинаковой последовательности значения. В таких условиях иногда приходится искусственно подгонять материал под единую схему, исключать то, что в эту схему не входит. Совсем иное дело — двуязычный словарь, где можно развернуться, где нет узких искусственных рамок и ничто не стесняет творческой работы над значением слова.

Возможности, вытекающие из двуязычия, Павловским использованы блестяще. Его работа над значением слов достойна, чтобы говорить о ней сегодня с большим уважением. Павловский практически следовал тем лексикографическим концепциям, которые были осознаны и обоснованы гораздо позже, главным образом в трудах советских ученых Л. В. Щербы и В. В. Виноградова.

Чтобы перевести слово с одного языка на другой, нужно сначала выявить все значения этого слова (происходит эта операция с помощью большого числа примеров из различных видов литературы; разумеется, современный автор переводных словарей этим сам не занимается, а пользуется толковыми, энциклопедическими, фразеологическими и другими словарями), а затем найти в иностранном языке соответствия этим значениям. В очень упрощенном виде (а теория перевода пользуется сейчас довольно сложными моделями, в том числе и математическими) перевод можно представить себе состоящим из двух процессов: перехода от слова к значению в исходном языке и перехода от значения к слову в переводящем языке. Современная семасиология (раздел языкознания, изучающий значение единиц языка) выделяет прямые, переносные, метонимические, фразеологически или синтаксически обусловленные значения. Павловский с его любовью к фразеологии очень близко подошел к пониманию этих типов значений.

Существует еще так называемое «контекстуальное значение», которое не свойственно слову в обычных условиях, но приобретается им по воле автора высказывания в определенном контексте. Этот тип значений привлек внимание лингвистов в XX в. и активно описывался в трудах последних десятилетий [12]. Контекстуальные значения обычно встречаются в художественной литературе

и, не предусмотренные никакими словарями, доставляют много хлопот переводчикам *.

Что могут сделать словари для облегчения понимания контекстуальных значений? Конечно, собирать их или пытаться прогнозировать бессмысленно. Однако контекстуальное значение не берется из безвоздушного пространства, оно потенциально заложено в смысловой структуре слова. Словарь может более или менее близко подводить читателя к пониманию этой структуры.

Павловский описывает значение слов такой богатой гаммой, что гораздо быстрее, чем другие словари (даже современные) наталкивает и приводит нас к пониманию тонов и полутонов значений. Недаром словари Павловского по сей день популярны среди переводчиков: они помогут и подскажут в затруднительных случаях. Сравним одну-две статьи из Павловского и из наиболее полного современного немецко-русского словаря:

Павловский: Kaltblütig, *adj. хладнокровный*; (gleichgültig) *равнодушный*; (unempfindlich) *нечувствительный*; (ruhig) *спокойный*; (besonnen) *рассудительный*

Большой немецко-русский словарь[14]: Kaltblütig *a.* 1. *зоол. холоднокровный*; 2. *хладнокровный, равнодушный*

Павловский: Drang, *m. напирание, давление, натуга, напор, давка, теснота; влечение, стремление, побуждение, сильное желание, охота, позыв, порыв; неотлагательство*

Большой немецко-русский словарь: Drang *m.* 1. *натиск, напор*; 2. *порыв, стремление, влечение*

Разница между новым и старинным словарями в том, что первый дает сжатые, лаконичные описания значений слов, подчиненные строгой логике (выделяются смысловые центры, обозначаемые цифрой). Старинный словарь в своем описании обстоятелен, он как будто подробно выписывает множество деталей большой картины. В основе также лежит логическая схема, все значения сгруппированы вокруг смысловых центров. Вчитываясь в такую словарную статью, читатель как бы обозревает обширное смысловое поле — и весьма вероятно, что при

---

* Действительно, как было понять переводчикам поэмы А. Твардовского «Василий Теркин» следующие строки о судьбе солдата:

Может, нынче землю парит,
За которую стоял.

Очевидно, никто и никогда не употреблял слова *парить* в значении 'лежать в земле', 'тлеть'. Переводчики поэмы на французский и немецкий языки не сумели понять смысла сказанного, и в Париже и Берлине были изданы переводы [13], где в одном случае *парить* отождествлялось с выражением 'париться в бане', а в другом — с выражением 'поднимать пар' ('пахать').

необходимости он легко найдет контекстуальные значения.

Многозначность слов Павловский показывает с помощью так называемого семантического показателя, в роли которого выступают синонимы, пометы или компоненты словосочетания. Например, чтобы обозначить границы значений слова Leben Павловский пользуется синонимами:

Leben, *n. жизнь*; (Lebensart) *образ жизни*; (Existenz) *существование*; (Aufenthalt an einem Orte) *проживание*

Пометы удобны для обозначения терминологического значения слова:

Dorn *m.* (Bot.) *шип; колючка, игла*; (in einer Schnalle) *шпенек*; (ein Splitter) *заноза*

Для разграничения значений глагола удобно пользоваться прямым дополнением как компонентом словосочетания:

Sammeln, *v. a.* (Truppen s.) *собирать*; (Geld s.) *копить*; (Kenntnisse s.) *приобретать*

Словарная статья стала, таким образом, очень сложной по составу; чтобы читатель мог разобраться в ней, требовалась определенная структура, система расположения значений. В лексикографии существовала уже традиция начинать с наиболее общих прямых значений, дополняя их более узкими и фразеологическими. Такая иерархия соблюдается у Павловского:

Finger, *m. палец*; der kleine F. (an der Hand) *мизинец*; F. Gottes *перст божий, рука провидения*; Er hat lange F. *у него длинные пальцы; он нечист на руку*; Gib ihm einen F., so will er die ganze Hand *посади дурака за стол, он и ноги на стол*

Многие статьи содержат многоступенчатую иерархию, отражая прошлое и настоящее слова, его семантику в различных лексических системах. Посмотрим на некоторые усложненные словарные статьи:

Wange, *f. щека*; (*kirchl.*) ланита; die W-n (einer Presse) *стойки*; (einer Treppe) *тетива*; (am Maste) *ванги*

Hals, *m. шея*; (Gurgels H. an Gefässen) *горло*; (an Fläschchen) *горлышко;* (einer Violine) *гриф; ручка; шейка*; (der Harnblase) *устье*

Такая словарная статья дает совсем иное представление о слове, нежели малосодержательная статья многоязычного словаря. Здесь проведен серьезный анализ семантической структуры слова и иерархической связи ее элементов. Лексикограф показывает читателю, что в раз-

ных языках по-разному выделяются характеристики предметов, явлений и процессов, которые по смыслу могут объединяться и обозначаться одним словом. Так, немецкое слово Hals содержит в себе смысловой элемент ‘узкая часть чего-либо’; на этом основании возникли обозначения части тела человека или животного (*шея*), части сосуда (*горлышко*) и части музыкального инструмента (*гриф*). В русском языке для обозначения узкой части музыкального инструмента используется совсем другой смысловой элемент, а именно ‘часть инструмента, которая удерживается рукой’, для чего берется иноязычное слово *гриф* (от немецкого greifen ‘брать, хватать’). А для обозначения узкой части сосуда использован метафорический перенос значения слова *горло* (близко к *шея*). Так переплетаются понятия и их обозначения при сопоставлении языков.

С помощью иерархического построения статей словарь оказался способным дать множество сведений о словах. Легко прослеживается, например, историческое развитие значений слов. Первоначальное значение слова Tafel ‘доска’ трансформировалось по ассоциации в ‘стол’, а затем и в то, что едят за столом,— ‘трапеза’ или ‘обед’.

Внимательно читая словарные статьи, мы заметим это интересное явление. Нетрудно обнаружить также родство прямых и метафорических значений. Например, Nest ‘гнездо’ может иметь значение ‘лачуга’ или ‘городишко’; с помощью переноса значения многозначными стали слова: Brummbär 1. *медведь.* 2. *брюзга*; Backfisch 1. *жареная рыба.* 2. *молодая девушка*; Unglücksrabe 1. *зловещая птица.* 2. *бедокур;* Bücherwurm 1. *книжная моль.* 2. *книгорой, беспрестанно сидящий над книгами.*

В словаре Павловского мы видим полное, правильное, научное представление о словарном переводе. Из двух сопоставляемых разноязычных слов одно всегда шире или у́же, колоритнее или бледнее, экспрессивнее или холоднее, абстрактнее или конкретнее, более употребительно или менее употребительно, чем другое. Ассоциации одного слова и по смыслу и по эмоциям часто совершенно иные, чем у другого слова.

Когда пришло понимание, что разноязычные слова несопоставимы в грубом, прямом смысле, был сделан шаг к их истинной сопоставимости. Действительно, тонкий анализ значений, показ линии развития каждого отдельного значения приближает нас к пониманию иностранных

слов. Если читатель выносит из словаря впечатление, что полной эквивалентности слов почти никогда нет, если он внимательно изучает историческое и метафорическое развитие значений слов, вчитывается во фразеологию, разве он не подходит к истинному познанию природы слов? Так переводная лексикография близко подошла к вершинам словарного перевода.

Говоря о переводе слов, следует остановиться на некоторых лексических группах, в частности на переводе терминов и фразеологизмов. Словарь Павловского дает интересный материал для наблюдений и размышлений.

Формирование терминологии происходило с широким привлечением метафорического переноса значений общеупотребительных слов на специальные понятия. Техническими терминами стали такие, например, слова, как *башмак, колпак, лебедка, гусеница, кошка, червяк, колено, плечо* и т. д. Это называется терминологизацией лексики, и у Павловского данное явление зафиксировано. Так, Blume обозначает и цветущее растение ('цветок'), и аромат напитка (букет); Katze является названием животного ('кошка'), но имеет также переводы 'земляная насыпь' и 'плеть' (наказать *кошками*); слово Strom ('река, течение') приобрело значение '(электрический) ток'.

Наблюдался и противоположный процесс детерминологизации лексики, т. е. переход терминов, особенно естественнонаучных, в общелитературный язык. Стиль научной прозы становился общим достоянием. Активизация научных терминов была свидетельством общественного интереса к науке и технике.

Например, слово Horizont было первоначально географическим понятием, но затем вошло в литературный язык со значением 'кругозор человека', 'объем знаний'. У Павловского находим выражение Das geht über seinen Horizont *Это выше его понятий, Этого он не понимает*. Термин Reaktion принадлежал к числу естественнонаучных, но впоследствии приобрел переносное значение как 'противодействие', что и зафиксировано Павловским. Термин Krise возник как обозначение перелома в болезни, т. е. как медицинский термин, а Павловский фиксирует его уже как 'критическое обстоятельство'. Термин Grund употреблялся в естественных науках со значением 'почва', а затем стал употребляться как 'основа' или 'опора'. У Павловского видим: auf Grund dessen *на основании сего* и von Grund aus *с основания*.

Особое место среди других терминов занимают общественно-политические, экономические, философские. Их перевод зависит от осмысления людьми и социальными группами. Когда общество социально неоднородно, один и тот же термин может интерпретироваться по-разному, так как он связан с убеждениями людей, их идеалами и жизненными принципами. Такие термины несут в себе идеологическую окрашенность, имеют иногда оценочный характер.

Середина XIX в. ознаменована возникновением марксизма. Марксисты и их противники, защищавшие экономическое и политическое господство буржуазии, наполняли различным содержанием общественно-политическую терминологию. Понятия *народ, революция, партия, рабочий класс, социализм* и другие для разных классов не имели одинаковой определенности. Для борцов за свободу трудящихся народ был основной трудовой массой, создающей духовные и материальные ценности, а для правящего класса он был сбродом, чернью, рабочим тяглом. Одни понимали *народное восстание* как борьбу против угнетателей, а другие — как бунт против законной власти. *Забастовка* могла интерпретироваться как прекращение работы с целью добиться лучших условий труда и как прогул, организованный, чтобы вынудить владельцев предприятия увеличить заработную плату.

Полистаем словарь Павловского и посмотрим, какова его интерпретация общественно-политических терминов:

Proletariat, *т. пролетариатство; беднейший класс народа; пролетариаты*
Proletarier, *т. пролетарий; бедный, бесприютный*

Эти два термина взяты в их домарксовском значении: так в Древнем Риме называли неимущих граждан, а западноевропейские языки заимствовали их со значением 'бедный, бесприютный человек (люди)'. Новое значение термина 'наемный рабочий, лишенный средств производства' остается за пределами словаря. Далее:

Capitalist, *т. капиталист; богатый человек, имеющий значительный капитал*

Толкование термина также патриархально, оно оставляет читателя в неведении о классовых противоречиях времени, когда капиталист выступает как представитель господствующего класса, эксплуатирующий наемный труд.

Слово Pöbel в немецком языке XIX в. было уничижительным наименованием угнетаемых классов и слоев населения (сейчас оно существует в языке без социальной окрашенности и переводится как 'сброд'). Павловский берет его в соответствии со взглядами правящих классов:

Pöbel, *m. чернь, простой народ*

Вот термин, обозначающий выступление народа против угнетателей:

Volksaufstand, *m. народное восстание, бунт, крамола*

В глазах господствующего класса массовое выступление является предосудительным действием, подлежащим наказанию. Такую оценку и несут в себе слова *бунт* и *крамола*. Павловский представляет именно эту точку зрения.

Своеобразно выглядит термин Parteisucht, *f. страсть составлять партии; мятежничество*. Вовлечение широких масс в политическое движение, пробуждение политического сознания, создание партий представлены в идеологическом лексиконе правящего класса как несерьезная забава, опасное увлечение и не более того.

Целый ряд терминов характеризует законопослушных граждан и благонамеренный образ мыслей:

Bürgergehorsam, *n. покорность граждан*
Bürgertugend, *f. гражданская добродетель*
edeldenkender Bürger *благомыслящий гражданин*

Формирование общественно-политической терминологии во второй половине XIX в. давно привлекает внимание исследователей. Перевод этой терминологии с немецкого языка, на котором писали Маркс и Энгельс, на русский интересен со многих точек зрения. В частности, обращалось внимание на трактовку термина Klasse в переводе «Коммунистического манифеста» М. Бакуниным в 1869 г., на понимание термина Proletariat в трудах Герцена, Добролюбова, Чернышевского, Помяловского [15]. Поэтому нельзя пройти мимо этой терминологии в словаре Павловского. Был ли Павловский по своему мировоззрению далек от идейной борьбы, следовал ли официальным установлениям государственного учреждения, узнать уже трудно.

В характере Павловского была одна черточка, которую сейчас уместно упомянуть. Чаще всего преданность идеям самодержавия, идеям «веры, царя и отечества» со-

чeталась в людях с лестью в адрес власть имущих. Современному человеку даже неловко (так изменились нравы) читать некоторые фразы и обороты, написанные Шишковым и Рейфом в их предисловиях к словарям, настолько неумеренна их лесть и велико подобострастие. «Глубочайшее благоговение», «осчастливлен высочайшим соизволением», «перо мое не может прославить», «благополучие, каким наслаждаются сердца подчиненных Вам людей» — это написано образованными, трудолюбивыми и стоящими достаточно высоко на общественной лестнице лексикографами. Так вот, Павловскому подобный стиль совершенно не свойствен, он пишет в предисловиях только по делу, сухо и сдержанно. Единственная его благодарность адресована тем специалистам (не названным по имени), которые помогали ему в переводе технической и естественнонаучной терминологии. Не будем делать из этого факта далеко идущих выводов о мировоззрении автора, но отдадим должное лексикографу, стоящему не так уж высоко в чиновничьей иерархии, но презирающему лесть и угодливость.

Теперь поговорим об интереснейшем разделе словарного перевода — о фразеологии. Здесь Павловский показывает, что сухость в выражении мыслей покидает его, когда нужно. Он становится блестящим интерпретатором, сверкая оригинальными находками.

Иностранные идиомы переводить трудно, потому что из отдельных компонентов чаще всего перевод оборота в целом не складывается. Существует даже выражение «непереводимая игра слов», хотя ссылаться на нее переводчикам не рекомендуется, если они не хотят расписаться в своей беспомощности *.

Какие же правила существуют для перевода фразеологизмов и почему Павловский был большим мастером в этой области?

* Вот пример непереводимой игры слов. Всем известна пьеса Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным», в оригинале «The Importance of Being Earnest». Название пьесы стало крылатым выражением, но в русском переводе оно далеко не адекватно оригиналу. В названии двойной смысл: как важно быть серьезным, как важно зваться Эрнстом. Сюжет пьесы построен на желании двух девушек иметь серьезных и солидных женихов, что должно воплотиться в имени Эрнст (по-английски — «серьезный»). Притворство молодых людей, появление священника, который должен их заново окрестить, и прочие интриги разворачиваются вокруг этой завязки. Для русского читателя и зрителя все это гораздо менее понятно, чем для английского, из-за непереводимой игры слов.

Очевидно, что иностранному фразеологизму нужно подбирать фразеологический оборот в родном языке. Различают три случая: когда есть полноценное эквивалентное соответствие, когда есть приблизительное соответствие или аналог и когда нет ни эквивалентов, ни аналогов, и приходится прибегать к нефразеологическому переводу.

Кстати, последний прием предпочитал Рейф, даже если существовали параллельные эквиваленты. Рейф как будто намеренно избегал всего образного и эмоционального, давая нефразеологические пресные и бесцветные переводы:

Голова, *sf. dim.* ... 5. (*жить одною -ою*) vivre en célibataire, vivre en garçon |der Kopf; ... 5. im ehelosen Zustand leben| head; ... 5. to live single, live in celibacy

Нога, *sf. dim.* ... 5. (*ни -гою*) ne mets pas le pied |Fuß, *m.*; ... 5. komm nicht wieder hierher| foot; ... 5. come no more hither

В случае полной безэквивалентности иной переводчик может рискнуть на языкотворчество и создать новый оборот в переводящем языке, напоминающий естественный. Однако этот путь пригоден более в художественной литературе, а не в словарях, которые обязаны фиксировать реально существующие языковые факты.

Легче всего работать с теми идиомами, которые имеют эквиваленты. Это так называемые интернациональные фразеологизмы, вошедшие во многие языки из одних и тех же источников — исторических и литературных произведений, античных мифов, библии, корана. К примеру, *украшать лаврами* (mit Lorbeer schmücken) в значении 'прославлять' ведет свое начало от древнеримского обычая возлагать лавровые венки (лавр был посвящен Аполлону) на военачальников, вернувшихся с победой, или на поэтов, победивших в состязании [16]. У римского писателя Геллия есть выражение pulverem ob oculos aspergere, т. е. *бросать пыль* (*песок*) *в глаза*, означающее 'обманывать' или 'вводить в заблуждение'. Аналогичные обороты закрепились в немецком (Sand in die Augen streuen), в русском и других языках. Павловский фиксирует также оборот eine Schlange in seinem Busen tragen *носить змею за пазухой, оказывать благодеяние неблагодарному;* переведенный на многие языки, этот оборот принадлежит древнегреческому баснописцу Эзопу. Его басня повествует о крестьянине, согревшем замерзавшую змею, которая потом ужалила его.

Библию имеют своим источником такие фразеологизмы из словаря Павловского, как das erste Gebot *первая*

заповедь (в смысле 'основное правило, первый жизненный принцип'), das letzte Gericht *страшный суд*, die Haare stehen zu Berge *волосы стали дыбом.*

Готовых фраз — пословиц и крылатых выражений — в словаре меньше, для этого в словаре слишком мало места. Но все же афористика древних авторов представлена у Павловского. Например, афоризм римского философа Сенеки Irren ist menschlich *Человеку свойственно ошибаться*; цитата из басни Эзопа Eine Schwalbe macht noch keinen Frühling *Одна ласточка весны не делает*; афоризм римского поэта Горация Wer wagt, gewinnt *Доброе начало — половина дела*; сентенция из библии Richtet nicht, auf daß ihr nicht gerichtet werden *Не судите, да не судимы будете.*

Конечно, цитаты, обороты, словосочетания, принадлежащие конкретным авторам, переводятся с одного языка на другой вполне буквально, одними и теми же лексическими средствами. То же наблюдается при сравнениях — во многих языках упрямых и глупых людей сравнивают с ослом, смелых — со львом, голосистых — с соловьем, нерях — с свиньей. У Павловского находим: du, dummer Esel *невежа, глупец*; eine dumme Gans *дура* (букв. *глупая гусыня*); wie Milch und Blut *как кровь с молоком*; sich vertragen wie Hund und Katze *ладить как кошка с собакой.*

Фразеологические единицы, не имеющие конкретных источников, сложившиеся в народе, несут в себе своеобразие каждого языка и, как правило, не поддаются буквальному переводу. Но приблизительные варианты, аналоги, как говорилось выше, подыскать все же возможно, и здесь большую роль играет мастерство переводчика или лексикографа. Если у переводчика фантазия бедная, лексикон ограниченный, мышление стереотипное, он даст бледный и невыразительный перевод. Павловский же умел мыслить образно и нестандартно. Очень важно уметь освободиться от влияния переводимого материала, и Павловский этим умением обладал. Стереотипно мыслящий человек возьмет для перевода ближайшее, лежащее на поверхности соответствие, которое не всегда является лучшим. Так, средний переводчик подберет для выражения auf die Nase bekommen русское соответствие *получить по носу*, что вполне правильно, но бедно и стандартно. Павловский же приводит несколько вариантов: Er hat auf die Nase bekommen *Ему досталось, Ему задали по носу, Ему дали щелчка.* Усредненный перевод выраже-

ния Bis über die Ohren in Schulden sein — *Быть по уши в долгах.* Павловский же предлагает более богатый выбор: Er ist bis über die Ohren in Schulden *Он по уши в долгах, Он в долгу как в шелку.*

Попробуем выписать ряд фразеологических оборотов, снабдив их усредненными, шаблонными переводами и сравнив с переводами Павловского:

Немецкий фразеологический оборот	Усредненный перевод	Перевод Павловского
Ich weiß nicht, wo mir der Kopf steht	*У меня голова идет кругом*	*Я сам себя не помню*
Ein ausgezeichneter Kopf	*Светлая голова*	*Человек с отличными способностями*
Er ist im Kopfe nicht richtig	*У него с головой не все в порядке*	*Он не в уме*
Er lief was er konnte	*Он бежал изо всех сил*	*Он бежал опрометью (со всех ног)*
Du kannst ein Kreuz darauf machen	*Ты можешь поставить на этом крест*	*Пиши пропало*
Er hat etwas in der Krone	*У него шумит в голове*	*Он под хмельком*
Viel Kummer leiden	*Много страдать*	*Пить горькую чашу*
Kurz vor Tage	*Незадолго до наступления дня*	*Чуть свет, до свету*

У Павловского полнокровные, живые переводы, идиомы естественны и непринужденны.

Однако и Павловский не всегда безупречен. В частности, при переводе идиом можно заметить иногда искажение экспрессивно-стилистической окраски. Немецкий оборот имеет, скажем, нейтральную или даже высокопарную окрашенность, а его русское соответствие взято из повседневного обихода, снижено по стилю. Например, den Kopf hoch tragen не заключает в себе иронии или фамильярности, это нейтральное, книжное выражение *носить высоко голову, держать себя с достоинством.* А Павловский дает перевод *задирать нос,* что по смыслу то же самое, но по стилю совсем иное. Или: einen Todesschlag versetzen звучит торжественно *нанести смертельный удар,* а в словаре дано просторечное *дать кому корочун.* Сугубо книжный оборот Die Ehen werden im Himmel geschlossen *(браки заключаются на небесах)* Павловский сопоставляет с простонародным *Суженого на коне не объедешь.* И наоборот, сниженные по стилю выражения Павловский может перевести с помощью высокой лексики: Er pfeift aus dem letzten Loche означает

что-то вроде *Он при последнем издыхании*, в словаре же дано до смешного высокопарное выражение *Он уже не жилец сего мира.*

Причина, конечно, не в невнимательности автора, а в переводческих установках времени, когда при переводе не обращали особенного внимания на стиль. А увлечение народным языком заставляло искать яркие фразеологизмы, которые оказывались иногда не у места.

Народные фразеологические единицы часто обладают национальным колоритом, т. е. содержат такие реалии, упоминают такие факты, которые близки и понятны только носителям данного языка. В русском языке колоритом обладают такие выражения, как *кричать во всю ивановскую, бить баклуши, первый блин комом, Не в свои сани не садись, Копейка рубль бережет* и т. д. В переводческой практике долгое время не могли прийти к единому правилу перевода подобных фразеологизмов — то ли знакомить иностранного читателя со спецификой народной речи и сохранять национальный колорит в неприкосновенности, то ли заменять его чужим национальным колоритом, чтобы читатель чувствовал себя в родной атмосфере. Как было принято в XIX в., Павловский заменял один колорит другим и переводил немецкие фразеологизмы на сугубо русский лад, например:

wandelndes Gerippe (букв. *ходячий скелет*) — *Кащей бессмертный*

Es ist alle Tage Jagdtag, aber nicht alle Tage Fangtag (букв. *Охота бывает каждый день, а добыча — не каждый*) — *Не все коту масленица, бывает и великий пост*

Im Rohre ist gut Pfeife schneiden (букв. *Сидя в тростнике, нетрудно вырезать дудки*) — *Хорошо тому жить, кому бабушка ворожит*

Man kann nicht mit dem Kopfe durch die Wand rennen (букв. *Нельзя пробить головой стену*) — *Против рожна не пойдешь*

Aus Hellern werden Taler (букв. *Из геллеров собираются талеры*) — *Береженая копейка рубль бережет*

Er weiß nicht das Mindeste (букв. *Он ничего не знает*) — *Он аза в глаза не знает*

Ein Tag ist nicht so, wie der andere (букв. *Один день не похож на другой*) — *День дню розь, нынче тепло, а завтра мороз*

С современных позиций использование при переводе иноязычных поговорок и пословиц русских реалий (*Кащей бессмертный, рубль, копейка, масленица, ворожить, рожон, аз*) означает разрушение стиля, искажение национального своеобразия. Павловский же не задумывался над этим, он был увлечен народной речью, мы даже теперь ощущаем, с каким удовольствием он берет,

черпает из источника народной речи, только что ставшей доступной для изучения.

Та группа фразеологизмов, которая не имеет даже отдаленных аналогов в переводящем языке, передается обычно описательно, в книжно-нейтральном ключе. Даже Павловский складывает здесь оружие и ограничивается передачей смыслового содержания фразеологизма самыми простыми средствами. Например, по-немецки можно сказать ins Gras beißen, что буквально означает *кусать траву*, а фактически — *пасть в бою*. Происхождение этого выражения объясняется тем, что смертельно раненные на поле боя хватали ртом землю или траву. В русском языке такого или похожего фразеологизма не сложилось, и Павловскому пришлось дать простой перевод *умереть*. Несколько странно звучит для русского слуха другая немецкая идиома: Raupen im Kopfe haben (букв. *иметь в голове гусениц*). Дело в том, что для немца слово *гусеница* или *червяк* означает в переносном смысле нелепую мысль, чудачество, причуду. Считают, что это выражение пришло из студенческого жаргона. Павловский переводит его *быть причудливым, быть странным*. Из времен рыцарства пришел фразеологизм etwas im Schilde führen (*иметь что-либо на щите*), который переведен Павловским как *замышлять что-либо*: во время турнира рыцарь нес щит с определенным изображением или девизом, понятным для друзей и неизвестным остальным.

Перевод Павловским пословиц и поговорок основывался во многом на материале, собранном И. М. Снегиревым в книге «Русские народные пословицы и притчи» 1848 г. (Даль опубликовал свои материалы позже: сборник «Пословицы русского народа» — в 1862 г., а Словарь — в 1863—1866 гг.). Многие пословицы у Снегирева и Павловского буквально совпадают. Так, у обоих авторов читаем: *В беде не унывай, на бога уповай* (у Даля: *Не унывай, на бога уповай*), или *Нужда скачет и пляшет, нужда песенки поет* (у Даля: *Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет*), или *грызть на кого зубы* (у Даля: *точить на кого зубы*).

Перевод языковой афористики — это перевод текстов, хотя и миниатюрных. Павловский здесь больше переводчик, чем лексикограф. А как обстояло дело с приемами словарного перевода, которые накапливались и совершенствовались, начиная с истоков словарного дела?

Можно утверждать, что у Павловского представлена разработанная система приемов передачи значений слов,

где эквивалент, калька, транслитерация, описательный перевод, аналог, вариантное соответствие занимают должное, пропорциональное их пригодности место. Наиболее интересным моментом является работа Павловского с реалиями, диалектизмами и просторечием — теми лексическими единицами, которые дольше всего не имели удовлетворительного перевода. Теперь определились те приемы, которые приближают иностранного читателя к пониманию особенностей этих слов.

Итак, реалии. Одна из характерных групп реалий — наименования предметов национальной одежды. Как быть с такими понятиями, как *кафтан, сарафан, повойник* или *бешмет, чалма, чадра* и т. д., которые неизвестны за пределами России или мусульманских стран? Павловский делает это так:

Сарафан, м. der Sarafan. Langes Frauenkleid mit Ärmellöchern und Gürtel

Бекеш, м. die Bekesche, polnischer od. ungarischer Pelzüberrock mit Schnüren und Quasten

Башлык, м. (tatar) 1) der Baschlik, 2) die Kappe, Kapuze

Читатель получает довольно обширную информацию: произношение и написание слова, его локальная принадлежность, сущность обозначаемого им понятия. Пояснение краткое, но исчерпывающее: сарафан — это длинное женское платье без руковов и с поясом, бекеш(а) — распространенное в Польше и Венгрии меховое пальто со шнуром и кистями, башлык — вид капюшона в татарской одежде.

Вот группа названий национальных кушаний и напитков:

Пельмени, мн. mit gehacktem Fleisch gefüllte Pirogen

Пирог, м. besseres, weißes Roggenbrot

Вареник, м. eine kleine, gekochte und mit Quark gefüllte Piroge

Варенец, м. Warennetz (eine Speise aus gekochter Milch, aus der Milch der zum ersten Mal milchenden Kuh)

Сбитень, м. der Sbiten, ein Getränk aus Wasser, Honig und Gewürz (bes. für den gemeinen Mann)

Квас, м. der Kwas (säuerliches Getränk aus gesäuertem Schwarzbrotteig od. aus Schwarzbrot mit Malz)

Кислые щи, мн. moussierender Kwas (ein Getränk)

У Павловского возможны и пояснения энциклопедического, исторического характера:

Стрелец, м. der Strelitz (ein Soldat der früherer russischen Leibwache, welche vom Peter dem Großen 1698 aufgelöst wurde)

Перевод реалий с помощью трансфонации или транслитерации в сочетании с пояснением — наилучший, оп-

тимальный, он закрепился в практике словарного перевода *.

Любопытно взять для сравнения те реалии, которые неудачно были переведены Рейфом. Например, слово *барин* Рейф сопоставлял с немецким Herr, французским maitre, английским lord. Что же делает Павловский?

Барин, м. der Herr (als der gebietende), gnädiger Herr (als Anrede); *жить б-ом* auf großem Fuße leben; *По б-у и слуги, каков б. таков и крестьянин* wie der Herr, so der Knecht; *У каждого б-а* (*барона*) *своя фантазия* jedem Narren gefällt seine Kappe

У Павловского пояснения и фразеология таковы, что слово предстает, как очень богатое подтекстом и нюансами. Перевод der Herr тоже присутствует, но пояснения ставят этому эквиваленту узкие пределы: только как повелевающее лицо или в обращении *милостивый государь.* И тут же идут такие фразеологические обороты, которые снимают налет почтительности к понятию *барин. Жить барином* — т. е. жить на широкую ногу, расточительствовать, проматывать деньги; *По барину и слуги* — чаще в отношении плохих слуг, чем хороших, а значит, и барин не вызывает уважения; *У каждого барина своя фантазия* — значит, барин, с причудами, перевод же Павловского этой пословицы убийствен: *Каждому дураку нравится его колпак.* Словарная статья тонко намекает на отношение людей к господам и барам, и все это достигается подбором словосочетаний и их переводом.

Диалектизмы, как говорилось в очерке о Рейфе, не

* Однако не следует думать, что со времен Павловского трудности с переводом реалий исчезли. Обнаружились новые стороны проблемы, которые требуют своего решения. В XX в. информация о внутренней жизни стран, в том числе о национальных обычаях, новостях общественной и политической жизни, культуры, моды, спорта, быстро облетает весь мир. Переводы новых слов делаются спешно, так как радио, телевидение, типографии не ждут, притом не всегда специалистами-филологами. Очень настойчиво действуют в сфере переводческой деятельности внеязыковые факторы — международная обстановка, авторитет страны, откуда пришло новое понятие, отношение общественности к заимствованным словам. Взаимодействие всех влияний создает пеструю мозаику новейших заимствований, где наряду с переводом действительных реалий типа *сауна, ралли, круиз, бижутерия, колготки* немало неоправданных заимствованных слов, внесенных в угоду моде или для придания речи европейского или заокеанского колорита, как например *имэдж, хобби, шоу, кейс, аутсайдер, нуклеарный.* Для упорядочения перевода новых слов следовало бы помнить о закономерностях, открытых лексикографами в прошлом, и задумываться о преодолении современных трудностей.

поддаются переводу на иностранные языки, если говорить о словарном переводе. В литературных произведениях диалектальная окрашенность речи передается не лексическими, а, например, грамматическими средствами. В словаре же можно дать лишь книжно-нейтральное соответствие диалектизма, сопроводив его специальной пометой. Павловский поступает именно так:

Гуторить, v. a. (prov.) reden, plaudern
Хлопец, м. (*prov.*) 1) der Junge, kleiner Junge (als Diener); 2) der Junggeselle

Помета *prov.* обозначала во времена Павловского принадлежность к местным говорам, а соответствия переводимых слов — *говорить, болтать* и *мальчик* (*слуга*); *холостяк.*

Для просторечия Павловский старается найти эквиваленты, т. е. слова, равноценные и по смыслу, и по эмоциональной окраске. Часто ему это удается:

Прорва, ж. der, die Unersättliche, der Nimmersatt
Пузо, ср. (*vulg.*) der Wanst, Bauch
Сброд, м. das Gesindel, Lumpenpack
Балбес, м. (*vulg.*) der Dummkopf, Tölpel

Стилистическую окраску подчеркивает помета *vulg.*, т. е. *вульгарное слово*, как называлось тогда просторечие.

Поскольку о полной эквивалентности в таком сложном случае, как просторечие, говорить нельзя, то автор предпринимает попытки перевода и с помощью многочленного синонимического ряда, каждый член которого добавляет что-то к общему значению:

Шалберник, м. (*pop.*) der Herumtreiber, Bummler, Müßiggänger, Tagedieb

Интересна статья к слову *лапотник*, для которого не существует эквивалентов в иностранных языках, так как оно образовано от наименования реалии *лапоть.* Слово *лапотник* содержит в себе одновременно и негативную оценку (нищий, убогий человек, оборванец), и сочувственное отношение к бедняку. Эти оттенки передаются у Павловского с помощью помет и подбора фразеологии:

Лапотник, м. der Bastschuhträger (*verächt.*); (*sprichw.*) *как л-а не станет, так и бархатник не встанет* ween Bauern nicht wären und ihr Güld, wär ein Bettelsack der Edelleute Schild

Разве не высокое искусство проявил автор, чтобы скупыми средствами, всего лишь несколькими штрихами вы-

разить глубокий смысл слова, показать целый пласт человеческих отношений? Здесь помета *verächt.* (*презрительно*) и здесь же весьма многозначительная пословица, содержащая в себе целое мировоззрение: на лапотниках держится мир, бедный люд кормит своим трудом все остальные классы. Казалось бы, Павловский показал себя далеким от политики человеком в переводе общественно-политических терминов, но тем не менее в его словаре звучат мысли и чувства прогрессивного деятеля. Официальные установки не мешали ему быть демократом и гуманистом, а это служило делу взаимопонимания и сближения прогрессивных сил разных народов.

Словари Павловского можно назвать классическими. Классический — это образцовый, выдающийся, общепризнанный, прогрессивный. Именно такими свойствами обладает лексикография Павловского.

В XIX в. составление словарей заключалось не столько в отыскании и толковании слов (особенно характерна была такая работа для эпохи Брюса), а сколько в умелом применении разнообразных источников и научных достижений времени. Павловский, как и современные лексикографы, должен был ориентироваться среди многочисленных словарей, энциклопедий, справочников, учебников, научных трудов по языкознанию. Неумелое их использование, как произошло у Рейфа с некритическим переносом диалектизмов из словаря Даля в русско-французско-немецко-английский словарь, приводило к неудаче. Успех лексикографа стал зависеть от предрасположенности к аналитической работе, от интуиции, обязательной части таланта ученого, которая подсказала бы, что́ в языке перспективно, а что́ преходяще, и от запаса знаний в лингвистике и тех специальных областей, откуда он берет терминологию.

Выполняя свою прямую задачу, т. е. способствуя изучению русского языка в Прибалтийском крае, словари Павловского имели значение для всей России и всех немецкоязычных стран. Столь полных и умело составленных немецко-русских и русско-немецких словарей в мире еще не было. Высокая практическая ценность сделала их чрезвычайно популярными. Они не могли не оказать положительного влияния на обучение языкам и на переводческую деятельность. Опыт Павловского помогал формироваться взглядам педагогов, переводчиков и просто образованных людей на язык, на словарный состав, на сущность перевода.

Словари стали образцами внимательной и добросовестной обработки языкового материала. Возможные в XVIII в. домыслы, фантазии, произвольное толкование фактов стали недопустимыми. Лексикографы научились собирать, обрабатывать и систематизировать.

«Полный немецко-русский словарь» был представлен в 1856 г. в комиссию Академии наук по присуждению Демидовских премий и получил почетный отзыв по рецензии академика А. Х. Востокова. В рецензии отмечались тщательная обработка материала в русской и немецкой части, точность перевода, полнота словаря. Востоков обратил внимание и на включение пословиц и поговорок, считая это прогрессивным явлением [17].

Словари Павловского оказались необычайно долговечными. Еще в начале XX в. они все еще оставались лучшими и надежнейшими из русско-немецких и немецко-русских словарей. Перейдя рубеж столетия своего существования, во второй половине XX в., они все еще входят в справочный фонд переводчиков.

Высоким признанием для старинной книги является ее факсимильное издание *. Русско-немецкий словарь Павловского был факсимильно воспроизведен в 1960 г. в ГДР Центральным Антиквариатом [18]. Ценность словаря не только в его значении как культурно-исторического документа, он нужен современным немецким специалистам как справочник по русскому литературному языку XIX в. Русская классическая литература переводится и переиздается в ГДР, ее читают в оригинале люди, владеющие русским языком. Читатель, переводчик, редактор не найдет в современных словарях устаревших слов, и тогда на помощь приходят словари XIX в. и наиболее надежный из них — Словарь Павловского.

Действительно, зарубежный читатель будет недоумевать, встретив, например, в повести И. С. Тургенева

* Факсимильное издание — точное воспроизводство, повторение современными полиграфическими средствами. Факсимиле (от латинского fac simile — делай подобное) может быть абсолютно точным подобием оригинала, включая особенности бумаги и переплета, либо в чем-то отличаться от него, чаще всего форматом или печатными материалами. Благодаря факсимильному воспроизведению редкие, уникальные или особо ценные книги становятся доступными современному читателю. Факсимильные издания нужны библиотекам, их приобретают для работы историки, искусствоведы, литературоведы, археологи и другие специалисты. Благодаря факсимильным изданиям могут пополняться коллекции библиофилов, так как оригиналы старинных редких книг становятся все более недоступными.

«Вешние воды» такие слова, как *шандал*, *лобызать*, *длань*, *бекеша*, *соотчич*, которых не дают современные словари. Возможно, вызовут затруднения и распространенные тогда французские заимствования *тупей* или *барежевое платье*. Павловский дает ответы на все эти вопросы. И сейчас этот словарь служит сближению народов!

Если Павловский нужен за рубежом, то тем более он необходим советским специалистам. По нему наводят справки о малоизвестных и забытых словах, о редком значении или словоупотреблении, о пословицах и поговорках русского и немецкого языков. Любой переводчик с немецкого скажет, что у Павловского часто можно найти то, чего не найдешь больше нигде.

Иногда от переводчиков можно услышать выражение «словарь Павловского» в том же смысле, в каком говорят «грамматика Ломоносова» или «арифметика Магницкого». Но если специалисты и не забыли имени Павловского, то о его личности, жизни и труде в наше время не знают. Он не удостоен упоминания в современных энциклопедиях, в учебниках по языкознанию. А ведь каждый, кто раскрывает сегодня переводной словарь, пользуется и его трудом. Может быть, мы расточительно обращаемся с нашей историей, когда забываем таких людей? Чтобы совсем не была утрачена память о Павловском, и написан этот очерк.

Глава 7

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС XIX в. И СЛОВАРИ

К технике XIX в. мы относимся с уважением и интересом. Нельзя не остановиться, не улыбнуться, увидев на фотографии, в старой кинохронике или в музее маломощный паровоз с высокой трубой, трехколесный автомобиль, развивающий скорость 15 км в час, суставчатые паровые двигатели, громоздкие телефонные аппараты с ручкой сбоку, музыкальные автоматы, фотоаппараты в виде деревянного ящика на трех ногах и другие предметы архаичной техники. Памятники технической старины бережно сохраняются научно-техническими музеями (один из них — Политехнический музей в Москве, насчитывающий более 90 тысяч экспонатов), Всероссийским общест-

вом охраны памятников истории и культуры и многочисленными любителями-коллекционерами.

Но научно-технический прогресс XIX в. оставил после себя не только «механические игрушки», но и память о жестокой эксплуатации народа. Перестройка экономики совершалась медленно и с трудом — лишь после отмены крепостного права в 1861 г. «произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом» [1]. Д. Н. Мамин-Сибиряк, хорошо знавший жизнь горнозаводских рабочих Урала, много писал о том, какими жертвами оплачивается «величественное движение промышленности». На Урале пережитки крепостничества сохранялись еще очень долго. Жестокость эксплуататоров, желавших и после отмены крепостного права сохранить огромные барыши, бесправие рабочих не имели себе равных. Мамину-Сибиряку принадлежат наиболее яркие в литературе описания каторжного труда в шахтах, у доменных печей, на заводах, в том числе и детского труда, и картины безудержного разгула толстосумов.

Капиталистические преобразования коснулись особенно хлопчатобумажной промышленности, горнозаводского дела, некоторые успехи делали машиностроение, химическая промышленность, строительство железных дорог. Новой техникой оснащались армия и флот. Существовали учебные заведения для подготовки кадров инженеров и квалифицированных рабочих: Институт корпуса путей сообщения — с 1809 г., Петербургский технологический институт — с 1831 г., Горная техническая школа — с 1834 г., Московское ремесленное училище — с 1830 г.

Инженерно-технические специалисты должны были изучать иностранные языки профессионально-направленно, им нужно было владеть иностранной научно-технической терминологией. Иностранные инженеры работали на русских предприятиях, из-за границы выписывались книги и машины, поступали сообщения об открытиях и изобретениях. Выпускники высших учебных заведений нередко командировались в Англию, Бельгию, Францию.

Словарное дело ответило на научно-технический прогресс формированием целой отрасли — переводной специальной лексикографии. Специальные переводные словари, т. е. дву- и многоязычные научно-технические словари, во второй половине XIX в. составили довольно значительный перечень [2]. Однако не только количеством специальных словарей отличается словарное дело. К кон-

цу столетия сформировались основные принципы переводной специальной лексикографии. Можно даже назвать одно особенно плодотворное десятилетие — это были 60-е годы, когда русские лексикографы сделали особенно много в области теории и методики составления переводных научно-технических словарей.

История лексикографии снова тесно переплетается с историей флота. После «Треязычного морского словаря» А. С. Шишкова за полстолетия вышли еще два словаря: «Словарь морских слов и речений с английского на французский и русский» А. Бутакова (1837 г.) и «Словарь морских слов и речений парусного и пароходного флота» В. Шульца (1853 г.). Интересные материалы по морской лексикографии печатались в «Морском сборнике», который охотно предоставлял свои страницы для обсуждения словарных проблем.

Именно публикации «Морского сборника» обратят наше внимание на одно имя — А. М. Энгель. Начиная с 1862 г., он несколько раз выступал на страницах журнала[3]. Энгель задумал составить карманный словарь-разговорник для морских офицеров и знакомил читателей с предварительными материалами. Большое внимание журнала к словарю (многостраничные статьи, перепечатка одного из разделов будущего словаря) объяснялась, по-видимому, острой необходимостью в таком издании. В заграничном плавании судно берет на борт иностранных лоцманов, ведет в портах переговоры с таможенными чиновниками и санитарной службой, пополняет запасы воды и продовольствия, моряки сходят на берег и осматривают достопримечательности иностранных городов. Имея словарь с нужным подбором морских терминов и с их удобным расположением, моряки испытывали бы меньше затруднений при таких контактах. Заботясь о нуждах флота, «Морской сборник» поддерживал полезную идею. Нас же в наших поисках истоков лексикографических плодотворных идей привлекает в материалах Энгеля серьезность и вдумчивость, широта взгляда, логичность рассуждений.

Энгель предполагал разделить словарь на пять глав: «Разговоры при встрече с другим судном и лоцманом», «Паровая машина», «О съемке», «Служебные обязанности по административной части», «Отправление на берег и частные разговоры». Первая глава, опубликованная в «Морском сборнике», содержала 348 фраз, с помощью которых можно было объясниться с лоцманом (например,

«Какой маяк виден вдали?», «Брасопьте реи на правый галс!»). Каждая фраза приводилась на русском, английском, французском и немецком языках. Затем следовал алфавитный словарь отдельных слов.

Этот проект (словарь не был опубликован) интересен подходом автора к структуре словаря системного типа. Известно, что разнесение словарного материала по системным рубрикам требует от составителя большого умения логически мыслить. Построение абстрактной модели какого-либо отрезка действительности в виде системы понятий доступно не каждому. Энгель прекрасно отдавал себе отчет в сложности работы и особо подчеркнул в статьях полную самостоятельность своей структуры и обосновал ее преимущества. И вот интересный факт: в вышедшем недавно русско-английском разговорнике-справочнике в основных чертах использована та же рубрикация[4]. Разумеется, разделы называются по-другому, что-то расширено, а что-то исчезло совсем, но общие черты просматриваются довольно явственно. Так, раздел «Разговоры при встрече с другим судном и лоцманом» озаглавлен «Обеспечение подхода к берегу, порту и вход в порт»; слова и фразы, собранные Энгелем в разделе «Служебные обязанности по административной части» имеют свои современные аналоги в разделе «В иностранном порту», включающем такие параграфы, как «Разговор с таможенным чиновником», «Разговор с морским агентом», «Взаимоотношения с санитарной службой», «Оплата услуг в порту» и т. д. Языковой материал, нужный морякам при отпуске на берег и осмотре достопримечательностей иностранных городов, Энгелем собран в разделе «Отправление на берег и частные разговоры», а современными авторами — в параграфе «Ситуативный разговорник», где предусматриваются ситуации встреч, знакомств, просьб, приглашений, посещений театра, кино, музея, стадиона, кафе, магазина и т. д. Разумеется, новейшая для эпохи Энгеля техника — паровая машина — за сто с лишним лет устарела, а современную технику с учетом ее обширности осветить в разговорнике уже нельзя, так что технической терминологии в новом справочнике-разговорнике нет. Самостоятельные разделы составили вопросы международного морского права и использование иностранной навигационной и гидрометеорологической информации.

Думается, что такое сравнение доказывает лексикографический талант Энгеля. Он был самостоятелен в сво-

ей работе, он предпринял первый опыт системной рубрикации морской терминологической лексики, и сделал это на таком уровне, что спустя целый век, за который техническая и лексикографическая мысль прошла немалый путь, аналогичные издания в общих чертах повторяют ту же рубрикацию. Энгель нашел тот оптимальный вариант организации материала, который вытекает из задач словаря. Морской словарь-разговорник не был издан, но нам следовало вспомнить о нем, так как его проект был первым шагом лексикографа, сделавшего многое для словарного дела второй половины XIX в.

Андрей Михайлович Энгель (1818—1871) происходил из остзейских дворян. Он получил образование в Петербургском университете и всю жизнь служил чиновником, однако кругозор, склонности, а иногда и род служебных занятий Энгеля были не совсем обычными для чиновника. В течение нескольких лет, с 1853 по 1855 г., Энгель служил консулом в Копенгагене, где мог, конечно, удовлетворить свое стремление расширить знание иностранных языков, в частности датского. В Копенгагене пробудился интерес Энгеля к лексикографии — у него появились замыслы о составлении словарей. Затем Энгель вернулся в Петербург и с 1858 по 1868 г. был переводчиком Морского ученого комитета при Морском министерстве. Здесь требовались обширные знания в языках — в английском, немецком, французском и других, а также знакомство с морским делом. Морское дело со времен Копенгагена не было чужим для Энгеля, так как, выполняя консульские обязанности (выдача виз, выполнение нотариальных функций и т. д.) в морском порту, Энгель постоянно должен был иметь дело с моряками. Работа в Морском комитете скоро обернулась составлением словарей, это стало основной служебной обязанностью Энгеля. После 10 лет службы в Петербурге Энгель переменил род занятий, уехав в Вильно и став архивистом. В 1869—1870 годах им было составлено описание архива Виленского генерал-губернаторства.

Энгель был автором многочисленных словарей, хотя проектов у него было больше, чем свершений. Его как будто преследовал злой рок: карманный словарь-справочник — не издан, голландско-датско-русский словарь, для которого материалы собирались 17 лет со времени службы в Дании,— не издан; «Морской технический словарь» издан до буквы «П». Наконец, тот словарь, который должен

был воплотить фундаментальные идеи Энгеля, вышел после его смерти и не под его именем.

Поначалу лексикографическая деятельность Энгеля омрачалась неприязненным отношением к нему в связи с тем, что он, «штатский человек», взялся за морские словари. До сих пор морские словари составлялись моряками — А. С. Шишковым, А. Бутаковым, В. Шульцем. Энгель нарушил традицию, а к чужакам профессионалы всегда относятся ревниво. Энгель в статьях старался доказать свое право работать над морскими словарями. Добросовестный переводчик, пишет он, постоянно работая с морской литературой, может накопить достаточные знания по морскому делу. Кроме того, к его услугам ученые специалисты, которые дадут любую консультацию. У неспециалиста есть такое положительное качество, как осторожность в обращении с терминологией,— он не забракует и не выбросит без основательных размышлений ни одного термина.

Этот факт личной биографии Энгеля имеет более глубокие корни, чем это кажется на первый взгляд. В нем отразились перемены в постановке словарного дела. Могла ли и дальше специальная лексикография опираться только на научно-технических специалистов, или круг лексикографов должен был расшириться за счет лингвистов? Таких специалистов, которые равно хорошо разбирались бы и в технике, и в иностранных языках, и в языкознании (для грамотной разработки значений слова и т. д.), найти стало трудно. Прошли времена, когда невысокий уровень развития техники и языкознания позволял одному человеку иметь весь комплекс необходимых знаний. Научно-технический прогресс потребовал узкой специализации. Как правило, технический работник имел слабое представление о языкознании, а филолог был дилетантом в технике. Проблему можно было решить только одним путем — объединением различных специалистов в авторский коллектив для работы над словарем. Доказывая возможность своего участия в составлении морских словарей, Энгель как раз помогал развитию этой тенденции.

Очень скоро неприятная необходимость защищать свое право на составление словарей отпала. Мысли, планы, проекты начинающего лексикографа были замечены, и Энгель получил распоряжение приняться за многоязычные «Морской технический словарь» и «Военно-технический словарь». Карманный словарь-справочник для

морских офицеров пришлось оставить. Конечно, значимость новых трудов не шла в сравнение с прежним.

Первый из названных словарей был поручен Энгелю Морским министерством, а второй — Военным министерством. Энгель приступил к ним в 1863 г. и занимался ими вплоть до 1868 г. Морской словарь содержал термины на 8 языках: русском, английском, немецком, французском, итальянском, шведском, датском, голландском. Выходил он выпусками, по три языка в каждом. Такая постепенность позволяла вносить в последующие выпуски исправления и дополнения, а кроме того, небольшие выпуски стоили дешевле, и их могли покупать небогатые офицеры. «Военно-технический словарь» был французско-немецко-английско-русским и также выходил отдельными выпусками.

Во второй половине XIX в. началось переоснащение армии и флота новой техникой [5]. Напряженное внешнеполитическое положение с начала 50-х годов и неудачи в Крымской войне принудили правительство к принятию срочных мер. Необходимо было заменить старинные ружья новыми нарезными, обеспечить артиллерией армию, крепости и военные корабли. Нужно было организовать сталепушечное производство, так как до сих пор на вооружении были чугунные и медные пушки. Эта задача была выполнена П. М. Обуховым, получившим в 1854—1855 гг. высококачественную литую сталь для артиллерийских орудий, превосходящую своими качествами немецкую крупповскую и английскую. Произошли изменения в фортификационном строительстве — в крепостях стали строиться долговременные форты и бетонированные казематы.

Иностранный опыт и приобретение некоторых видов вооружения за рубежом играли определенную роль в этих переменах. Так, в 50-е годы Военное министерство дало заказ в Германию на изготовление 55 тысяч нарезных ружей, но по обстоятельствам международной обстановки Германия отказалась выполнить заказ. Морской Технический Комитет изучал образцы и применение минного оружия, и некоторые образцы мин, торпед и минных аппаратов министерство приобрело в Англии.

В употребление входила новая военная терминология, которую нужно было собирать, обрабатывать, переводить с одного языка на другой. Энгель и начал работать над русской и иностранной военной и морской терминологией. Как и следовало ожидать, особое внимание он уделил

терминам, связанным с последними достижениями техники. Чтобы судить о них с позиций современников Энгеля, сошлемся на статью Л. Н. Толстого «Прогресс и определение образования», написанную чуть раньше, чем вышел первый выпуск «Морского технического словаря» — в 1862 г.[6] Толстой называет самыми прославленными явлениями прогресса книгопечатание, пар и электричество (отрицая, впрочем, их полезность). Тематика словаря исключала термины книгопечатания, но пар и электричество отражены в нем в достаточной степени.

Уровень научно-технического прогресса определяется во многом энерговооруженностью. Для электрических генераторов время еще не настало, но паросиловые установки во второй половине XIX в. уже хорошо служили человечеству. Словарь Энгеля подтверждает это[7]. Словник содержит около 80 терминов, где один из компонентов — *пар* или *паровой*, например:

Steam |vapeur| *пар*
High pressure steam |vapeur à haute pression| *пар высокого давления*
To get up steam |à vapeur, chauffer| *поднять пары*
With all its steam on |en pleine vapeur| *под всеми парами*
To steam it steaming |voyager par la vapeur| *идти под парами*
Steam navigation |navigation à vapeur| *пароходство*
Steamer |bateaux à vapeur| *пароход*

Из словаря мы узнаем, что существуют *нагретый пар*, *перегретый пар*, *обыкновенный пар*, *насыщенный пар*, *охлажденный, измятый пар*; что в число паровых судов входят *колесный пароход*, *военный пароход*, *паровой фрегат, винтовой пароход, паровой пакетбот, паровое посылочное судно, паровая канонерская лодка, паровой брандер*, *буксирный пароход.*

Термин *электричество* дает около 10 терминов, в том числе:

Electric |électrique| *электрический*
Electric battery |batterie électrique| *электрическая батарея*
Electric conductor |conducteur d'électricité| *проводник электричества*
Electrical machine |machine électrique| *электрическая машина*
Electric spark |etincelle électrique| *электрическая искра*

Очень тщательно собирал Энгель новейшую военную терминологию, что можно видеть хотя бы на примере артиллерийских терминов[8]. Среди видов артиллерии названы: *конная артиллерия*, *пешая артиллерия*, *полевая артиллерия*, *береговая артиллерия*, *крепостная артилле-*

рия, *горная артиллерия*, *батарейная артиллерия, тяжелая артиллерия, резервная артиллерия, осадная артиллерия, легкая артиллерия*. В словаре есть также наименования орудий, стоящих на вооружении иностранных армий, таких как *орудие по системе Армстронга*, *нарезное орудие по системе Блеклея*, американское *орудие Дальгрена*. Из новейших видов вооружения упомянута также *торпеда*, хотя такого термина в русском языке еще не появилось, и автор дает описательный перевод:

Torpedo |torpédo| *снаряд, погружаемый в воду и служащий для взрыва проходящих неприятельских судов*

Особенностью работы Энгеля с терминологией было его необыкновенное умение входить в мельчайшие подробности. Его убеждением было, что словарь должен вместить как можно больше детализированных понятий. Он называл это «многословием» и считал, что словарь обязательно должен быть многословным. Замечателен в своем роде следующий термин:

Arzel, *adj.* cheval arzel. |ein Pferd, welches am rechten Hinterfuß einen weissen Fleck hat.| arzel; a horse whose oft hind-foot is white, or with a white spot upon it.| *Лошадь, имеющая на задней правой ноге белое пятно*

Не только названия всех лошадиных мастей отражены в словаре, но даже такие особенности окраса, как пятна определенного цвета на той или другой ноге.

Если Энгель давал термин *дерево*, *лес*, то за ним следовали и *дерево с трещиной*, и *мокрое дерево*, и *обтесанное дерево*, и *колесное дерево*, и *покоробившееся дерево*, и *дерево, обтесанное тупокрайно* и т. п. Если в словнике был *корабельный колокол*, то можно было быть уверенным, что там помещены все части колокола, и *веревка, подвязанная к языку колокола*, и *коромысло, на котором висит колокол*.

Обращают на себя внимание термины, связанные с наказаниями матросов. У Энгеля, поскольку его словарь очень подробный, таких терминов много. Снова мы встретим:

Gantlope or gantlet |bouline, bagnettes, verges| *гнание сквозь строй*

Очень деловито описывает автор одно из орудий наказания:

Thieves cat |fouet pour les voleurs| *кошка для наказания воров: она имеет больше узлов на хвосте и круче свита*

Дифференцированная терминология существует для обозначения мест заключения:

Cell |loge, cachot, cabanon, prison| *тюрьма*
Barrack cell |cachot à la caserne| *карцер при казарме*
Prison |prison, geôle, maison d'arrêt| *тюрьма, темница*
Galley-slave prison |bagne| *помещение арестантов, приговоренных к каторжной работе*
Prison-ship |vaisseau-prison| *судно, служащее тюрьмою*

Унизительные физические наказания, бесправное положение «нижних чинов» продолжали существовать и после отмены крепостного права; только революция положила им конец.

Первоначальный этап терминологической работы был особенно труден. Техническая терминология, морская и военная в том числе, обладала способностью быстро накапливаться. Поначалу это удивляло и удручало лексикографов. Вот что писал один из известных составителей немецко-русских словарей А. И. Коренблит: «Ввиду колоссального роста техники, давшей в последнее время обилие новых терминов, и ввиду удивительной способности ученых изобретать термины, составителю словаря нет никакой возможности собрать все новые слова» [9]. Потом лексикографам пришлось привыкнуть к стремительному росту терминологии и научиться работать в условиях, когда информация о технических изобретениях идет непрерывно, когда появляются новые термины, когда происходят процессы устаревания, вытеснения терминов. Коренблит напрасно сетовал на изобретательность ученых, дело было не в них, а в научно-техническом прогрессе.

Терминологическую стихию нужно было усмирять с помощью планомерной терминологической работы. На первых порах она заключалась в сборе терминов и публикации терминологических словарей [10]. В терминологических словарях читателям разъяснялись научно-технические понятия: понятию давалось определение (дефиниция), приводились сведения о практическом применении машин, способах получения химических веществ, истории тех или иных изобретений. Такой словарь можно было получить также путем перевода готового произведения, изданного в другой стране, и в XIX в. эта возможность иногда использовалась. Составление терминологических словарей стало важнейшим направлением словарной работы.

Перевод терминов с одного языка на другой тесно

связан с терминологической деятельностью. Чтобы перевести термин, нужно абсолютно точно знать его значение, т. е. исходить из определения понятия, нужно брать термин не изолированно, а видеть всю терминосистему. Именно так работал Энгель. Зачастую он не оставлял дефиницию за пределами словаря, а включал ее в словарную статью. С одной стороны, он считал дефиниции полезными для тех неспециалистов, которые будут пользоваться его словарями. Если А. С. Шишков отказывался от дефиниций, полагая, что морским офицерам разъяснения терминов не требуется, то в условиях научно-технического прогресса кастовость знаний перестала существовать, технические знания распространялись широким фронтом. «Всякий вновь составленный лексикон должен быть доступным и полезным большому кругу лиц»,— писал в своих предисловиях Энгель. С другой стороны, определение терминов входило в процесс перевода терминов как одна из необходимых операций.

Много раз говорилось в этих очерках, что разноязычные эквиваленты редко совпадают друг с другом по объему значений, эмоциональной окрашенности, употребительности и т. д. Относится ли это к терминам? Термины — особые слова, отличающиеся однозначностью, стилистической нейтральностью, системностью. Может быть, благодаря этим свойствам термины всегда имеют в других языках абсолютные эквиваленты?

Об эквивалентности разноязычных терминов позволяют судить их определения. Когда Энгель переводил термин Acier как *сталь*, он знал, что и во французском, и в русском языке этими терминами обозначают сплав железа с углеродом в определенной пропорции; одновременно подразумевалось, что во французском и русском языках есть системы терминов, обозначающих различные другие сплавы металлов, есть системы наименований химических элементов. Их определения взаимосвязаны, системны, и без системы определений нет и системы терминов. Значение термина *сталь* не зависит от контекста, от интонации говорящего, не может быть фразеологически обусловленным. Такова, или во всяком случае такой должна быть, терминология. Наличие эквивалентов для терминов в других языках при таких условиях более вероятно, чем для общеупотребительных слов, что, однако, не исключает отклонений от правила. Поэтому установить правильность перевода можно только при установлении тождества определений.

Пренебрегая дефинированием, мы можем ошибиться, например при переводе так называемых «межъязыковых омонимов», т. е. слов, похожих по звучанию и написанию, но разных по значению. Казалось бы, зачем искать определения слов Schiene и Typographie, по-видимому, их русские соответствия *шина* и *типография*. Но это не так, Schiene — не *автомобильная шина*, а *рельс*, Typographie — не *типография*, а *полиграфическое исполнение книги*. Появились такие слова вследствие семантической ассимиляции при заимствовании, когда слова заимствовались дважды с разным значением либо приходили через языки-посредники.

Много трудностей возникает с многозначными терминами, которые вопреки всем требованиям к научно-технической терминологии продолжают существовать в ней. Как правило, многозначны даже в пределах одной терминологии однокомпонентные термины, ведущие свое происхождение от общеупотребительных слов (типа английских table, card, type или немецких Block, Bahn, Druck). Без уточнения возможных определений таких терминов их правильный перевод невозможен.

Если неадекватность терминологических единиц проявляется в технических дисциплинах, то тем более она заметна в общественно-научных и гуманитарных областях, оперирующих большим количеством общих и абстрактных понятий. Показательно в этом отношении сравнение русской и немецкой терминологии книжного дела. В Германии в течение многих веков сложилась система основных понятий, которая отличалась от той, которая существовала в России. Так, за понятием Buchhandel (книжная торговля) закрепилось определение «отрасль хозяйства, занимающаяся производством и распространением книг», т. е. в него входят понятия книгоиздания и книгопроизводства. В XIX в. слово Buchhandlung означало не только 'книжный магазин', но и 'издательство'. Произведения Гете, например, издавались в Cottascher Buchhandlung, если перевести буквально, в «книжном магазине Котта» (по имени издателя). В нашей стране термин *книговедение* понимается как обозначение комплексной науки о книге, а немецкий термин Buchkunde (буквально *книговедение*) обозначает научную дисциплину, занимающуюся историей письменности, историей книгопечатания, историей форм книги и ее оформления. Такие несовпадения затрудняют практику перевода (некомпетентные переводчики могут допустить ошибку,

а специалисты вынуждены сопровождать перевод многословными примечаниями), обмен опытом, международное сотрудничество *.

Пожалуй, лишь в одной терминологической сфере существуют абсолютно сходные системы — в метрологии. Здесь каждый термин имеет четко дефинированное, одинаковое во всех странах, урегулированное международными конвенциями значение. *Метр, сантиметр, грамм, ватт, ампер* абсолютно точно соответствуют друг другу во всех языках.

Причины неадекватности терминологических систем объясняются тем, что наука и техника развиваются в разных странах разными темпами, с опережением или отставанием, иногда просто со своей спецификой, обусловленной географическими, экономическими и другими факторами. Кроме того, термины обладают в известной мере и общеязыковой природой и функционируют параллельно с другими общеязыковыми знаками (словами). Под их влиянием они обретают свойства общеязыковых знаков, т. е. синонимию (дублетность) и многозначность [11].

Энгель поставил дефинирование в своей лексикографической работе на должное место, одновременно облегчив и затруднив составление словарей. При дефинировании быстрее достигается правильный перевод терминов; однако само искусство дефинирования настолько сложно, что с античных времен, когда зародилась наука о познании, и до наших дней человечество не овладело пока в совершенстве этим искусством. Нам известны основные типы определений — родо-видовое, когда значение термина выявляется через указание на ближайший род и видовое отличие, описательное, определение путем синонимической замены или путем перечисления частей, составляющих целое. Но выбрать тип определения, найти необходимые видовые отличия, точно составить описание удается не всегда. Тем более не всегда это удавалось и Энгелю, когда терминологическая работа делала свои первые шаги.

---

* В 1982 г. в Москве была переведена и издана книга немецкого историографа книжного дела Ф. Функе «Книговедение» (в оригинале: *Funke F.* Buchkunde. Leipzig. 1959). Без подзаголовка «Исторический обзор книжного дела» название книги могло бы ввести советского читателя в заблуждение. Редактор переводного издания проф. Е. Л. Немировский подробно разъясняет во вступительной статье терминологическую основу исследования немецкого автора.

Откуда Энгель брал дефиниции? К его услугам были терминологические словари, но не всегда можно было найти в них нужный материал. В терминологические словари не попадали узкоотраслевые термины (а Энгель, как мы помним, любил «многословие»), в них отсутствовала профессиональная (например, кавалерийская) лексика. И кроме того, в процессе применения терминов и обрастания их новыми терминами они нередко теряют четкость своего содержания — для них нет единых дефиниций либо они неудовлетворительны. Понятно, что Энгелю приходилось во многих случаях самому составлять дефиниции. Он делал это в целом успешно, хотя строгую критику его дефиниции выдерживают не всегда.

Дефиниции были необходимы, например, для редких терминов, обозначающих неизвестные в России типы судов или военно-исторические понятия (некоторые словарные статьи даются в сокращении):

Baggala | ... *баггала, арабское судно с весьма высокою кормою; на этих судах бывают пушки*

Azoga | ... *название испанских судов, которые перевозили в Америку ртуть на золотые рудники*

Aquateur | ... *акватор, поставщик воды для римских солдат*

Очень охотно Энгель использовал дефиниции при наименовании наук и современных приборов. Такие дефиниции подчеркивали научность словаря, демонстрировали научный и терминологический уровень знаний, достигнутых в XIX в.:

Aérostatique, *s. f. phys.* Science de l'équilibre de l'air, ainsi que de celui des corps dans l'air | die Aerostatik, die Gleichgewichtslehre, die Luftschwebekunst | aerostatik, aerostation | *аэростатика, наука, рассматривающая законы равновесия тел в воздухе*

Очевидно, увлекаясь процессом дефинирования, а возможно, захваченный идеей широкого распространения научных и технических знаний, Энгель сопровождал дефинициями и общеизвестные термины:

Architrave, *s. f.* partie feferieure de l'entablement arch. (architrave) | die Oberschwelle, der Architrave, der Hauptbalken, der Unterbalken, der Bindebalken, der Architrab | architrave, epistylum, the lower of the three principal members of the entablature of an order, being the chief beam resting immediately on the column | *архитрав: та часть, которая соединяет между собою колонны одной и той же колоннады*

Дефиниции Энгеля неудачны тогда, когда он не находил достаточного набора отличительных признаков понятия:

Armes à outrance, se disait, au moyen âge, des armes de combat, hist. mil | Turnier-Waffen auf Leben und Tod | name of the fighting arms in opposition to the arms of parade (in the middle age) | *название боевого оружия в средних веках*

Из русской дефиниции неясно, было ли это холодное или огнестрельное, индивидуальное или групповое, носимое или возимое оружие.

Встречаются определения, не оформленные грамматически, из которых не видно, какой частью речи является переводимое слово:

Aller de l'oreille... *говорится о лошади, которая на каждом шагу мотает головою*

Aller à trois jambes ... *говорится о хромой лошади*

Что это — существительное, обозначающее самое лошадь или вид ее движения, или прилагательное — из пояснения не видно.

В XIX в. закономерно усилился интерес к систематизации понятий, так как научное познание совершенствовало свою методологию. Элементарная систематизация лексики, наблюдаемая в первых переводных словарях (выявление тематических групп, синонимических рядов и антонимических пар), должна была смениться более глубоким исследованием лексики. Опыт системного подхода накапливался и в терминологической работе. Для специальных переводных словарей это означало выявление систем значений терминов, установление пробелов в них, заполнение пробелов, установление последовательности значений и иерархических отношений значений внутри определенных групп.

В меру своего опыта и терминологической подготовленности Энгель занимался систематизацией — в основном дедуктивной. Нахождение подчиняющих и подчиненных терминов, унификация переводов взаимосвязанных терминов были ему методически необходимы. Практически систематизация выглядела так: автор брал родовое понятие и разрабатывал систему подчиненных ему видовых понятий. В «Военно-техническом словаре» есть, например, термин *угол*. Его разновидности по признаку величины — острый, прямой и тупой угол. Признак расположения на плоскости дает вертикальные и смежные углы. Признак положения в пространстве — двугранные и многогранные углы. В баллистике выработалась система углов, служащая для артиллерийских расчетов: угол прицеливания, угол уклонения орудия, угол вылета снаряда, угол падения снаряда, угол отражения снаряда.

Все эти термины помещались в словник и переводились.

Еще один словарь, вышедший при участии Энгеля, — «Шестиязычный французско-немецко-англо-шведско-итальянско-русский словарь всех терминов, относящихся до паровой машины и до различных ее применений» (1865). Это не оригинальное издание. Ввиду острой потребности в словаре по паросиловым установкам — веку пара нужны были словари по паровым машинам, как веку атома нужны словари по ядерной технике,— Энгель вернулся к старинной традиции использования готовых словарей. Он взял изданный в 1853 г. во Франции лексикон и добавил к нему русскую часть. Во французском издании было пять языков, вместе с русским стало шесть. Словарная статья выглядела так:

Français	Allemand	Anglais	Suedos	Italien	Russe
Acier	Stahl	Steel	Stål	Acciajo	*Сталь*

Словари Энгеля не могли оказаться долговечными. Переоснащение армии и флота новой техникой было в самом начале, и словари были обречены на быстрое устаревание. Но они, даже отслужив свой срок, продолжали приносить пользу составителям новых словарей. Так, есть мнение, что для сборника морской терминологии Р. А. Сорохтина (1872) источником послужил «Морской технический словарь» Энгеля [12]. Авторы «Немецко-русского военно-технического словаря» (1887) также называют словари Энгеля своим справочным материалом.

Все словари Энгеля многоязычные. Как же так, можно задать вопрос, лексикографы уже поняли преимущества двуязычных словарей, а Энгель будто бы не заметил этого? Какие у него были мысли на этот счет, сказать уже невозможно. Очевидно, правомерными будут такие предположения: двуязычие только что успело завоевать позиции для общеупотребительной лексики, но для терминологии его преимущества еще не были доказаны. Неадекватность терминологических систем менее заметна. И второе: Энгель возлагал большие надежды на терминологическую работу, он, очевидно, рассчитывал, что при проведении дефинирования и систематизации терминов можно давать в словарях любое количество языков и в любом наборе.

Об идеях Энгеля, касающихся составления многоязычных технических словарей с предварительной работой по упорядочению терминологии, мы и расскажем. В конце

60-х годов, после составления им нескольких технических словарей и приобретения основательного опыта, он задумал новый серьезный труд — политехнический словарь на четырех языках. Он не сумел начать над ним работу, но замысел свой он изложил на заседании Русского технического общества в 1867 г.[13] Доклад Энгеля мог бы послужить программным документом переводной специальной лексикографии.

Русское техническое общество создано за год до этого, в 1866 г., с целью содействовать развитию техники и технической промышленности в России. Обществом проводились чтения, совещания и публичные лекции, оно способствовало изданию книг, служащих распространению технических знаний (и в случае со специальными переводными словарями оно действовало успешно), занималось вопросами технического образования. Так сложились обстоятельства, что лексикография могла выступить перед общественностью с готовыми идеями, и налицо оказался компетентный орган, готовый помочь в их осуществлении.

Энгелю прежде всего хотелось убедить слушателей в огромной роли лексикографии для научно-технического развития страны. «Лексикографии предстоит великое будущее,— говорил он,— она составляет цепь, коей звенья образуют народные языки и наречия, она соединяет все народы мира и способствует таким образом той великой цели науки, из всех народов составить великое целое» [14]. Энгель доказывает, что словарное дело вступило в период, когда составление технического словаря не под силу одному человеку. Если же Техническое общество возьмется за эту работу сообща, то можно рассчитывать на успех.

У Энгеля есть конкретный план работы. Он предлагает членам Общества собирать каждому по своей специальности «важнейшие технические выражения» с кратким объяснением и всеми известными ему наименованиями на других языках. Специальная комиссия должна сводить терминологию в единый словарь и редактировать его.

План Энгеля был превосходным. Он предусматривал участие компетентных авторов, он предусматривал процессы дефинирования и систематизации терминов. Предусматривалась и работа по номинации новых понятий, т. е. подбор наименований для безэквивалентных терминов («многим существенным предметам предстоит дать

приличествующее название»). Наконец, предусматривалось общее редактирование материала.

Однако реальных предпосылок для полноценного осуществления плана Энгеля не было. Проект опережал возможности лексикографов. Слишком необъятна задача сбора и обработки терминологии по всем отраслям знания, чтобы ее могли осуществить члены молодого Общества, выполняющего многочисленные функции. Для подобной обширной терминологической работы отсутствовали научная и материальная база. Не учитывались многочисленные политические (возможность контактов между специалистами разных стран), социальные, экономические факторы. Энгель, как увлеченный лексикографией человек, не видел многих трудностей.

Решение об издании словаря было принято. Правда, некоторая часть Общества отнеслась к проекту Энгеля пассивно, указав на трудности работы. Высказывались мнения и о том, что полезнее был бы русско-иностранный вариант технического словаря [15]. Как известно, любая страна больше заинтересована в получении информации извне, для чего служат словари типа «иностранный язык — родной язык», чем в сообщении своей научно-технической информации иностранцам, в чем способствуют словари типа «родной язык — иностранный язык». Почему некоторые члены Общества отдавали предпочтение словарю второго типа, трудно сказать. По-видимому, технические специалисты не могли еще до конца разобраться в задачах переводной лексикографии.

Энгель скончался в 1871 г. и не смог принять участия в составлении словаря. По поручению Общества над словарем работал П. П. Андреев, инженер-технолог и действительный член Русского Технического Общества. Он старался следовать методическим указаниям Энгеля, о чем и написал в предисловии к трехтомному словарю, который назывался «Технический французско-русско-немецко-английский словарь» и вышел в 1881—1884 гг.

Методика составления словаря состояла в следующем: автор собирал термины по всем техническим отраслям, разбивал их по разделам и рассылал 29 специальным редакторам для просмотра переведенных и перевода непереведенных терминов. Отредактированные термины располагались по алфавиту, статьям придавалась установленная форма, и материал отправлялся в печать.

Немаловажным моментом была разработка формы словарной статьи. До сих пор допускалось разнообразное

оформление статей: с указанием грамматического рода артиклем или пометой, с помещением дефиниции после запятой, после двоеточия, в скобках; с включением в переводную часть пояснений, не являющихся переводом заголовочного слова (*говорится о хромой лошади*) и т. д. При работе над техническим словарем была создана комиссия из шести человек, которая занималась разработкой общих принципов, в том числе единой формы словарной статьи. Особенно большую работу провел А. Э. Краузольд, который дважды опубликовал материалы комиссии [16].

В разработанных правилах рекомендовалось добиваться полноты словаря, но исключать слова общеупотребительные, «не имеющие характера технических или научных терминов». От устаревших терминов рекомендовано отказаться. Переводная часть должна была содержать все синонимы, причем на первое место ставился наиболее употребительный термин. Обращалось внимание на многозначность терминов (рекомендовано включать все значения) и их безэквивалентность (в таких случаях можно было дать краткое описание понятия). Предлагалась также детально разработанная система грамматических и специальных (обозначающих область знания) помет, скобок, шрифтовых выделений.

Итак, появились правила составления словарей. Разработка единых принципов означала упорядочение словарной работы. С рекомендациями по словарной работе познакомились все, кто читал Записки Русского технического общества, кто пользовался «Техническим словарем» Андреева. По образцу подготовленного словаря могли составляться узкоотраслевые словари.

Действительно, предварительно проделанная работа принесла хорошие результаты. Словарь Андреева обеспечивал полноту и системность словника, точность перевода, соответствие уровню научных и технических знаний. Приведем примеры статей:

Geometrie *f.* Math (science qui a pour but la mesure des lignes, des surfaces et des volumes) | *геометрия* |die Geometrie| geometry

Aerostatique *f.* Mec (statique des fluides aériformes) | *Аэростатика, учение о равновесии газов* | die Aerostatik, Statik des luftförmigen Körper | aerostatics

Словарь Андреева имел хорошо продуманный справочный аппарат, в который вошли предисловие, список сокращений, список литературных источников (насчиты-

вающий 70 иностранных энциклопедий, словарей и технических трудов и 52 отечественных издания).

Еще одно обстоятельство весьма способствовало развитию словарного дела — вошедшее в практику рецензирование опубликованных специальных словарей. Истинные качества словарей обнаруживаются только при их более или менее длительном практическом использовании, и отзывы читателей имеют для лексикографов большую ценность. В хороших рецензиях затрагиваются, как правило, и теоретические вопросы, что двигает вперед науку о составлении словарей. В пример снова можно привести материалы «Морского сборника», напечатанные в 70—80-х годах. В них затрагивались, например, вопросы соотношения основной и смежной терминологии, а также соотношение фундаментальных и узкоотраслевых терминов. Конкретные примеры, взятые из опубликованных словарей, были поучительными и наглядными. Так, в рецензии на «Морскую терминологию с русского на английский язык» Р. А. Сорохтина (1872)[17] не оспаривалась необходимость для морского словаря терминов из смежной области деревообработки, в частности названий пород деревьев. Но рецензент отмечает не совсем удачный отбор смежных терминов: из множества пород деревьев, используемых в кораблестроении, взято всего 3—4 и среди них *ива*, которая не идет ни для каких поделок на корабле. К тому же в словнике отсутствуют некоторые из основных морских терминов (автор приводит в пример *рангоут; снасти* и т. д.), что позволяет говорить о некоторой нелогичности в отборе терминов. Еще на одном пункте остановился автор рецензии — на неточных, ненормативных русских оборотах в переводной части: *размотать якорный канат с битенга* вместо *снять с битенга, встать на якорь* вместо *стать на якорь, приплывать на парусах* вместо *прийти под парусами*. Специалист, знаток морского языка воспримет эти неточности весьма неодобрительно, и словарь много потеряет в его глазах *.

---

* Приведем примеры ошибок такого рода, собранные нами из специальных немецко-русских словарей нашего времени[18]. В 1930 г. вышел «Немецко-русский медицинский словарь», авторы которого по многим причинам еще не могли обеспечить высокой лексикографической культуры и дали ряд неудачных формулировок: *народная болезнь* вместо *пандемия, разговор мимо темы* вместо *ошибки речи, ползун* вместо описательного перевода *больной, передвигающийся с помощью рук при параличе нижних конечностей*. В «Немецко-русском медицинском

Ошибки в переводных словарях, к сожалению, не редкость, что может подтвердить любая рецензия старых и новых времен. Не всегда помогает привлечение большого числа авторов, специалистов различных направлений. Да, коллективный труд в лексикографии давно стал нормой, на титульном листе словарей мы, как правило, видим не одного, а нескольких авторов. Без разделения и взаимодействия научного труда обойтись невозможно, словарники убедились в этом уже в прошлом веке, но и здесь есть своя оборотная сторона: возникает вероятность эклектизма, появления несвязанных и несогласованных высказываний, ускользающих от внимания участников коллективного труда. Квалифицированные рецензии могут помочь в этих обстоятельствах, сделанные в них замечания можно учесть при переиздании словаря.

Современному словарнику и терминологу, конечно, интересно и полезно узнать имена и обстоятельства, связанные с первыми опытами терминологической работы в России. Но одно ли это почерпнем мы из истории? Не напомнят ли нам наши предшественники некоторые забытые нами правила? На наш взгляд, таким правилом является взаимодействие переводной лексикографии и терминоведения.

Терминоведение формировалось под сильным влиянием специальной переводной лексикографии. Именно потребность правильно переводить термины ввела практику определения научно-технических понятий и их систематизации. Затем произошло отделение терминоведения как самостоятельной дисциплины, и его роль необыкновенно возросла. Терминоведение разрабатывает в настоящее время сложнейшие задачи создания научных основ унифицированной терминологии и практического упорядочения терминологии. Существуют национальные и международные учреждения, занимающиеся решением этих задач,— Комитет научно-технической терминологии при

словаре» (1970) также есть погрешности: Katzenkratzkrankheit переведено как *болезнь царапины кошки* (нормативный термин — *болезнь от кошачьих царапин*), Kopfhängelage дано как *положение со свешенной головой* (правильный термин — *свисающая голова*). Авторы «Немецко-русского словаря по полиграфии и издательскому делу» (1977) в ряде случаев также не нашли правильного терминологического перевода: Streuzeichnungen дано как *беспорядочно расположенные рисунки*, на самом деле это *рисунки, расположенные в оборку*; Paperback переведено как *книга в мягком (бумажном) переплете*, нормативный термин — *книга в бумажной обложке.*

АН СССР, Комитет «Терминология» при Международной организации по стандартизации и т. д. Построение, упорядочение и изучение терминологий способствует лучшему взаимопониманию специалистов, их подготовке в учебных заведениях, изданию научно-технической литературы, научно-информационной практике. Правильно построенная и упорядоченная терминология необходима при автоматизации информационных процессов, автоматическом поиске информации, применении ЭВМ в народном хозяйстве.

Закономерно, что лексикографы пользуются данными терминоведения при составлении научно-технических словарей. Без знания современного учения о соотношении термина и понятия, о процессах терминообразования, о логической и лингвистической системности терминологии не могут создаваться хорошие словари. Но обратная связь, использование данных переводной лексикографии в терминоведении, со времен Энгеля и Андреева несколько ослабела. Переводная лексикография может и должна дать терминологам иноязычные терминосистемы в их сопоставлении с русскими. Их изучение как для исследовательской, так и для практической работы по упорядочению терминологий необходимо. Для Энгеля и Андреева системы понятий существовали в нескольких вариантах: технические выражения собирались ими с объяснениями и всеми известными наименованиями на других языках, а наименования на других языках часто выстраиваются в систему, отличающуюся от системы наименований в родном языке. Сравнение различных систем давало пищу для размышлений, расширяло кругозор терминологов, им не грозила замкнутость в ограниченном круге представлений. Если отдельные исследователи или внутригосударственные органы по упорядочению терминологий упускают из виду или игнорируют изучение других существующих вариантов терминосистем, они делают шаг назад по сравнению со своими предшественниками. Не терять ни крупицы накопленного опыта, не тратить времени и сил на открытие того, что уже давно открыто,— этого требует от нас жизнь в современных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

Латинские и греческие лексиконы просветителя Епифания Славинецкого

1 *Ротар И.* Епифаний Славинецкий — литературный деятель XVII в. Киев, 1901, с. 3; *Німчук В. В.* Староукраïнська лексикографія в зв'язках з російською та білоруською. Київ, 1980, с. 213.
2 *Ротар И.* Указ. соч., с. 21. См. также: *Румянцева В. С.* Ртищевская школа.— Вопр. истории, 1983, № 5, с. 179—183.
3 *Ротар И.* Указ. соч., с. 119.
4 *Ундольский В. М.* Библиотека Павла, митрополита Сарского и Подонского, и книги и имущество Епифания Славинецкого.— В кн.: Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1850, кн. 5, отд. 3.
5 *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968.
6 *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. 1, с. 195.
7 *Браиловский С.* Филологические труды Епифания Славинецкого.— Рус. филол. вестн., 1890, т. 23, с. 250.
8 ЦГАДА, ф. 81, ед. хр. 141.
9 *Луппов С. П.* Книга в России в XVII в. Л., 1970, с. 188.
10 *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XVI—XVII вв. СПб., 1903.
11 Например: Польско-русский словарь 1670 г. (ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 792).
12 *Ковтун Л. С.* Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977, с. 86.

Глава 2

От учебных словарей к «Лексикону треязычному» (И. Ф. Копиевский и Ф. П. Поликарпов-Орлов)

1 Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887, т. 1, с. 328.
2 См., например: *Березина О. Б.* Два тематических лексикона начала XVIII в.— В кн.: Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980.
3 *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973, с. 142—143.
4 См., например: *Сперанский М. Н.* Один из источников «Триязычного лексикона» Федора Поликарпова — рукописный белорусско-латинско-польский словарь XVII в.— В кн.: Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 210; *Якубович Т. Д.* «Лексикон треязычный» 1704 г.

Ф. П. Поликарпова: (Источники и состав словаря). Автореф. канд. дис. Л., 1959.

5 *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855, с. 182.

6 Письма и бумаги Петра Великого, т. 1, с. 9.

7 Подробный разбор этой части словника дается в статье: *Пономарев В. И.* К истории сложных слов в русском языке.— Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1953, т. 4, с. 44—54.

8 *Биржакова Е. Э.* Лексикографические источники и их использование в словаре русского языка XVIII в.— В кн.: Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977, с. 99.

Глава 3
Яков Брюс и искусство словарного перевода

1 Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887, т. 1, с. 229—233.

2 Там же.

3 Законодательные акты Петра Первого. М.; Л., 1945, с. 53.

4 ЦГАДА, ф. 9, отд. I, оп. 2, кн. 53, л. 28, 40, 54.

5 Опись библиотеки Я. В. Брюса (ЦГАДА, ф. 17, ед. хр. 10).

6 ЦГАДА, ф. 9, отд. 2, кн. 26, л. 163.

7 ЦГАДА, ф. 9, отд. 2, кн. 31, л. 282.

8 *Биржакова Е. Э.* Из истории русско-иноязычной лексикографии XVIII в. «Русско-голландский лексикон» Якова Брюса.— В кн.: Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980, с. 24.

9 *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973, с. 143.

10 Немецко-русский словарик жаргонных слов, кличек и крепких словечек / Сост. Т. Ауэрбах; Под ред. доц. генерал-майора Н. Н. Биязи. М., 1942.

11 *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, т. 1, с. 344—365.

12 *Нордстет И.* Российский с немецким и французским переводом словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. СПб., 1780—1782. Ч. 1, 2; *Гейм И.* Словарь немецко-российский, старанием Иоганна Гейма, коллежского асессора и императорского Московского университета профессора и подбиблиотекаря. Рига, 1795.

13 Более подробные сведения о русской и переводной лексикографии XVIII в. даны в работе: *Биржакова Е. Э.* Лексикографические источники и их использование в словаре русского языка XVIII в.— В кн.: Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977.

Глава 4
«Треязычный морской словарь» флота капитана А. С. Шишкова

1 *Аксаков С. Т.* Воспоминания об А. С. Шишкове.— Собр. соч.: В 5-ти т. М., 1966, т. 2, с. 277—299.

2 *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1803, с. 36.

3 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., 1947, т. 2, с. 368.

[4] Там же, 1949, т. 12, с. 337.
[5] *Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения: Адмирал Шишков и канцлер Румянцев. Одесса, 1887—1888, с. 13—23.
[6] *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки. М.; Л., 1964, с. 90—125.
[7] *Замкова В. В.* Специальная лексика в Словаре Академии Российской.— В кн.: Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980, с. 90.
[8] Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран и названия вещей главных и новейших, относящихся до коммерции. М., 1787; Словарь минералогический, старанием Вольного экономического общества изданный. СПб., 1790.
[9] Заметки Ученого комитета Морского министерства. Б. м., 1832, ч. IV, с. 274.
[10] См., например: *Чуковский К. И.* Высокое искусство. М., 1968, с. 66—68; *Шкловский В.* Ветер наполняет наши паруса.— Лит. газ., 1984, № 7.

Глава 5

Ф. Рейф — автор и издатель многоязычных словарей

[1] Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне: Библиогр. описание. М., 1972—1975.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 138.
[3] Там же, с. 145.
[4] *Греч Н. И.* Путевые письма из Англии, Германии и Франции, 1839, ч. 2, с. 195.
[5] Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896, т. 1, с. 421.
[6] *Срезневский И. И.* Обозрение научных трудов А. Х. Востокова. СПб., 1865, с. 4.
[7] *Гельтергоф Ф.* Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон купно с прибавлением иностранных слов, также с сокращенною российскою этимологией. М., 1771, 1778.
[8] *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910, вып. 1, с. 226.
[9] Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, с. 442.
[10] Рассматривается материал издания: *Рейф Ф. И.* Новые параллельные словари языков русского, французского, немецкого и английского. 4-е изд. Карлсруэ, 1871. Ч. 1.
[11] *Макаров Н. П.* История создания словарей.— В кн.: Мои семидесятилетние воспоминания. СПб., 1881. Ч. 1.
[12] *Макаров Н. П.* Полный русско-французский словарь. СПб., 1867; *Он же.* Полный французско-русский словарь. СПб., 1869.
[13] *Макаров Н. П.* Заметки по лексикографии в связи с замечаниями на «Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля».— Семья и школа. СПб., 1877, № 8, кн. II, с. 56.
[14] Там же, с. 55.
[15] Там же, с. 54.
[16] Присуждение 20-е учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1851, с. 313.
[17] *Чуковский К. И.* Высокое искусство. М., 1968, с. 145—151, 309.
[18] Современник, 1843, т. XXX, с. 111.
[19] Отеч. зап., 1844, № 11, т. 37, отд. 6, с. 40.

20 Москвитянин, 1850, ч. 5, № 18, с. 68.
21 Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896, т. 2, с. 460, 822.

Глава 6

Появление классических трудов в лексикографии (И. Я. Павловский)

1 История Тартуского университета 1632—1982. Таллин, 1983, с. 81.
2 Там же, с. 79, 83.
3 Там же, с. 80.
4 *Розберг М. П.* Питомцам Московского университета, празднующим день его основания 12 января 1858. Дерпт, 1858, с. 5.
5 ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, ед. хр. 1264.
6 Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования. Юрьев, 1903. Т. 2.
7 *Pawlowski I. J.* Russische Sprachlehre für Deutsche. Dorpat, 1838.
8 Присуждение 13-е учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1844, с. 109.
9 И. Я. Павловского русско-немецкий словарь. 2-е изд., испр. и доп. И. Николичем и Н. Асмусом. Рига, 1879.
10 *Павловский И. Я.* Полный немецко-русский словарь. Рига, 1867.
11 *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.
12 Например: *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика. М., 1974, с. 192—201.
13 О переводе поэмы «Василий Теркин» см.: Тетради переводчика. М., 1982, вып. 19, с. 43.
14 Большой немецко-русский словарь. М., 1980. Т. 1, 2.
15 *Коготкова Т. С.* Из истории формирования общественно-политической терминологии.— В кн.: Исследования по русской терминологии. М., 1971, с. 114—162.
16 Происхождение фразеологизмов здесь и далее объясняется по кн.: *Райхштейн А. Д.* Немецкие устойчивые фразы. Л., 1971; *Borhardt-Wustmann-Schoppe.* Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund. Leipzig, 1955.
17 Присуждение 25-е учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1856, с. 335.
18 *Pawlowski I. J.* Russisch-deutsches Wörterbuch. Zentralantiquariat. Leipzig, 1960; Photomechanischer Nachdruck der 3. Auflage. Riga, 1911.

Глава 7

Научно-технический прогресс XIX в. и словари

1 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 71.
2 Приведем перечень технических, военных и морских словарей: *Шульц В.* Словарь морских слов и речений парусного и пароходного флота. 3 части (французская, английская, русская). СПб., 1853; *Энгель А. М.* Морской технический словарь (англо-французско-русский и французско-англо-русский). СПб., 1863—1868; *Энгель А. М.* Военно-технический французско-немецко-английско-русский словарь, содержащий все технические выражения, относящиеся: до военного искусства вообще и до специальных его частей в особенности. СПб., 1863—1868. Вып. 1—

6; *Энгель А. М.* Шестиязычный словарь всех терминов, относящихся до паровой машины. СПб., 1865; *Ашик В. А.* Французско-русский технический словарь. СПб., 1877; *Кутузов В. Н.* Краткий технический словарь французско-русский. Гейдельберг, 1878; *Андреев П. П.* Технический французско-русско-немецко-английский словарь, заключающий в себе слова, употребляемые в промышленности, в прикладных науках и искусствах, составленный по поручению Русского технического общества. При участии М. И. Алтухова, Валтера и Коха, Г. П. Вишневского и др. СПб., 1881—1884. Т. 1—3; *Сорохтин Р. А.* Морская терминология с русского на английский язык. СПб., 1872; *Миллер И. И., Модрах К. А.* Немецко-русский военно-технический словарь. СПб., 1887; *Коренблит А. И.* Немецко-русский технический словарь. М., 1892.

[3] *Энгель А. М.* О морском словаре.— Морской сб., 1862, № 4, с. 336—349; *Он же.* О необходимости карманного морского словаря для морских офицеров при заграничных их путешествиях.— Там же, № 6, с. 115—120; *Он же.* Проект справочного морского словаря.— Там же, 1866, № 6.

[4] *Топорова Е. М., Барабанова Г. В.* В заграничном плавании: (Русско-английский разговорник-справочник). М., 1976.

[5] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973, с. 286—300, 348—367, 438—449, 574—589.

[6] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1936, т. 8, с. 325—355.

[7] *Энгель А. М.* Морской технический словарь. Ч. 1. Англо-французско-русская. СПб., 1863. Вып. 1—5.

[8] *Энгель А. М.* Военно-технический французско-немецко-английско-русский словарь. СПб., 1863. Вып. 1.

[9] *Коренблит А. И.* Немецко-русский технический словарь. М., 1907, с. 6.

[10] В течение XIX в. вышли следующие словари по технике, военному и морскому делу: *Вельяшев-Волынцов Д.* Словарь математических и военных наук, содержащий в себе названия всех наук, относящихся каким-либо образом к математике и военному искусству. 2 части, 5 книг. СПб., 1808; *Тучков М. С.* Военный словарь, заключающий наименования или термины, в российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежат, из какого языка взяты, как могут быть переведены на российский, какое оных употребление и к чему служат. 2 части. М., 1818; *Руже М.* Ручной словарь для инженеров, заключающий в себе все части фортификации и иных наук, принадлежащих сему искусству, расположенный по алфавитному порядку русских букв. Подлинный составлен на польском языке в Варшаве 1825 г. полк. Руже / Пер. на рус. яз. К. Красовским. СПб., 1829; *Шишков А. С.* Морской словарь, содержащий объяснение всех названий, употребляемых в морском искусстве. 3 тома. СПб., 1832—1840; Техническая энциклопедия, издаваемая под ред. Д. И. Менделеева. СПб., 1862—1868; Вып. 1—7; *Савельев Ал.* Алфавитный сборник технических слов старых и новых, относящихся к строительному и инженерному искусствам, химии, физике и механике. СПб., 1869; Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов / Под ред. Л. И. Зедделера. 14 томов. СПб., 1837—1852; 2-е изд. / Под ред. М. И. Богдановича. СПб., 1852—1858. Т. 1—14.

[11] *Даниленко В. П.* Русская терминология. М., 1977, с. 55.

[12] Морской сб., 1874, № 2, с. 16.
[13] Записки Русского технического общества, 1867, № 6, с. 390—396.
[14] Там же.
[15] Это пожелание П. П. Андреев выполнил в следующей своей работе, в «Русском товарном словаре» (1889), напомнив в предисловии об истории создания политехнического многоязычного словаря.
[16] Записки Русского технического общества, 1871, № 1.
[17] Морской сб., 1874, № 2, с. 17.
[18] Немецко-русский медицинский словарь / Сост. С. Л. Санкин, М. В. Триус. М.; Л., 1930; Немецко-русский медицинский словарь. Сост. А. Ю. Болотина и др. М., 1970; Немецко-русский словарь по полиграфии и издательскому делу / Под ред. А. Н. Чернышева. М., 1977.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Латинские и греческие лексиконы просветителя Епифания Славинецкого 7

Глава 2. От учебных словарей к «Лексикону треязычному» (И. Ф. Копиевский и Ф. П. Поликарпов-Орлов) 21

Глава 3. Яков Брюс и искусство словарного перевода 39

Глава 4. «Треязычный морской словарь» флота капитана А. С. Шишкова 55

Глава 5. Ф. Рейф — автор и издатель многоязычных словарей 73

Глава 6. Появление классических трудов в лексикографии (И. Я. Павловский) 93

Глава 7. Научно-технический прогресс XIX в. и словари 131

Примечания 153

Юлия Клавдиановна Якимович

**Деятели русской культуры
и словарное дело**

Утверждено к печати
редколлегией серии научно-популярных
изданий Академии наук СССР

Редактор издательства **Н. Г. Герасимова**
Художник С. **Б. Воробьев**
Художественный редактор **Н. А. Фильчагина**
Технический редактор **Н. П. Переверза**
Корректоры **В. А. Бобров, Т. М. Ефимова**

ИБ № 29541

Сдано в набор 17.10.84
Подписано к печати 23.01.85
Формат 84×108 1/32
Бумага книжно-журнальная (импортная)
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 9,7. Усл. кр. отт. 9,14
Тираж 15 400 экз. Тип. зак. 713
Цена 60 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА